
Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2016

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ростислав ИЩЕНКО. Террор и цивилизация	3
Виктор САУЛКИН. 13-я русско-турецкая война?	8
Михаил АНТОНОВ. Правда об украинцах и Украине	97
Сергей ЛЕБЕДЕВ. Страна иммигрантов	151
Галина ПЫРХ. Беженцы в России	222

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Отравы . Повесть	19
Лев ТРУТНЕВ. Два рассказа	129
Михаил ЕСЬКОВ. Зёрнышки	195

ПОЭЗИЯ

Виктор МЕЛЬНИКОВ. Силуэты . Стихи	83
Борис РЯБУХИН. Берёзовый свет . Стихи	91
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Сквозь боль и страх . Стихи	139
Бати БАЛКИЗОВ. В порыве к свету . Стихи. Перевод с кабардинского Валерия Латынина	144
Стихи поэтов Донбасса	213
Валентина БЕЛЯЕВА. Неразгаданные звуки . Стихи	256

РУССКИЙ ВОПРОС

Андрей СОШЕНКО. Национальная идея и национальный вопрос	235
Александр ШУМСКИЙ. Державность, всеотзывчивость и традиционализм	244

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Саид ЭСАМБАЕВ. Я полжизни провел на войне	248
--	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Михаил НАЛИМОВ. Доказательства великого подлога	259
--	-----

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Михаил ДЕЛЯГИН Принцесса либерализма	268
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	279
--	-----

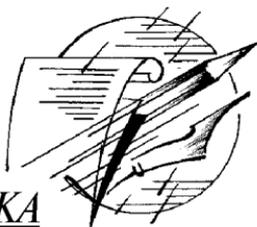
ТЕРРОР И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Роман Анатоля Франса «Остров пингвинов» квалифицируется литературоведами как пародия на французскую историю. И это действительно так. Впрочем, его можно было бы отнести и к другим жанрам: фантастики, антиутопии, альтернативной истории и даже назвать романом-пророчеством.

Изданное в 1908 году произведение заканчивается сценами гибели пингвинской цивилизации в результате масштабных действий террористов, направленных против мегаполисов. При этом Франс указывает на тщетность попыток силовых структур организовать противодействие. После того как в подвергшийся террористической атаке столичный мегаполис вступило несколько армейских корпусов и было введено военное положение, ситуация только ухудшилась...

Сейчас цивилизация вплотную подошла у описанной Франсом ситуации. В мире нет ни одного государства, которое можно было бы считать полностью защищенным от актов террора.

Причем это уже не терроризм, направленный на смену социально-экономического строя, каким был терроризм «Красных бригад» в Италии или «Фрак-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ции красной армии» в Германии. Это не терроризм, направленный на отделение какой-то территории от государства (как терроризм сепаратистов испанской Басконии или британской Северной Ирландии), это не терроризм проигравшей войну и потерявшей территорию, но не уничтоженной и не смилившейся стороны, как направленный против Израиля палестинский терроризм. Это даже не мафиозный террор, направленный на запугивание правоохранительных органов, свидетелей и судейского корпуса, и не терроризм религиозных фанатиков, мстящих за книги, высказывания или иные не нравящиеся им действия.

Все вышеперечисленные и многие другие виды террора, при всех его ужасных последствиях, направлены на достижение определенных целей в рамках существующей системы. Более того, террористы прошлых лет были заинтересованы в том, чтобы после достижения ими своих целей система продолжала функционировать. Даже мафия могла существовать только в рамках регулярного государства. В племенных обществах, сохранившиеся в джунглях Амазонки или в тропических лесах Африки, нет условий, необходимых для возникновения и существования мафии.

Новый терроризм, с которым мир в первый раз столкнулся во время удара по башням-близнецам в Нью Йорке и очередное проявление которого мы увидели в выходные во Франции, это — терроризм, предсказанный Анатолем Франсом более столетия назад. Он направлен против основ нашей цивилизации.

В данном случае не побоюсь возможных упреков в европоцентризме и скажу, что именно против основ современной глобальной европейской цивилизации.

Потому что цивилизация доллара, айфона, Организации Объединенных Наций, мегаполисов, глобализированной экономики и глобальной торговли выросла именно из европейской цивилизации нового времени. Китайская, японская, российская и любые другие экономики и государственное устройство, при всех местных особенностях и традициях, построены именно по европейскому образцу. И именно Европу (а со второй половины XX века Европу и США) мы имеем в виду, когда говорим о необходимости модернизационного рывка, о догоняющей модели развития и т.д. Европу догонял Петр I, европейские порядки внедряли в Японии император Мэйдзи, а в Китае деятели Гоминьдана. Советские Союз и КНР стремились «догнать и перегнать США».

Все это не хорошо и не плохо. Это просто констатация факта, необходимая для понимания того, что новый терроризм, в какой бы стране ни проявился он в очередной раз, угрожает всем нам как носителям определенной общей культуры.

Современная цивилизация мегаполисов, при всей своей внешней технологической мощи, крайне хрупка. Бескрайние города, населенные миллионами и десятками миллионов жителей, нуждаются в ежедневном подвозе огромного количества продуктов и товаров первой необходимости. Перебой с поставками грузов даже на несколько дней способны поставить их на грань социальной катастрофы. В случае сколько-нибудь длительных перебоев с обеспечением электроэнергией не только погаснет свет в домах и офисах, исчезнет интернет, остановятся трамваи и метро. Перестанут работать лифты, остановятся качающие воду насосы и прекратится водоснабжение, прекратит работу канализация, перестанут функционировать электроплиты, умрет газоснабжение, а в зимний период остынут батареи. В течение недели огромные массы людей могут внезапно переместиться из века космических технологий в каменный век.

Но если стратегические объекты жизнеобеспечения еще можно взять под усиленную охрану и максимально затруднить террористам доступ к ним, то остановить проникновение террористических групп в современный мегаполис ни одна спецслужба в мире не в состоянии.

Каждый день город масштаба Москвы для обеспечения своей жизнедеятельности должен принимать массы людей, счет которым идет даже не на сотни тысяч, а на миллионы. Это и люди, обеспечивающие доставку грузов, а также транзитные грузопотоки, и туристы, и граждане, перемещающиеся по рабочим и служебным делам. Проверить каждого невозможно, а любое усиление режима безопасности ведет к замедлению темпа жизнедеятельности, а в перспективе и к парализации жизни в мегаполисе.

Просто представьте себе, насколько замедлится перемещение людей по городу, если любого пассажира метро начнут проверять и досматривать так же тщательно, как в аэропорту. А ведь при всей жесткости досмотра теракты в самолетах не редкость. Между тем по эффективности (количество погибших, воздействие на психику) теракт в метро мегаполиса может оказаться куда серьезнее. А ведь есть еще трамваи, троллейбусы, автобусы, поезда, да и личные автомобили, стоящие в час пик в пробке на мосту или в тоннеле, весьма уязвимы.

При этом массовый отказ граждан от поездки на курорт и жителей столичного мегаполиса от поездки на работу — не одно и то же. А более-менее продолжительная серия достаточно масштабных терактов выведет из состояния душевного равновесия жителей любого крупного города. Между тем парализовать жизнь столицы — парализовать жизнь страны, а удар по нес-

кольным крупным мировым центрам ведет к угрозе нормальной функционирования глобальной экономики.

Конечно, для того, чтобы поставить под угрозу нормальную жизнь в отдельном государстве, не говоря уже об угрозе цивилизации, необходимо обеспечить достаточно масштабную и достаточно продолжительную террористическую атаку. А для этого, в свою очередь, надо располагать подготовленной армией из нескольких сотен (если речь идет об одном городе), нескольких тысяч (в масштабах страны) и нескольких десятков тысяч (чтобы поставить под угрозу цивилизацию) готовых на все террористов.

До последнего времени эта задача казалась нерешаемой. Но после появления армии «строителей халифата», действующих откровенно террористическими методами, и целой сети симпатизирующих ей организаций в Европе, Азии и в Северной Африке, вопрос человеческих, материальных и финансовых ресурсов в целом решен. Уничтожение современной европейской цивилизации как цель заявлено. Неизбежное военное поражение халифата в Сирии и Ираке оставит ему только один метод борьбы — путь террора.

Спецслужбы совершенствуются, но и террористы отшлифовывают свои методы, параллельно изучая методы работы спецслужб и изыскивая пути эффективного противодействия. Кроме того, до сих пор террористы всегда имели преимущество атакующей стороны. Наконец, в условиях глобального конфликта великих держав, когда террористов не стесняются делить на плохих и хороших, правильных и неправильных, радикальных и умеренных, они обладают огромным количеством лазеек, позволяющих сохранить структуры, обеспечить стабильное финансирование, наращивание численности и ведение агентурной работы против структур регулярных государств.

Таким образом, террористическая угроза, причем не отдельному государству, а сразу всей цивилизации, крайне велика. Даже государства, спонсирующие террористов для достижения своих региональных или глобальных целей, не могут чувствовать себя в безопасности. Как бы они с террористами ни дружили, сами они являются органической частью той цивилизации, которую террористы мечтают разрушить.

В то же время я бы не стал абсолютизировать возможности террористов и объявлять их непобедимыми и неуловимыми.

Что наиболее неприятно в их тактике?

То, что они ставят нас перед необходимостью выбора между плохим и худшим. Если не применять жесткие меры борьбы с террором, они способны быстро дестабилизировать це-

лую страну или ряд стран. В случае же резкого усиления мер безопасности государство рискует парализовать само себя.

Но такой прецедент в мировой истории уже был. С шестнадцатого по начало девятнадцатого века все меры, принимаемые для борьбы с пиратством в Атлантике (особенно в Карибском бассейне), оказывались недейственными. То количество военных кораблей, которое снаряжалось для антипиратских рейдов и охраны конвоев, было неспособно справиться со значительно более многочисленными и прекрасно знавшими местные воды пиратами. А попытка снарядить еще больший флот вела к тому, что государство несло большие материальные издержки, чем от пиратских набегов на купцов, и оказывалось не в состоянии содержать его в отдаленных водах более-менее длительное время.

Казалось, вопрос с этими террористами морских просторов нерешаем. Однако он решился в течение двадцати лет, когда в начале девятнадцатого века цивилизованные государства согласились с тем, что разногласия и даже вражда между ними не должны вести к оказанию поддержки и предоставлению убежища пиратам, грабящим корабли оппонента. Наем каперов для действий на коммуникациях противника сменился крейсерской активностью кораблей регулярных флотов. А против пиратов начали согласованно действовать все флоты во всех водах.

То же средство действенно и против террористов.

Если державы согласятся, что их разногласия не должны вести к поддержке террористов, или предоставлению им убежища, или обеспечению их финансирования, то лишённые «безопасной гавани» и ресурсов большие террористические армии, способные составить реальную угрозу современной цивилизации, не смогут существовать, а отдельные банды спецслужбы цивилизованных государств, в тесном взаимодействии друг с другом, сумеют быстро уничтожить.

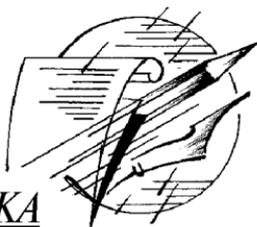
Это, конечно не гарантирует нас от террора одиночек или мелких идеологизированных групп, которые появлялись, появляются и будут появляться, как появляются в любом обществе маньяки-убийцы. Но одиночка может убить одного, несколько или даже несколько десятков человек, однако он не способен расшатать устои цивилизации.

То есть, для эффективной борьбы с современным терроризмом цивилизованные народы должны понять, что это реальная, всеобщая, глобальная угроза.

Если его не остановить — бенефициаров не будет, а современные Ливия или Ирак покажутся очагами развитой цивилизации. Уцелевшим в катаклизме придется осваивать технологию производства скребков, ножей и наконечников из обсидиана.

13-я РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА?

По приказу «старших товарищей» Эрдоган совершил акт неприкрытой агрессии против России. Что бы ни говорили западные политики, опасно оглядываясь на Вашингтон, абсолютно всем экспертам ясно, что российский самолет был сбит без всяких предупреждений, были нарушены все международные нормы, правила и действия, которые применяются к самолетам, нарушившим воздушные границы любой страны. Даже если СУ-24 «чиркнул» в течение 17 секунд по трехкилометровому языку турецкой территории, вклинившейся в землю Сирии, то ни предупредить (аж 10 раз!), ни даже принять решение атаковать его в своем воздушном пространстве турецкие истребители не успели бы. Турки барражировали в этом районе, поджидая наш самолет в засаде, хорошо зная маршрут, по которому бомбардировщик возвращается на базу, отработав по наземным целям. На СУ-24 турецкие истребители наводили РЛС с земли, а также самолеты АВАКС, турецкие самолеты не включали свои РЛС, поэтому у российского бомбардировщика не было возможности обнаружить атаку до пуска тепловой ракеты, кото-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рый осуществил турецкий летчик с убойного расстояния, практически в упор — это был самый настоящий вероломный удар в спину. Камеры турецких телекомпаний были заранее готовы снимать гибель СУ-24 и транслировать его падение чуть ли не в прямом эфире. Не только террористы, но, по словам представителя МО России, и некие подразделения, оснащенные современным спецоборудованием для пеленга радиосигналов маяка, были готовы к захвату пилотов сбитого СУ-24. Так что это был самый настоящий продуманный и заранее организованный удар, который, выскочив из засады, нанес турецкий истребитель. К тому же турецкий F-16 на 2 км вторгся в воздушное пространство Сирии, чтобы подло ударить в спину нашему самолету. Если учитывать, что между российскими военными и турками была специально налажена «горячая линия» для предотвращения любых инцидентов в небе, то турецкое вероломство и ложь о каких-то предупреждениях становятся особенно омерзительными. И особенно цинично звучат слова о том, что российский самолет сбили за нарушение воздушного пространства, от представителей Турции, самолеты которой за прошлый год 2 224 раза (!) вторгались в воздушное пространство Греции.

С Турцией в последние годы у нас были вполне добрососедские и даже дружеские отношения. Вспомним, как принимали Эрдогана в Москве на открытии новой соборной мечети, какие выгодные проекты экономического сотрудничества предлагались Турции. Но Турция предпочла всадить нож в спину России.

Турция открыто выступила на стороне ИГИЛ. Эрдоган сделал свой выбор, хорошо понимая, что, сбив российский самолет, превращает Турцию в откровенного врага нашей страны. Это не «инцидент», как пытаются назвать некоторые политики подлую атаку в небе над Сирией российского самолета, который ничем не угрожал Турции. Фактически ВВС Турции приняли участие в боевых действиях на стороне террористов. Сбив над территорией Сирии российский самолет, турки дали право нашим ВКС уничтожать любой турецкий летательный аппарат, который появится в зоне действий российской авиации. Любой турецкий военный самолет, появившийся в сирийском небе, можно считать авиацией псевдоисламского халифата.

Турцию считали членом коалиции, которая, как утверждали в Вашингтоне, под руководством США изо всех сил борется с международным терроризмом. Но Эрдоган сбросил маску, и Владимир Путин с полным основанием назвал руководство Турции пособниками террористов. Российская

авиация, уничтожая колонны с ворованной игиловцами сирийской нефтью, не только нанесла серьезный удар по коммерческим интересам семьи Эрдогана — контрабандой нефти занимаются его сын и зять. Операция российских ВКС нарушила планы Эрдогана и его единомышленников по воссозданию Османской империи. В этих планах исламистам отводилась важная роль. Не случайно глава турецкой внешней разведки Хакан Фидан заявил, что необходимо признать существование т.н. исламского государства, и открыть его представительства в европейских столицах.

Таким образом, претендующая на вступление в ЕС Турция откровенно поддерживает террористов, которые режут головы и сжигают живыми людей, уничтожают древние памятники человеческой цивилизации. Турция выступила на стороне террористов, взорвавших российский аэробус и расстрелявших безоружных людей в Париже. Одновременно с этим Эрдоган шантажирует европейцев, угрожая направить в Европу потоки беженцев. «Султан» Эрдоган мечтает к новой Османской империи присоединить земли соседних Ирака и Сирии. И произойти это должно было после окончательного разгрома этих государств армией исламских террористов. Авиаудары российских ВКС нарушили планы Эрдогана.

Большую часть сирийско-турецкой границы уже контролируют курды. И если при помощи российской авиации сирийская армия сможет установить контроль над той частью границы, которую пока контролируют туркоманы, то будет перекрыт канал поставки в Турцию ворованной нефти, а из Турции — оружия, боеприпасов и пополнения для отрядов исламистов. Чтобы заставить сирийскую армию отступить, а наши самолеты не летать в этом районе, турки решили сбить российский бомбардировщик.

Может, турки решили русских запугать? Но турки не учли, что запугивать русских — бессмысленное занятие. Штурман сбитого СУ-24 был доставлен поисково-спасательной группой на российскую базу. «Как только наш летчик оказался в безопасности, по указанному району наносились массированные удары российскими бомбардировщиками и реактивной артиллерией сирийских правительственных войск в течение длительного времени», — сообщил генерал-майор Игорь Конашенков. По его словам, «действовавшие в этом районе террористы и другие таинственные группы были уничтожены».

Во время этих ударов подтверждено уничтожение трех главарей бандформирований, среди которых Абу-Басир аль-Британи и Абу Салим. А также при неизвестных обстоятель-

ствах в это же время ликвидирован генерал туркоманов Рашид Багдаш, руководивший группировкой «Джебхад ан-Нусры», действующей в этом районе. По сообщениям некоторых источников, в результате массированных ударов российской авиации в районе турецко-сирийской границы были уничтожены несколько колонн автотранспорта с сырой нефтью, двигавшихся в сторону Турции, а также подразделения турецкой армии, находящиеся на сирийской территории без мандата ООН, которые обеспечивали охрану перевозимой нефти.

Военная операция России против террористов в Сирии нанесла удар не только по планам Эрдогана, а также Саудовской Аравии и Катара — основных спонсоров радикальных исламистов. Россия нарушила и стратегические планы США по реформатированию Ближнего Востока. К тому же после месяца работы российских ВКС многим европейцам стало понятно, что коалиция из 65 стран под руководством США лишь имитировала борьбу с международным терроризмом. Авторитету «исключительной нации» был нанесен серьезный урон. Франция и другие европейские страны, столкнувшись с угрозой исламского терроризма, задумались над предложением Владимира Путина о необходимости объединения для настоящей борьбы с терроризмом. Для США это стало бы серьезным внешнеполитическим поражением. Было ясно, что в Вашингтоне обязательно пойдут на любые меры, чтобы переломить ситуацию.

Совершенно ясно, что Эрдоган осмелился сбить наш самолет, получив отмашку из Вашингтона, а заодно и помощь в организации этого преступления. Вероятно, «добро» от Обамы на охоту за российским самолетом было получено во время встречи «двадцатки». Что ж, такое «сотрудничество в борьбе с терроризмом» вполне в стиле наших «геополитических партнеров». К визиту Олланда в Москву и была приурочена турецкая провокация. Создание настоящей широкой коалиции по борьбе с терроризмом не входит в планы Вашингтона.

После преступления, совершенного турками, европейцам стоит серьезно задуматься. Турция активный член американской коалиции по борьбе с терроризмом, как выяснилось, тесно связана с террористами и занимается контрабандой сирийской нефти, при этом направляя в Европу толпы беженцев. И одновременно она ставит страны НАТО на грань военного конфликта с ядерной державой — Россией.

Похоже, что Европа окончательно утратила инстинкт самосохранения. Эрдоган, запугивая Европу полчищами мигрантов, достиг своей цели. Евросоюз не только выделяет до-

полнительные деньги Турции, надеясь сдержать наплыв беженцев, но и вводит для турок безвизовый режим. По-видимому, чтобы исламским террористам с территории Турции было легче попасть в Европу.

Либеральный миф гласил, что все решает экономика... К сожалению, в Кремле слишком долго господствовал навязанный либералами взгляд на политику, согласно которому в отношениях между государствами главное — экономические интересы. В этом случае, конечно же, Эрдоган ни в коем случае не должен был портить отношения с Россией — «Турецкий поток», скорое увеличение товарооборота до 100 млрд. долларов и другие выгоды должны были прочно связать Турцию и нашу страну.

Но государственная идеология важнее экономики. Турецкие спецслужбы и до правления Эрдогана активно работали на Кавказе в первую и во вторую Чеченские войны в 90-е годы. Турция не только была базой отдыха для чеченских боевиков. Слишком много террористов с турецкими паспортами было ликвидировано на Кавказе в те годы, чтобы считать Турцию дружественной страной. Среди ликвидированных боевиков были не только добровольцы из организации «Серые волки», но и сотрудники турецких спецслужб, группы турецкого спецназа.

Сыграли роль и личные качества Эрдогана, и то, что президента Турции связывают с террористами не только желание уничтожить Сирию, но и совместный бизнес. На саммите «двадцатки» Путин предоставил доказательства того, как, растянувшись на сотни километров, к турецкой границе тянутся настоящие «трубопроводы» из колонн машин с контрабандной нефтью.

В декабре прошлого года в Париже Владимир Путин подтвердил: «Сейчас мы получили дополнительные данные, подтверждающие, что из мест добычи нефти, которые контролируются террористами, эта нефть в промышленных масштабах поступает на территорию Турции. И нет сомнений, что наш самолет был сбит, чтобы обезопасить поставки нелегальной нефти из Сирии в Турцию».

В Турцию идет ворованная нефть, а с ее территории в Сирию движутся наемники и т.н. «гуманитарные» колонны с оружием для боевиков. Отряды исламистов, действующие на севере Сирии, не скрывают того, что получают из Турции не только стрелковое вооружение и боеприпасы, но и бронетехнику. Бизнес Эрдогана построен на крови многих тысяч сирийцев, на крови пассажиров сбитого на Синае российского самолета, расстрелянных парижан. И Эрдоган не только пособник террористов, но соучастник их преступлений.

Эрдоган — это смесь трусливой наглости и лицемерия. Наглое поведение Эрдогана после гибели российского самолета легко объяснить. Скорее всего Эрдоган получил заверения из Вашингтона, что в случае конфликта с Россией ему обеспечена поддержка всего Североатлантического блока, и Путин вынужден будет отступить. Но реакция руководства России, судя по всему, смутила и напугала «нового султана». Путин отказался разговаривать с Эрдоганом, а сразу же после спасения второго российского пилота по району, где находились банды туркоманов и некие «таинственные группы», были нанесены мощные авиаудары. Это был первый ответ на попытку заставить российскую авиацию не работать в этом районе. А немедленно развернутый комплекс С-400 заставил в это время турецкую авиацию замереть на аэродромах, забыв о полетах в небе Сирии.

Россия объявила о замораживании всех общих проектов и ввела экономические санкции в отношении Турции. Но это только первые шаги. Наиболее болезненным для Турции шагом может стать поддержка Россией курдов. Турки воюют с курдами, вторгаясь на территорию Ирака, бомбят сирийских курдов, много десятилетий ожесточенно воюют с курдами на собственной территории. Страшным сном может стать для Турции военно-техническая помощь курдскому освободительному движению со стороны России. Если сирийские курды получают автономию, как обещает Башар Асад, то это вдохновит и курдов в Турции.

После подлой провокации Эрдоган немедленно кинулся в НАТО, требуя гарантий защиты от русских. Но, по-видимому, европейцы не высказали желания вступать в войну с Россией, посоветовав туркам самим наладить отношения с нашей страной. И поэтому мы видели лихорадочные метания турецкого президента. Но он упорно не желал приносить нам извинения. А из окружения Эрдогана в это время доносились хамские оскорбления в адрес России. Одна из ключевых фигур турецкой политики советник президента Бурхан Кузу особенно возмутился тем, что российские власти потребовали извинений от Турции, сравнив Россию с вором, забравшимся в чужой дом. «Россия ожидает извинений! Вы только посмотрите! Как у нас говорят: наглый вор подавляет хозяина дома. Это ты вторглась в наш дом, Россия, а не Турция», — заявил советник Эрдогана. Т.е. Сирию турецкие исламисты во главе с новым «султаном» уже считают своим домом?

По всей видимости, турки надеются повторить сценарий Крымской войны. Турция стягивает войска к сирийской границе, готовится не только ее бронетанковый ударный кулак,

но и инженерные войска, средства для преодоления водных преград. Похоже, что турки готовят наступление, собираясь взять под свой контроль весь север Сирии. США настоятельно рекомендовали Турции взять под контроль сирийскую границу, и очевидно, что под этим предлогом Эрдоган собирается отхватить часть сирийской территории. В этом случае возможно прямое столкновение Турции с Россией, которая по просьбе законного правительства Сирии наносит авиаудары по бандам террористов. Если турецкие войска вторгнутся на территорию суверенного государства без мандата ООН, они по всем международным нормам совершат акт неприкрытой агрессии.

И в то же время Турция стремится поджечь Нагорный Карабах, во всеуслышание обещая помощь Азербайджану в возвращении потерянных земель. А исламисты из т.н. «меджлиса» и украинские неонацисты взорвали опоры ЛЭП, обесточив Крым. Нельзя не вспомнить, какую ставку делали турецкие спецслужбы на этот самый «меджлис», готовя возвращение Крыма в состав новой Османской империи.

Просматривается попытка повторить сценарий Крымской войны, когда Османская Порта, подстрекаемая Англией и Францией, провоцировала Российскую Империю. Крымская война может с полным основанием считаться первой мировой войной. Три империи — Великобритания, Франция и Турция воевали с Россией, а Австро-Венгрия и Пруссия угрожали также вступить в войну против нашей страны. О США в то время никто не думал — они не играли никакой роли в мировой политике. Сегодня именно «мировой гегемон», США, подталкивают Турцию к войне с Россией.

Киевской хунте была поставлена задача вытянуть Россию в войну на Украине, чтобы объявить нашу страну агрессором и столкнуть с европейцами. Порошенко не сумел выполнить поставленную задачу, и тогда решили натравить Эрдогана. Скачущие укры и воинствующие потомки янычар для США — всего лишь пушечное мясо, натравленные собаки, которые должны разъярить «русского медведя». Американцев не интересует судьба собственных «сукиных сынов», как принято в США называть своих ставленников-марионеток. «Гауляйтер Украины» Порошенко и «новый султан» Эрдоган вряд ли об этом задумываются. Поэтому вполне возможно, что турки, получив гарантии от США, перейдут в наступление в Сирии, а киевская хунта в это же время ударит на Донбассе. Но что потом ожидает Эрдогана и Порошенко, также легко предугадать. Американцы легко сдают «сукиных сынов», свалив на них всю вину за совершенные преступления.

Возмездие за преступление было неизбежно. Хорошо подготовленная и тщательно спланированная провокация в небе над Сирией, судя по всему, должна была вызвать яростный ответ России. Но наши «геополитические партнеры» просчитались. Россия имела полное право нанести удар по турецкому аэродрому. Многие горячие головы требовали военного ответа. Но в исландских сагах часто звучит поговорка «Только раб мстит сразу, а трус — никогда». Россия проявила выдержку, как и подобает великой державе, но дала понять, что преступление не останется безнаказанным.

Мы развернули в Латакии систему С-400 «Триумф», обещая турецким самолетам гостеприимную встречу в сирийском небе, и продолжили методично уничтожать подвижный «нефтепровод» с территории, контролируемой террористами, в Турцию. Наши авиаудары продолжили изменять рельеф местности в зоне действия банд туркоманов, за которыми стоит Турция. Был уничтожен и турецкий «гуманитарный конвой», который вез оружие и боеприпасы боевикам (кстати, хозяев, отправивших этот «гуманитарный конвой» с оружием, так и не нашли). Нет сомнений, что разрабатываются и другие ответы на турецкую провокацию.

Можно заметить, что эта сдержанность России вызвала невероятное раздражение шавак, обслуживающих в информационном пространстве интересы США. Все они тут же стали тиражировать мысль о том, как Турция «осадила Россию», как русские «трусливо поджали хвост»... Один польский пан журналист даже заявил, что «державная мощь и военная сила России оказалась дутой». Глядя на этого поляка, одновременно хвастливого, глуповато-заносчивого, понимаешь, почему польская шляхта постоянно гробила свою страну. Три раздела Польши ничему поляков не научили. Они не хотят помнить, что нынешней свободой, за которую сложили головы 600 тысяч советских солдат, современной государственностью, подаренной им Сталиным вместе с Силезией и Данцигом, поляки обязаны русскому великодушию. Не зря Черчилль назвал Польшу — «гиеной Европы».

Российское либеральное сообщество также пришло в необычайное возбуждение. Некоторые не скрывали откровенного злорадства по поводу гибели российского самолета — «мы же предупреждали!», «наконец-то Путина осадили!». Другие упорно объясняли, что этот «инцидент» не должен повлиять на отношения между Россией и Турцией, т. к. совместные бизнес-проекты, возможность отдохнуть в Анталии и недвижимость, приобретенная российскими гражданами, — важнее. От либералов ничего другого ожидать не приходи-

лось. Все, что нельзя измерить в долларовом эквиваленте, для них — непонятные абстракции. Тем более, такие понятия, как честь и достоинство страны.

Да, конечно, турецкая армия — весьма серьезный противник. Но, рассуждая об ответных мерах России, надо понимать, что Турция — мощная военная держава. Турецкая армия — 600 тыс. военнослужащих, вторая по численности в НАТО после армии США. Армия насыщена современной военной техникой и тяжелым вооружением, средствами связи и боевого управления, командный состав хорошо подготовлен. В Турции служат по призыву, и страна располагает серьезным мобилизационным резервом. На вооружении турецкой армии более 4000 боевых танков, около 6000 БМП и БТР, до 100 ударных вертолетов, свыше 6300 орудий полевой артиллерии и минометов. Сегодня на границу Сирии перебрасываются колонны современных танков «Леопард-2» и самоходных орудий. В составе ВВС Турции 400 боевых самолетов, среди которых более 200 истребителей F-16. В состав турецкого ВМС входят 121 боевой корабль различных классов, основу составляют построенные в США и Германии фрегаты и корветы с управляемым ракетным вооружением, малые ракетные корабли и дизельные подводные лодки. На Черном море турецкие ВМС почти в два раза превосходят по численности и огневой мощи российский ЧФ. Хотя современные оперативно-тактические ракетные комплексы российской армии, комплексы берегового базирования «Бал» и «Бастион» и стратегическая авиация ВКС России способны полностью нейтрализовать численное преимущество турецких ВМС на Черном море. Не говоря уже о других, очень и очень серьезных аргументах, которые способна применить Россия.

В конце 70-х годов Турция заявила, что рассматривает вопрос о закрытии для военных кораблей Советского Союза прохода через Босфор в Средиземноморье. На это заявление министр иностранных дел СССР А.А.Громыко сказал на коктейле в Белом доме американским журналистам, что для прохода в Средиземноморье Черноморскому флоту СССР потребуется всего лишь пара залпов ракет. В результате этого появится, кроме Босфора, ещё два прохода в Средиземноморье, но, увы, не будет Стамбула. После этих слов Турция больше никогда не поднимала вопрос о закрытии Босфора для военных кораблей СССР.

Конечно, у нынешнего Российского государства возможности не такие, как у Советского Союза, и всё же, если нам навяжут войну с Турцией, проходы в Средиземное море могут легко возобновиться.

Исторический опыт подсказывает, что Турция слишком часто развязывала войны с Россией, подстрекаемая то Францией, то Англией, то Германией. В 1942 году лишь сокрушительный разгром немецко-фашистских войск в Сталинграде отбил у Турции желание вступить в войну на стороне третьего рейха.

В истории известно 12 крупных Русско-турецких войн. Первая война началась еще в 1568 году. И все эти войны заканчивались сокрушительными поражениями Турции. Неужели Турция надеется взять реванш в 13-й Русско-турецкой войне?

Неужели они не понимают, что война между Россией и Турцией может очень легко превратиться в третью мировую? А эта война, по пророчеству святого Косьмы Этолийского, закончится тем, что турецкое государство исчезнет навсегда, одна треть турок примет православие, одна треть погибнет, а одна треть уйдет в Месопотамию. У греков с древних времен существует предание, что православный русоволосый народ с Севера освободит Константинополь и водрузит Крест над Святой Софией.

Разумеется, мы ни в коем случае не должны желать этой страшной войны, чтобы поскорее исполнить мечты греков о возвращении им Константинополя, и мечты армян вернуть гору Арарат. Хорошо известно, что русские войн не начинают, но они их всегда заканчивают.

Весьма символично то, что турки сбили русский самолет в день рождения Александра Васильевича Суворова. Скорее всего, об этом не знали ни турки, ни их хозяева. Турки, конечно, надеются на повторение сценария Крымской войны. Однако святой Косьма Этолийский и многие другие святые оставили грозные пророчества о последней войне в истории турецкого государства. Хорошо бы им вспомнить, что в день, когда они ударили русским в спину, родился Александр Суворов, громивший турок на Кинбургской косе, при Римнике и Фокшанах. Заносчивый турецкий сераскир сказал, что «скорее небо упадет на землю и Дунай потечет вспять, чем русские возьмут Измаил». Суворов отучил турок делать хвастливые заявления, взяв неприступную крепость и полностью истребив или пленив турецкую армию, укrywшуюся за стенами Измаила. Затем турок громили в многочисленных войнах на Балканах и Кавказе. Громили турок Кутузов и «полководцы суворовской школы» — Скобелев и Юденич. Неужели «потомки янычар» думают, что русские забыли заветы Александра Васильевича и разучились воевать?

Может быть, они думают, что русские после 1991 года также превратилась в народ торгашей, для которых отдых на турецких курортах и турецкие тряпки на рынках важнее чести и национального достоинства? Русские остаются народом Суворова, Кутузова, Скобелева и Жукова. Им в этом придется убедиться. Нам есть что вспомнить и за что потребовать сурового ответа от властей Турции. Прежде всего — за поддержку террористов на Кавказе, за «серых волков», за помощь тем, кто убивал детей в Беслане, виновен в гибели заложников в «Норд-Осте», за курорты, на которых зализывали раны убийцы наших соотечественников. Русские умеют прощать. Но умеют и сурово карать за преступления. Свирепые турецкие башибузуки не случайно приходили в ужас, услышав свист казачьих шашек и грозное русское «Ура!»

А.В. Суворов всегда проявлял милость к побежденным, великодушно щадил поверженного противника. Но безжалостно громил всех врагов Отечества, пока они не просили пощады. Непобедимый полководец пока не прославлен Русской Православной Церковью в лике святых воинов, как прославлен громивший флот османов непобедимый адмирал Федор Федорович Ушаков. Но русский Архистратиг вместе со своим соратником святым флотоводцем молится о победе русского оружия.

ОТРАВА

ПОВЕСТЬ

1

Зима начиналась вялая, бесснежная, почти без морозов, и походила в своём невыразительном развитии на людей, внешне вроде бы не изменившихся: всё так же они стучали по асфальту пластмассовыми башмаками, спеша на работу, всё так же по выходным гуляли в парках и на детских площадках. И вроде бы ничего вокруг не происходило заметного или будоражащего, но в душах-то почти у всех происходили сшибки, выливавшиеся в бесконечный кухонный трёп, в яростные споры в соцсетях — и не было в этих спорах хоть сколь-нибудь заметного успокоения. Казалось, люди спорили лишь только для того, чтобы спорить ещё больше.

У фотографа Алексея Васькина — подвижного, синеглазого блондина, побитого лёгкой сединой, «начинающего пенсионера», как он сам говорил о себе, душа тоже заполнилась томительным ожиданием, почти растерянностью от стремительных событий, хотя прямо они его не касались, выливаясь из телеэкрана, проникая из интернета. День за днём лились и

ПРОЗА

проникали. Казалось бы, ему-то какое дело до неразберихи в соседнем государстве. Но не всё так просто. Когда события почти напрямую коснулись его родины, когда заговорили о брошенном на произвол судьбы полуострове, на котором вдруг появились неожиданно вежливые люди с автоматами, Васькин понял, что это лишь начало чего-то серьёзного, пока до конца неясного. Правда, политологи всех мастей разъясняли обывателям, очень ловко раскладывали по воображаемым полочкам оценки текущих событий и охотно, даже упитительно тонули в собственных предсказаниях. И от этого словесного потока у Васькина шла кругом голова, и надо думать, не у него одного.

Но в какой-то момент всё это подзабылось, когда он начал оформлять пенсию, уволившись против воли из журнала, и над ним нависла необходимость смены места жительства, потому что на пенсию не очень-то позволишь себе съём квартиры. Теперь, получалось, волей-неволей забудешь обо всём на свете, когда пришла пора возвращаться к бывшей жене. Но как же трудно это сделать после долгих лет вольной жизни, когда он легко мог пригласить неожиданную знакомую, нисколько не стесняясь беспорядка в квартире: мол, что взять с разведённого человека, к тому же творческого, когда у него в голове пурга с утра до вечера. Какая посметливей, в течение одной-двух недель всё-таки добивались от Алексея признания о временности его проживания в квартире, но такое признание он себе позволял, когда становилось неумолимо от излишнего и назойливого любопытства. Тогда, зная, что уже сам вот-вот расстанется, он лишь ускорял процесс, освобождая место для другой искательницы счастья, сообщая, что, мол, квартира действительно не его, и он никого не удерживает в ней. Да, поступал цинично, но иначе не было реальной возможности для «смены декораций», заканчивавшейся процессом изгнания надоевшего существа.

Лишь однажды некая Нина заполнила его личную жизнь на несколько лет, но при этом не хотела по-настоящему связывать с ним судьбу, будучи замужней. Впрочем, Васькин сильно не тужил, имея достаточный опыт семейной жизни и уклончивый характер, доставшийся ему от родителей, после войны переехавших из глухой Мещёры в Рязань, где они поженились. И мать, и отец Алексея были явными потомками племён, живших когда-то в нижнем течении Оки и сохранивших их облик: оба остроносенькие, светлоголовые и до невозможности пугливые. Казалось, кашляни при них — и они разбегутся. Поэтому никогда не лезли на рожон, не затевали ссор — им проще промолчать, склониться. И у Алексея

был такой же характер, хотя, конечно, значительно испорченный современной жизнью. Но изменения эти лишь внешние, в глубине же души он оставался мешчеряком, для которого счастье — забиться в глухомань и никого не видеть и не слышать. Родители в начале нулевых один за другим покинули этот мир, Алексей с сестрой, жившей в Пензе, совместно продали «двушку», небольшие деньги поделили и стали ещё дальше друг от друга, чем прежде.

А то, что в Москве Васькин избаловался, так это время оказалось таким перекрученным, да и обстоятельства заставляли искать и находить. И это продолжалось не год и не два — десятилетия. Что это много, он понял лишь совсем недавно, когда вспомнил об извечном своём вопросе — о жилье! Ведь предстояло возвращаться в трёхкомнатную квартиру, которую они когда-то приватизировали на четверых в равных долях: и теперь он с бывшей женой и двумя сыновьями был навсегда, или почти навсегда, связан владением общей жилплощадью. Разумные люди в таких случаях продают квартиру, делят деньги и далее живут по-своему. Когда-то и Васькин загорелся подобным сценарием, сам бегал по конторам, собирал подписи, и когда приватизация была закончена, наступило время подумать о каких-либо вариантах. В ту пору он вполне мог на свою долю купить однокомнатную квартиру в Люберцах, а Люберцы — это практически Москва. Васькина этот вариант вполне устраивал. Зато не устраивал жену. Она даже слышать не хотела о том, что у него будет *отдельная* квартира! Мол, развёлся со мной — теперь мучайся всю оставшуюся жизнь. Пусть сама не живу, но и тебе не дам! Её мстительность была мстительностью законченной стервы, и он лишний раз убедился, что правильно сделал, разведясь с ней. В конце концов, не так уж он мало пожил без неё. Годы полной свободы хотя и частично, но компенсировали многое из того, что она сделала гадкого. Правда, пока было неясно, сколько ещё сделает, если он вернётся под одну с нею крышу.

И вот теперь всё шло к этому.

Однажды хмурым осенним днём, наняв «Газель», Васькин погрузил упакованные коробки с книгами и фотоархивом, два чемодана с вещами и обувью, компьютер с телевизором, аппаратуру и отбыл по известному адресу. У своего подъезда произошла заминка, когда пришлось подождать, пока вынесут в чёрном целлофановом мешке умершего человека и загрузят в медицинский автомобиль. Увидев всё это, Васькин подумал: «Один уехал, другой приехал!» Подумал усмешливо, но всё равно на душе сделалось знобко. Так что его

возвращение в десятиметровую комнату, освобождённую от детей старшего, неродного сына, прошло под знаком печали.

Она усилилась в квартире, в которой он оказался нежеланным, почти чужим. И в очередной раз смирился, заставил себя подчиниться обстоятельствам. Да и пыл героя-любownika поумерить, когда, как говорят в таких случаях, пора пришла думать о душе, если, к тому же, ещё при маленьких детях, договорился с женой все личные дела решать за пределами квартиры. Так и жили всегда, так предстояло жить и теперь. И не хотелось предугадывать события. А то ведь, чем быстрее жизнь двигалась к логическому концу, тем отчётливее он понимал, что не удастся обогнать её, и оставалось лишь мечтать о некоем пространстве, которое ему виделось в образе отдельной квартиры. Чтобы ни с кем не делить туалет, ванную, не дышать чужим прокуренным воздухом, чтобы... Эти бесконечные «чтобы» он мог перечислять и перечислять, при этом понимая, что от такого перечисления они не исчезнут волшебным образом.

2

Да, его появление в собственной квартире радости никому не прибавило, поэтому его чуть ли не шпыняли, особенно сноха — конопатая жена неродного сына, работавшая по-сменно продавщицей. К концу своего выходного дня она начинала мыться, краситься, потом нарочито небрежно заплетала замысловатую косу от виска к затылку и, счастливая, упархивала из квартиры, думая, что Васькин ничего не видит. Когда же заметив, что она собирается дольше обычного, он слегка пошутил по поводу её затянувшихся сборов, с намёком сказав: «Не опоздаешь сегодня?» — она визгливо закричала: «А тебе что, завидно?!»

Васькин лишь усмехнулся, не стал ввязываться в перепалку, поняв, что верно оценил её сборы. Его же подозрительное молчание показалось ей угрожающим, с неизвестным окончанием, и чтобы обезопасить себя и до конца понять его мысли, сбавив тон, объявила: «Не вздумай мужу что-нибудь наплести...»

Алексей отозвался молчанием, ничего не объясняя и не собираясь никому докладывать, потому что о подобных вещах не принято верещать, если не имеется некоего умысла, и она успокоилась, а когда вернулась за полчаса до возвращения мужа и свекрови с работы, предупредительно поглядывала на Васькина.

Сноха мало-помалу прониклась к нему мягким нейтралитетом и перестала остерегаться. Он же, зная её вздор-

ный характер, умноженный на не лучший характер бывшей жены, со стопроцентной уверенностью мог предположить, что относительное спокойствие в квартире ненадолго, если все они выпивали, иногда обильно, и тогда разговаривали друг с другом на повышенных тонах. И большая ругань всё-таки разразилась, когда однажды его бывшая пришла с работы и застала сношеньку пьяной. Она в тот день балаганилась с мужем, но муж есть муж, он — сын собственной матери, а сноха никто ей. И как только свекровь сделала замечание, то получила оплеуху, и вторую. Понятно — сразу в слёзы, и не от боли, нет — от обиды. Вернувшийся вскоре с работы младший сын, второй месяц живший в родной квартире, поругавшись с женой, понятно, не мог такое стерпеть. Он подхватил упирающуюся сноху и поволок к двери, вытащил на лестничную площадку. Очнувшийся к этому времени пьяный муж снохи встрепенулся, кинулся на защиту дражайшей... Брат на брата пошёл... В общем, крик, слёзы, мат. Васькину, хочешь не хочешь, а пришлось разнимать молодых мужиков, убрать из кухни ножи...

И тогда Васькин сказал своей бывшей, по привычке переиначив имя:

— Катрин, если и далее будет продолжаться такая канитель, то будем разъезжаться!

— Ещё чего? — сразу переменялась та в лице, сменив желтизну на лёгкий румянец. — И не подумаю, потому что ничего хорошего такой разъезд не сулит!

— Тогда я продам свою долю!

— Не продашь... Лицевой счёт не разделён! Так что сиди и не рыпайся!

— И без лицевого счёта можно продать, правда, недорого! И вашего согласия, учти, не понадобится!

— Это мы ещё посмотрим... — выкрикнула полуседая Катрин и ушла в свою комнату курить, сверкнув слезящимися мутными глазами.

После такого разговора квартирное обострение закончилось тем, чем и должно было закончиться. Сноха с мужем Сергеем и двумя детьми отбыли в свою четырнадцатиметровую комнату на «Полежаевской», младший сын Дмитрий срочно помирился с женой и перебрался к ней и сыну, жившим неподалёку, и остался Васькин в трёхкомнатной квартире один на один со своей Катрин. И установившееся безлюдье устраивало обоих, не ожидавших, что его возвращение обернётся *великим* переселением. Правда, внучка Олеся по старой памяти навещала бабушку.

Иногда она жила по несколько дней, особо не мешала, если не наводила подруг или приятелей. И ничего сказать предсудительного о ней не имелось повода, но лишь до того момента, когда её бабушку однажды отвезли в больницу с инфарктом. А если так, то сразу полная свобода. Она, пятнадцатилетняя, не обращая внимания на чужого ей Васькина, в первый же вечер привела парочку двадцатилетних *джентльменов* и оставила на ночь, сославшись на то, что они не успевают на метро. Что ей мог сказать Алексей? Ничего! Позвонить её родителям — не его дело. Он всё-таки напомнил, сказав, что надо быть последней свиньёй, чтобы в эти часы не думать о бабушке, которая в реанимации. Она лишь фыркнула, и потом всю ночь со своими *джентльменами* шаркалась по квартире, то затихая, то вновь начиная хождение, хлопанье шкапами, дверцей холодильника. Утром Васькин обнаружил, что и к нему забирались. Это уж совсем неприлично. Он сделал замечание внучке и понял, что необходимо что-то срочно предпринимать, чтобы изменить свою жизнь.

Срочная эта мысль нашла продолжение, когда в начале декабря ускорилась инфляция и началось стремительное обесценивание рубля на фоне снижающейся стоимости нефти и общего экономического спада, вызванного санкциями западных стран — отголосками событий на полуострове. Но эти подробности мало интересовали Васькина. Он вдруг понял, что теперь на его стремительно дорожающие доллары, на которые успел в марте обменять рубли, вполне можно прикупить квартирку в каком-нибудь районном городке, близ которого имелась бы река, лес; чтобы и от Москвы этот городок был не так уж далеко! А что: свою комнату замкнул на замок, и живи от снега до снега на природе, чтобы — вышел из подъезда — за соседними домами начинался бы лес. Или озеро блестело рябью в окна! Это разве плохо? Нет, конечно! Это просто отлично! А надоела природная жизнь, соскучился по сыну и внуку, по друзьям-приятелям — можно наведаться в Москву, сходить разок-другой в Дом журналиста — в уютный Домжур, заглянуть к писателям в ЦДЛ. В общем, поболтаться в столице — и вновь на природу.

Удорожание доллара тем временем продолжалось, пока в один из вторников он и вовсе подскочил в цене на десятку, побив все мыслимые рекорды. Когда прошёл слух, что доллар может вырасти до двухсот рублей, народ кинулся в банки, а Васькин лишь посмеивался над ними. Ему подобная суета только на руку. Пусть доллар подскочит до двухсот, трёхсот рублей. До тысячи! И его не волновало, что следом за

ростом курса подорожают продукты, коммуналка — пусть! Главное — успеть воспользоваться возможностью, а потом хоть трава не расти. Ведь всегда, всю жизнь, Алексей опаздывал, всегда играл в догонялки с жизнью, и всякий раз она его обходила на виражах. Так неужели он не имеет права хотя бы один-единственный раз оказаться впереди и сделать то, что не успел ранее?!

Теперь он уж мечтал не о каком-нибудь захудалом райцентре, а грезил о родном городе, из которого когда-то уехал, поступив после армии в университет, до окончания которого женился на Катрин, работавшей в ту пору нормировщицей, а познакомился он с ней, попав на завод с заданием написать очерк о трудовом человеке. После того знакомства он гулял недолго: ходил в кино, кафе, а после перебрался к Катрин в однокомнатную квартиру, которая досталась ей и сыну при разделе с мужем. Отучившись, Алексей работал в городской газете. Потом перебрался в журнал. Позже сменил профессию журналиста на фотографа, потому что с приходом цифровой техники быть фотографом стало проще простого. Съездил на задание, отснял нужный материал — и не боли голова, не надо корпеть, вытягивая из себя слова и образы. Получалось, что, будучи журналистом, он так и не стал по-настоящему им, да и фотограф из него получился почти такой же, какие тысячами бродят с цифровыми *мыльницами*. То же самое происходило в личной жизни: раздрай, неустроенность, неумение наладить быт. Он понимал, что всё надо делать вовремя, он стремился к этому, но события опережали его замыслы, и всякий раз он спохватывался с опозданием.

И это при том, что окружающие считали Васькина человеком основательным, можно сказать — дальновидным, никогда не доводившим финансовые возможности до полного разора. Когда развёлся, он даже начал копить деньги на квартиру. И накопил, и уж было договорился, подав заявление в МЖК, но тут началась такая катавасия, устроенная ельцинскими приспешниками, что не только квартиры — копейки, считай, за душой не осталось, когда в январе 1992 года отпустили цены, и имевшиеся деньги полностью обесценились из-за ужасающей девальвации.

В тот год почти все в одночасье стали нищелюдами, за исключением тех, кто оказался в нужном месте в нужное время — на партийных и административных должностях. Они нахватали миллионных кредитов, нисколько не заботясь, как казалось непосвящённому, о том, когда, из каких доходов будут возвращать баснословные средства. Но ведь кто-то знал, кто-то шепнул им, что возвращать кредит придётся,

возможно, с одной полочки, что, в конце концов, и произошло. Поэтому и брали, не стесняясь, и думали только о том, как купить квартиру, а может быть, и пяток, десяток, как построить один-два загородных дома! Или, купив ваучеры, приватизировать универмаг, завод, гостиницу. Вот о чём болела душа у чиновников всех рангов в то время. И они покупали, создавали акционерные общества, банды, банки, бордели. Голова кругом шла от того, что творилось в те годы.

Теперь, правда, жизнь помаленьку успокоилась, хотя нет-нет да ситуация обострялось, как, например, с началом новой непонятной катавасии с ценами, курсом рубля и доллара — опять страна ввергалась в суматоху, а люди опять начинали метаться, забыв о нескольких годах спокойной жизни. И если прежде всё валили на советскую власть, то теперь на международные санкции. Большинству они были во вред, но Васькину во благо. Так, по крайней мере, ему казалось. И грех было не воспользоваться возможностью и поменять собственную жизнь. Для этого лишь надо было как-то избавиться от доли в общей квартире. Тем более, когда вспомнил Нину Долгополову, на которой когда-то мечтал жениться. Кто, как не она, может конкретно рассказать о тонкостях этого непростого дела, быть может, даже опасного, особенно когда нет опыта.

Заразившись нетерпением, тем же вечером Алексей отыскал старую записную книжку (хорошо, что имелась привычка не выбрасывать подобный хлам, иногда вдруг превращающийся в клад!), пока искал, вспомнил прежде хорошо знакомый номер. Номер телефона был, понятно, без кода, набрал код наобум — сработало! И знакомый томный голос:

— Вас слушают...

— Нина, приветствую! Это — Алексей! Помнишь такого! — назвался он по имени, потому что она не любила его фамилию.

— Ой, Алёшка! Ты откуда свалился?! Вот уж кого не ожидала услышать!

— Поневоле свалишься...

— Ты о чём?

— Всё о том же — о социальной справедливости!

— А я-то думала, закипела прежняя страсть!

— Страсть — не во что класть!.. Звоню по другому поводу — как к великому специалисту, чтобы узнать, как прикупить квартирку и не сесть на мель.

— А ты что, разбогател?

— Если бы! Есть у меня немного зелёных — на чёрный день берёг, а теперь они вон как выросли! По интернету пошарил,

приценился — при нынешнем сумасшедшем курсе вполне могу купить однушку в райцентре километрах в двухстах от Москвы.

— А оно нужно тебе?

— До конца не уверен... Просто хочется пожить по-человечески.

— А сейчас-то как живёшь?

— В том-то и дело, что не знаю как! Я ведь вернулся к себе, и бывшая крепко держит: и сама не живёт, и мне не позволяет.

— И ты решил от неё в провинцию смотаться! А не лучше ещё столько же добавить и купить однушку в родной Рязани. Всё-таки цивилизней! Или тебе природу под окном подавай?

— Купил бы, да где взять мани-мани? Можно, конечно, долю продать, да совесть не позволяет... Сын всё-таки родной прописан в квартире...

— Ну, если совесть, тогда и живи с ней! Я-то чем могу быть полезной?

— Рассказать, с чего начинать, если вдруг решусь!

— Вот тогда и звони. Ты уже однажды у меня наводил справки. Помнишь, чем всё это закончилось?!

— А ты, что ли, не рада?! Есть что вспомнить! А теперь тебе даже трудно взглянуть в мою сторону?!

— Взглянуть-то легко, да что толку... Ну, если тебе не терпится, то начинать надо с договора с риелторами, а как к ним попадёшь, они тебя быстро раскрутят.

— Да я пока и не спешу. Поэтому и подожду, когда разразится кризис, а квартиры обесценятся.

— Не надейся — такого не будет, как, например, в 1998 году! Да, сейчас, когда все кинулись скупать недвижимость, она даже подорожала, но если всё так продолжится, жильё непременно упадёт в цене, но не настолько, как кому-то хотелось бы. И не сразу. Так что, Алёшенька, пока приезжай ко мне и живи!

— Во как! А как же твой?

— Увы-увы... На небесах теперь его душа. А я без него к тому же стала и безработной — его заместитель быстренько оформил меня на выход. Теперь вот на пенсии маюсь.

— Значит, прощай свобода, и под твоё крылышко?! Так, что ли? Только ведь сплошные претензии будут. Лет-то мне сколько?!

— Ну так и я не молодуха... Зато нам есть что вспомнить.

— Вспоминай не вспоминай, я теперь отрезанный ломоть. У тебя своё на уме, у меня — своё. Вот попросил помочь, а ты отделалась общими словами.

— Да о чём говорить, если ты сам не определился. Вот когда конкретно что-то решишь, тогда звони! — обиделась Нина, не услышав то, что хотела услышать.

— Заканчиваем тему, — рассердился Алексей, понимая, что трепаться можно бесконечно. — Сообщу, когда что-то прояснится! — поспешил он закончить разговор, и, положив трубку, пожалел, что вспомнил о Долгополовой.

3

Забыв её на какое-то время, Васькин, собравшись ко сну, всё-таки вновь вспомнил Нину. Прошло уж несколько лет, как они расстались, а до этого восемь лет не могли жить друг без друга. Она имела взрослую замужнюю дочь, работала в агентстве недвижимости, зарабатывала, как понимал он, неплохо, даже, наверное, хорошо, но не деньги были для него притяжением. Притяжением оказалась она сама, а познакомился с ней по воле случая в пору приватизации квартиры. Он тогда заглянул в агентство неподалёку от работы, когда ещё и документы на приватизацию не были готовы — не терпелось узнать дальнейший ход событий. Ничего тогда толком не узнав, Васькин лишь запасся надеждой и уверенностью, что работница, с которой свела судьба, не оставит без внимания, поможет при оформлении не только из-за служебных обязанностей, но и по причине явной симпатии.

Он до сих пор помнил её взгляд при первой встрече, когда появился перед ней всклокоченный и озабоченный. Сама же она источала спокойствие и мудрость, казалось, ничто не могло заставить её поддаться эмоциям отдельно взятого клиента, хотя пока и не клиента, а всего лишь мечтателя с большой дороги. Уж сколько таких она перевидала, а конца им не было видно. Бывает, загорится человек, построит в фантазиях воздушный замок дальнейшей счастливой жизни — и не удержать его, считающего, что с этого момента все должны заниматься только им. А ведь чтобы заниматься, надо иметь какое-то основание в виде соответствующих документов. Но ему пока не до них — главное, поскорее предугадать судьбу. И очень часто получалось, что подобные фантомы бежали впереди лишь в мыслях, никак и ничем в дальнейшем не подкрепляясь.

Что-то подобное произошло и с Васькиным. Разрисовав при встрече с Долгополовой свою дальнейшую жизнь, пообещал, как только получит документы, провести сделку через неё. Даже визитку оставил. На этом его обещание и закончилось. Потому что, получив приватизационное свидетельство, Катрин от продажи квартиры отказалась, сослав-

шись на мать и сестру, отсоветовавших пускаться в столь сомнительное, даже опасное занятие. Время, конечно, было аховое, всякое случалось, но ведь если ничего не делать, то вода под лежащий камень не подтечёт. Алексей это пытался объяснить, втолковать Катрин. Но та упёрлась — ни в какую! И он понял, что к ней опять вернулась болезнь мстительности, а бороться с неизлечимой болезнью он не мог. Поэтому сдался. Ему лишь перед риелторшей было неловко, хотя, кто она ему. Да и, в конце концов, это её работа. И он бы забыл о ней, но однажды она сама позвонила...

Теперь сам собой вспомнился её тогдашний вопрос, словно и не прошло много лет с того дня.

— Ну и как ваши дела? — спросила она игриво, словно чему-то радовалась.

— Плохо, — сумрачно отозвался он. — Только зря вас побеспокоил, ничего у меня не получилось.

— Квартиру приватизировали?

— Приватизировал, да что толку, если жена против разъезда. Пробовал с детьми поговорить, но те на мамку кивают. В общем, полный провал!

— Не расстраивайтесь, глядишь, и передумает ваша бывшая... Вы, судя по номеру телефона, где-то недалеко работаете?

— Почти рядом с вами... Только на службе я два-три дня в неделю бываю.

— Ой, как интересно! А чем же занимаетесь в другие рабочие дни?

— Езжу на съёмки, обрабатываю фотографии в фотошопе.

— И что же, за это ещё и деньги платят?

— А как же без них.

В общем, говорили они, говорили и договорились встретиться, зайти в кафешку рядом с работой и поговорить. Она даже согласилась прийти пораньше, потому что Васькин на службе долго не засиживался, а ждать он не собирался. Он в ту пору не мог знать её плана, созревшего почти сразу, как только она услышала, что среди недели он бывает дома.

И вот они встретились у кафе, и Алексей едва узнал её — так сильно изменилась уставшая тётенька, какой её он помнил на рабочем месте, по сравнению с той, какую увидел перед собой. Нина оказалась выше среднего роста, слегка полноватая, с короткой причёской, которая подчёркивала её формы, а самое главное — счастливые, широко раскрытые голубые глаза. Такие счастливые, что, казалось, она только и ждала этой встречи.

Васькину она сразу понравилась. Теперь по-настоящему, по-мужски. И уже за кофе разглядев её окончательно, он по-

нял, что она очень кстати предложила встретиться. Когда разговорились, Нина спросила, как ему живётся, есть ли у него кто-то на примете. И он понял её намёк, не мог не понять.

— Приезжайте как-нибудь в гости... Посмотрите, как живут разведённые люди. Хотя, понятно, хвалиться нечем в съёмной квартире, но там есть главное — есть место, где я нахожу успокоение душе, уединяюсь от всего и вся.

Она его слов будто и не слышала, но начала кокетничать:

— Что-то не верится, что вы одиноки и живёте отшельником. Отшельники не бывают такими шустрými!

— Они всякими бывают..

На какое-то время они замолчали, а потом она встрепенулась:

— Хорошо. Завтра постараюсь что-нибудь придумать и после обеда попробую подъехать, диктуйте адрес.

Она достала из сумочки авторучку, на обратной стороне визитки Алексея записала его координаты. Более оставаться в кафе было незачем, и они дошли до метро, уже зная, что живут на соседних станциях, на одной улице. Когда же уточнили номера домов, то рассмеялись: они даже жили в соседних корпусах, только подходили к ним с разных сторон.

— Нам сам Бог помогает, — посерьёзнев, сказала она Алексею, вызвавшееся проводить.

Назавтра она обещания не выполнила — не позвонила, и он звонить не стал. Встретились они через неделю, когда Васькин и мечтать перестал о Нине. В тот день никто из них не понял, что их соединило, что заставило посчитать друг друга самыми желанными и незаменимыми. После встречи Алексей пошёл её провожать, но она вскоре остановила:

— К подъезду не подходи, здесь расстанемся!

Он, указав глазами на её кольцо на правой руке, спросил:

— Ты действительно замужем?

— Да, — просто ответила она. — Тебе это мешает?

— Нисколько... — пожал он плечами.

Это обстоятельство ему почти не мешало, потому что он не обращал на него внимания. Лишь невероятно страдал, когда она с мужем уезжала в отпуск. И, в конце концов, устал от постоянного ожидания, зная, что она не желает расставаться со своим престарелым Лёликом, чтобы выйти замуж за него, Васькина. Ведь именно Лёлик когда-то устроил Нину к себе в контору, именно Лёлик вёл её по жизни, и она была ему обязана если не всем, то многим. Васькину же приходилось терпеть его лишь только потому, что до невозможности привык к своему Нинусику. И, как ни странно, именно поэтому

в один из её отъездов с мерзким Лёликом на заграничный курорт Алексей познакомился в метро с некоей преподавательницей математики, оказавшейся на редкость романтически настроенной. Ему в ту пору было пятьдесят пять, а ей тридцать два. Но где теперь эта преподавательница, кому и что она преподаёт. Хотя, по слухам, неплохо устроилась в дипмиссии на каком-то далёком острове в тёплом океане.

4

Катрин появилась после месячного пребывания в больнице накануне Нового года посвежевшей, разумянившейся — или это с мороза так выглядела. Не понять. Но в любом случае, изменения были, что называется, на лице. Но заметив пачку сигарет, выглядывавшую из сумки, Васькину искренне стало жаль мать своего сына. Он даже не сдержался, язвительно укорил:

— Что, курить так и не бросила?!

— Не смогла...

— Ну и дура!

— Знаю, что дура, поэтому тебе с дурой не надо водиться! — едко прошипела она и побледнела от злобы — куда только румянец на щеках подевался.

Многое хотел наговорить Алексей, но сдержался, наперёд зная, что словесная перепалка ни к чему хорошему не приведёт, лишь добавит взаимной дерзости. Да и какое ему дело: курит она или нет. Единственное, что его могло раздражать, — это ветер с противоположной стороны дома. Тогда как ни закрывай дверь — избавиться от табачной вони невозможно. Летом это истязание терпимо — можно окно раскрыть, а зимой не особенно распахнёшь.

Вот и сейчас, гавкнув друг на друга, Васькин и Катрин разбежались по комнатам. Васькин завалился на диван, взял журнал, недавно взятый в библиотеке, включил бра в изголовье, пробежал глазами по содержанию и приготовился читать рассказ знакомого автора, за творчеством которого давно следил. Рассказ оказался новым и по-настоящему заинтересовал, но почему-то совсем не воспринимался. Тогда Алексей начал читать заново. И снова пустота. И он понял, что сегодня, после возвращения Катрин и короткой стычки с ней, настроение испорчено надолго. Ему показалось, что само присутствие бывшей жены в квартире отравляет ему жизнь. А тут ещё раздался звонок, Катрин, прошлёпав по прихожей, открыла дверь, и Васькин услышал радостные вопли внучки, радовавшейся появлению бабушки, и её притворство стало невыносимо слышать даже из-за двери.

Решив оставить журнал до вечера, Васькин оделся и отправился в парк. Захотелось отвлечься, почувствовать себя самим собой. Но, правда, и здесь его зацепили. Когда он прошёлся ближней аллеей и возвращался назад, две опрятные и вежливые дамы окликнули его:

— Мужчина, мы хотим предложить вам ознакомиться с интересной книгой, прочитав которую, вы будете жить с Богом в мире и согласии...

Вкрадчивый голос одной из дам так и проникал в сознание, но Васькин давно знал по собственному опыту, что нельзя ввязываться в беседу с этими якобы божьими слугами, потому что они несомненные адепты какой-нибудь секты. Однажды, когда жил на стороне, имея привычку гулять в тамошнем парке, он решил проверить, прикинувшись доверчивым простачком, о чём всё-таки говорят, к чему призывают подобные проповедники. Даже хотел написать статью на эту тему. Оказалось, ничего нового, всё те же избитые заповеди, но слегка сбавленные налётом богобоязненности и смирения перед грядущим пришествием мессии. Он в ответ кивал, соглашаясь, и тем самым воодушевляя адептов. Особенно его забавляло то, с какой настырностью они выпытывали, где он живёт и с кем. Узнав, что разведён и живёт в кооперативной квартире, его тотчас пригласили посетить собрание, где его будут ждать настоящие друзья, которые скрасят его одиночество. Собственно, он этого и добивался, чтобы проверить устремления истинных последователей, как они заявляли о себе. Понятно, что ни на какое собрание он не пошёл, уяснив на будущее цели этих прилипчивых людей.

Поэтому сейчас, чтобы раз и навсегда пресечь, отбить охоту к приставаниям, грубо сказал:

— К Богу я и так уважительно отношусь, а квартиры у меня нет! Ведь вас это более всего интересует?!

Ничего не ответив, дамы, как по команде, развернулись и поспешили удалиться. Более в этот день он их не видел, а гулял Васькин долго, потому что спешить домой не хотелось, ведь дома, как такового, у него давно не имелось. Совсем тоскливо стало на душе после этой встречи от понимания того, что все или почти все люди вокруг либо сошли с ума, либо на пути к этому, ибо все думают о деньгах, а для этого лгут, изворачиваются, мошенничают, всё чаще прикрываются именем Бога. Много ли их надо, этих денег? Здесь, конечно, у каждого свои потребности. У кого на что. У кого на бутылку, у кого на машину, у кого на квартиру. Если квартира есть — на дачу, вторую машину и квартиру, яхту, самолёт. И всё им мало. Впрочем, Васькин с подобными не был зна-

ком. В его окружении богачей нет, обычные люди. Квартиру имеют, машину, дачу. Если говорить о жилье, то оно есть и у него. Но какое, на каких условиях он владеет им — это волновало только его. Как и его личная жизнь. Но, как оказалось, ею интересовался ещё кое-кто. Об этом он узнал, когда, нагулявшись, вернулась в квартиру. И не успел раздеться, как сразу звонок на мобильный. Трубку взял — Долгополова, а голосок елейный-елейный:

— И где мы пропадаем? Звоню-звоню, тебя нет и нет?! Почему телефон не берёшь?

— В парк ходил, среди сосен дышал воздухом свободы. А телефон только мешает этой свободе.

— Понимаю, привыкаешь к новым обстоятельствам. А где, например, собираешься встречать Новый год, который на носу? Под сосной в парке?

— Пока об этом не думал... — неопределённо ответил Алексей, сразу догадавшись о причине подобного вопроса. — А ты?

— Сбиралась, как обычно, на зимние каникулы лететь в Австрию, но в этом году всё подорожало, так что не хочется деньгами сорить. Они, думаю, ещё пригодятся. Дочь с мужем без меня дорогу знают. Ты всё-таки не ответил на вопрос?!

— Да чего отвечать, когда ответ давно известен: накрою праздничный стол в своей десятиметровой комнате и устрою празднество в одно лицо!

— Фу, как примитивно!

— А у тебя как-то будет по-иному?!

Нина вздохнула:

— Ты прав. Мне тоже будет не по себе, хотя от приглашений подруг отбоя нет, но что от них толку, подруг этих.

— Ладно уж, говори прямо, что затеяла!

— Скрывать не буду.. Хочу тебя пригласить. Не против?

— А если не соглашусь, то пригласишь другого?

— Перестань. Не стыдно вынуждать женщину уговаривать тебя?!

— Стыдно.

— То-то же... До Нового года три дня, так что у тебя есть время подготовиться!

— А чего готовиться, я могу и сегодня приехать, если, конечно, к этому нет противопоказаний!

— Правда, что ли? Приезжай... Рада буду увидеть. Адрес не забыл?

— Пока помню...

— Буду ждать... — загадочно понизила Нина голос, словно кто-то мог её услышать.

Неожиданное окончание разговора взбаламутило Васькина: вот уж, воистину, не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь! Он побрислся, принял душ, остыл перед выходом на мороз и только тогда выскочил из подъезда, решив сперва зайти в супермаркет, чтобы потом сразу к Долгополовой. За восемь лет знакомства он бывал у неё всего несколько раз, да и то по делу, когда требовалось что-нибудь отвезти или привезти. И происходило это, когда Лёлика не было дома. Помогал за «спасибо», за шутовское обещание *расплатиться* в ближайшее время. Она вообще любила пошутить. И этим ещё более нравилась. Легко с ней было.

Эту не забытую лёгкость Васькин обнаружил воочию, когда появился у Нины через два часа и, вручая цветы, сказал: «Будьте любезны!» Приняв цветы и подставив щёку для поцелуя, она радостно воскликнула, запросто заглянув в сумку:

— Отлично! Теперь с голода не умру!

5

Васькин, конечно, не сказал Катрин о своём маршруте, поэтому необъяснимая ревность заполнила её душу. Два месяца назад, когда Алексей появился, она некоторое время надеялась, что всё у них наладится, опять они станут жить вместе. Ведь когда развелись, а было это давным-давно, между ними случались похожие всплески взаимного интереса, жизнь вроде бы начиналась сначала, но происходило это более из-за детей. Уж очень больно становилось смотреть на них, всё понимающих, но не знающих, как исправить ситуацию и помочь родителям.

Алексей хорошо помнил, что их переживания невольно передавались и заставляли по-иному смотреть на всё, что происходило тогда. Особенно взволновал эпизод, когда, собравшись разменивать квартиру, он поехал в Филю смотреть комнату в коммуналке. Сама комната была подходящая, но в квартире с заставленной шкафами коридором жили две семьи, и когда он представил, что будет томиться среди многочисленных чужих людей, оставив семилетнего сынишку, редко будет видеть и слышать его — отказался от обмена, решив заняться им, когда сын подрастёт. Чтобы каждый день его видеть и общаться, говорить хорошие, ласковые слова, в которых он так нуждался, хотя Катрин часто отговаривала сына, даже отпугивала, словно от бомжа. Она вредила, не понимая того или не желая понять, что «бросил» он не своего сына Диму, а её.

Тогдашний осмотр комнаты был третьим и последним. Алексей решил, что пока не вырастет сын, он не посмеет ос-

тавить его. Пусть и не полностью, но будет влиять, помогать, будет с ним рядом в неожиданный случай.

И только когда сын доучился до старших классов и как-то познакомил с Машей, привел её в дом на чаепитие, Васькин подумал о съёмной квартире, решив позаботиться о самом себе.

И вот прошло время. Сын вырос и превратился, увы, в другого человека. Его милый Дима, ставший солидным и крупным, внешне похожим на мать, получивший университетское образование и пристроенный Васькиным в солидную государственную организацию, стал неразговорчивым, почти угрюмым, а когда прилично выпивал, становился даже агрессивным. Алексей надеялся, что Дмитрий с возрастом станет понимающим, отзывчивым, ведь сам имел сына-студента, но нет — ничем его не заинтересуешь, ничем не проймёшь, не говоря уж о каких-то тёплых чувствах. В детстве всё было гораздо сердечнее, сын сам тянулся, пытался сохранить себя с отцом даже несмотря на противодействие матери. Теперь же и мать ничего ему вроде не говорила, зато он сам почему-то сделался иным. И всё чем-то недовольный. Ничего не говорит, лишь вздыхает. А теперь, когда Васькин вернулся в квартиру, а он перебрался к своей Маше, то и вовсе стал недоступен, словно не существовало на свете телефонов, всё более и более отдалялся. А в последнее время этому, наверное, поспособствовал и разговор с Катрин, в котором Алексей пригрозил, что продаст свою долю в квартире, и после которого она загудела в больницу. Всё-таки не выдержало сердце старой курильщицы: заволоновалось и треснуло. Васькин даже сам вызвал «скорую», когда бывшая жена скривилась от боли и начала хватать воздух прокуренным ртом. И её было по-настоящему жаль: за неумение строить жизнь, за невыдержанность, за переменчивость вспыльчивого характера, а, самое главное, за мстительность, проявляющуюся в застарелом нежелании хоть как-то решить квартирный вопрос.

Обо всем этом Васькин откровенно рассказал Нине, появившись у неё, не особенно надеясь, что это поможет ему. И всё-таки выговориться хотелось, тем более что они несколько лет не общались. Они лишь изредка перезванивались, и это позволяло держать в памяти всё то, что когда-то так умиляло и одаривало счастливыми минутами.

Теперь они, конечно, стали другими. Какое-то время им пришлось привыкать друг к другу, но это далось легко. Они, ёрничая, радовались неизвестно чему, и, казалось, не было в эти минуты счастливее их на свете. Как только он выгово-

рился, она, облачённая в тёмно-вишнёвый шёлковый халат, в котором показалась совсем уж пышнотелой, усадила гостя за стол, который успела основательно накрыть. Помимо румяной курицы, только что выставленной из духовки, различной нарезки, на тарелках красовались бочковые разносолы, а окончательно завершала оформление стола слегка запотевшая бутылка водки.

Когда Васькин наполнил рюмки, Нина вздохнула:

— Долго я тебя ждала, господин Лёша!

— Разве я похож на господина? По-моему, более на староро товарища!

— Не в этом суть, а в том, что приехал, снизошёл... — покочетничала она, искренне заглядывая ему в глаза.

— Ну, тогда за это и выпить не грех!

Они выпили по рюмке. Васькин потом выпил ещё полрюмки без Нины, решительно оставившую свою в сторону, хорошенько закусил и попросил чаю.

— А может, кофе? — спросила Нина

— От кофе не уснёшь...

— А ты что, спать приехал?! — шутливо, но со значением укорила она.

— Тогда кофе! Большую чашку! Будь любезна! — в тон отозвался он.

После кофе они пересели на диван, смотрели телевизор, где шёл какой-то современный фильм, но не видели и не слышали его. Сперва слегка притронувшись друг к другу, они подсели поближе и неожиданно начали целоваться, да с таким азартом, будто целовались впервые в жизни. Потом отпрянули один от другого, одновременно посмотрели в глаза и рассмеялись.

— Чего это мы?! — шутливо спросила покрасневшая Нина, облизывая заблестевшие губы.

— Да так что-то само собой получилось! — рассмеялся довольный Васькин, понимая, что это только начало.

Они это поняли без слов, потому что разговор более не клеился, и думали они в эти минуты лишь о том, о чём всегда думают взрослые в такие минуты.

Нина убрала со стола посуду, кое-что отправила в холодильник, оставив лишь фрукты и сладости. Всё остальное происходило так, словно они вернули свои недавние привычки. И показалось Васькину, что он никогда не расставался с Ниной.

Когда они лежали, остывая, в обнимку, он радостно и счастливо спросил:

— Сознаться, чего подсыпала в кофе?

— С чего это ты решил?! — всерьёз удивилась она.
— С того... Уж больно резв я сегодня, сам себя не узнал!
— Извини, это уж от меня не зависит. И вообще-то радоваться должен!

— Я и радуюсь: и за себя, и за тебя. А ещё тому приятному факту, что наши с тобой чувства не угасли.

— Что-то ты разговорился не в ту сторону...

— Всё понял: когда ем, то бываю глух и нем.

Они более не затрагивали эту тему, не стали разбираться, кто был прав тогда, кто виноват. Главное, что сейчас они вместе, рядом, и более ничего им не надо.

В оставшиеся три дня до Нового года ходили гулять в лесопарк, купили на ёлочном базаре ёлку, хотя для кого её собирались наряжать — не понять. Но Нина недолго думала и пригласила на Новый год подруг. Ей явно хотелось показать Васькина, чтобы все увидели, что она не одна, что не хуже других купается в мужском внимании.

Правда, в новогоднюю ночь пришли только одна пара и, как понял Васькин, лучшая подруга, недавно потерявшая мужа, Антонина. Нина пригласила её из жалости, а Алексея предупредила:

— Смотри, если будешь заигрывать с ней! Хотя к ней и не очень-то подкатишь: она знает цену себе!

— Она, значит, знает, а я нет?! Так, что ли? — показав, что будто бы обиделся, спросил Васькин.

— Я в том смысле, что она порядочная, не какая-нибудь дешёвая вешалка.

— А дешёвых нам и не надо! — продолжал острить Васькин, понимая, что таким тоном не надо бы говорить. А то получалось, что он только и ждал момента, чтобы покуражиться.

— Ладно, хватит, Лёш, — угомонись. А то ты что-то излишне возбудился.

— Всё, всё, всё... — сдался он.

Собравшись в новогоднюю ночь, они *проводили* старый год, потом выслушали речь президента, по окончании которой поднялись за столом при звуках гимна, и встретили Новый год шампанским. Потом, конечно, мужчины перешли на водочку, оставив шампанское женщинам. Выпив три-четыре рюмки, муж одной из подруг по имени Даниил — чернобровый и кареглазый, с проседью в густых волосах, взял баян и попросил выключить телевизор.

— Было бы на кого смотреть — одни и те же надоевшие физиономии на всех каналах! — сказал он, словно расчищал себе дорогу.

С Даниилом никто не стал спорить, потому что живая музыка и пение — это то, о чём соскучились гости, потому что все они были в возрасте, и им эта телевизионная канитель — как пыль в глаза и вода в уши. А от звуков баяна возвышенность в душе, настроение — лучше не бывает — а главное, вот она музыка, рядом — так и выбегает из-под ловких пальцев баяниста. И как тут остановить чувства, как усмирить самого себя, когда ноги так и пускаются в пляс от звуков цыганочки. Когда немного шутливо поплясали и покраснелись, вернулись за стол, выпили и начали петь привычные песни. Когда выводили есенинское «Клён ты мой опавший» и дошли до слов «Как жену чужую, обнимал берёзку», Алексей игриво, входя в роль загулявшего мужичка, обнял сидевшую рядом Антонину, и та прислонилась к нему, подыгрывая. И всё бы ничего, но Нина, всё увидевшая, вдруг, словно с цепи сорвалась: подскочила к Алексею, отлепила его от Антонины...

— Ишь, чего удумали, озорники?! — сказала она вроде бы шутливо, но в её глазах Васькин заметил недобрый свет.

Алексей и Антонина нарочито испуганно «отлепились» один от другого и продолжали петь вместе со всеми. Когда напелись, выпили ещё по рюмке, а потом освободили часть стола и собрались чаёвничать. Пока готовили чай, Даниил вышел на лестничную площадку покурить, и Алексей с ним, чтобы не оставлять гостя одного. Немного поговорив, опять вернулись за стол. Где были расставлены чашки, нарезан торт, и Даниил сразу заявил:

— С тортом девушки хватили лишку.

Тем не менее, большущий кусок торта его заставила съесть собственная жена, поджарая Юля, словно желая накормить мужа до отвала, чтобы потом дома дня два ничего ему не готовить. Но Даниил её не особенно слушался, и более налегал на чай. А когда начали собираться, и Алексей на правах хозяина предложил выпить «на посошок» — отказался.

— Нет, нет! — отмахнулся он. — Кто за меня инструмент понесёт?! — И сам себе ответил: — Никто!

На том и расстались. Новый год встретили, гости пришли и ушли, и Нина начала собирать со стола. Васькин предложил помощь, но она отмахнулась:

— Сходи к Антонине — помоги ей чем-нибудь, одинокой!

— Ты это всерьёз говоришь?

— Какие могут быть шутки... Если уж тебя приняли в гостях, то и веди себя как гость. А то подругу начал лапать. Ловкий выискался!

Если Нина завелась, то это надолго, хотя с чего — не понять. Ну, не относиться же всерьёз к его малой шалости, ког-

да он приобнял Антонину. Ведь у всех же на глазах, театрально. Все так и поняли. Только Нина, оказывается, поняла по-своему. Поэтому оставалась злой и неприступной. А когда собралась спать, сказала:

— Постелю тебе в большой комнате.

Как острым ножом обожгла обида от явной и показной несправедливости.

— Как скажешь, — смиренно согласился Васькин, надеясь, что через какое-то время Нина оттаёт и сама придёт к нему.

Но так и не дождался.

Утром он обошёлся без выяснений отношений, а когда Нина попыталась приготовить завтрак, он отказался, сказав, не глядя на неё:

— Не утруждайся!

После этого сразу собрался и уехал, пожелав всё-таки удачи. А она даже с места не шелохнулась.

6

Уехал Васькин достаточно рано, когда Москва отлёживалась после новогодней ночи. На улицах почти ни души. В метро тоже пустота — в вагонах по три-четыре человека, да и те дремлющие. Обычное новогоднее дело.

В квартире тоже пусто. Катрин, насколько Алексей помнил её планы по предновогодним разговорам по телефону, видимо, не вернулась от сестры, поэтому он почувствовал себя вольным и раскованным. Первым делом побывал под душем, потом то ли позавтракал, то ли пообедал, приготовив пельмени и поджарив яичницу. А после, не придумав ничего лучшего, завалился спать и почувствовал себя по-настоящему счастливым, когда не надо никого обнимать, и тебя никто не обнимает. Казалось, так можно проспаться вечность. Но спал он около двух часов, а потом долго отходил ото сна, чувствуя, как тело и голова наливаются бодростью.

Выпив чашку кофе с молоком и съев половину тульского пряника, сделав несколько поздравительных звонков, он отправился гулять в парк. Парк недалеко, надо лишь перейти улицу. Хотя мороз был лёгким, Васькин надел дублёнку, меховую шапку — хотелось гулять долго, до усталости, чтобы потом завалиться на диван и почитать книгу. В последнее время он всё чаще возвращался к литературным героям своего детства, находя в этом неожиданную прелесть, когда невольно сравнивал прежнее восприятие прочитанной книги с теперешним. На журнальном столике у него лежала книга Арсентьева «Дерсу Узала» о дальневосточном путешествии

её автора, в котором ему помогал Дерсу — местный проводник и знаток природы.

Нагулявшись и зайдя в магазин, начавший работу после обеда, где купил свежего хлеба, яблок, говядины, Васькин вернулся и поставил мясо вариться. Ведь ничего не оставалось, как позаботиться о супе, потому что Нина так и не позвонила. Ну, если не звонишь, то и не надо, не особенно, как говорится, и хотелось. Зато позвонил сын, а потом и внук — поздравили с Новым годом. Это хорошо. От этого радость на душе.

Начитавшись о приключениях в дальневосточной тайге вековой давности, Васькин отправился в кухню. Мясо сварилось. Он порезал его на ломтики, добавил в бульон риса, сделал поджарку из лука и моркови и припустил в суп. Аромат необыкновенный!

Он охотно опустошил тарелку, потом налил добавку. Пока неторопливо ужинал, то ловил себя на приятной и ласковой мысли об одиночестве. Пусть и временном. Она пришла к нему сама собой, напоминала о том недостижимом пока состоянии, которое испытывает человек, когда ему никто не мешает и он волен делать всё по-своему, без оглядки на кого-то. И это нежное чувство прижилось до вечера, когда ход его мыслей нарушила внучка. Имея свой ключ, Олеся проникла в квартиру с незнакомым, коротко стриженным *джентльменом* в куртке с капюшоном, отороченным мехом. Васькин думал, что они попьют чаю, погрееются, поболтают и уйдут, но нет. Они явно собирались ночевать, и это не понравилось ему, словно внучка была родной.

Улучив момент, когда она оказалась в кухне, Алексей спросил:

- Мы что же, сегодня ночевать собираемся?
- А разве нельзя?
- Да, тебе нельзя. Возраст не тот!
- Вас это не касается...

Васькин не стал втягиваться в пустую полемику, а позвонил Катрин и доложил:

— Хочу тебе сообщить радостную весть... Твоя школьница привела на ночёвку *джентльмена*! Она, что, стопроцентно совершеннолетняя у вас?... Если нет, почему тогда вламывается в чужую квартиру без сопровождения взрослых?

— Её отец в этой квартире прописан! Тебе этого недостаточно?

— Нет — недостаточно. И ты, и её родители, которым, видно, на неё наплевать, пока ещё в ответе за несовершеннолетнего ребёнка.

Катрин более не стала вдаваться в подробности:

— Сейчас позвоню ей!

О чём она говорила с внучкой, ему, понятно, неизвестно, но факт остался фактом: через пять минут синеглазая Оле-сенька собралась на выход со своим поджарым соратником, и кто-то из них с такой злостью хлопбыстнул входной дверью, что чуть было этажи не сложились. Приехавшая через час Катрин обнаружила дверь открытой, и почему-то напусти-лась, не зная всего, на Васькина:

— Ты с ума сошёл — с незапертой дверью сидишь?!

— Швейцаром я не нанимался. И не я уходил, не заперев за собой двери.

— Мог бы и проверить, когда они ушли, не развалился бы!

Он не стал препираться, а закрылся у себя, включил светильник и взял книгу. Ему вдруг показалась, что читая о приключениях Дерсу, он отвлечётся, забудет пустые и глупые разговоры, ничего не дающие ни уму, ни сердцу. Но не очень-то они забывались. Даже более того: чем дольше он лежал с книгой, тем плотнее, возвращаясь, они заполняли его. И сделалось обидно. Почему надо друг на друга злиться, рычать, вместо того, чтобы спокойно узнать, кто чего хочет, и подумать о том, как этого достигнуть. Ведь это же просто — сесть рядом и поговорить. Зачем таить недомолвки, обиду, зачем унижать и осквернять друг друга, хотя бы и словесно. Неужели позабыто всё хорошее и доброе, что было когда-то, что заложено при рождении. Ведь счастье и улыбки светятся в каждом из нас, когда мы начинаем познавать мир, мы окружены вниманием и заботой, добротой и любовью. Так куда же она улетучивается с годами, почему на смену ей приходят обман, недоверие, откровенная злоба. Особенно это проявляется, когда человек замышляет сделать что-то по-своему, иногда попросту обмануть, причём самых близких людей. Ведь с них, близких, всё и начинается. Научившись врать дома, потеряв любовь сперва к родным, человек и далее продолжает развивать в себе гадкие способности, которые, оказывается, в нём всегда существовали. И в каждом из людей существуют. Разница лишь в том, что кто-то из них более заражён вирусом вранья и хамства, кто-то менее, но вирус есть во всех. Однако воспитание, положительные примеры делают того или иного человека более скромным, вежливым, уважительным. Воспитание — великое качество, но у всех ли оно одинаково, и всегда ли способно оградить человека от дурного влияния, неприятного ему самому. И здесь надо либо смириться, либо резко разорвать сложившуюся ситуацию, что в его положении означало только одно: продать свою долю

за любые деньги и бежать, бежать из этой семьи, тем более что его сын и внук здесь не живут.

Ведь он не обязан томиться с Катрин в одной квартире, будто приговорённый на заклатие баран, а быть таковым Васькину очень и очень не хотелось.

7

Обдумывая план действий, Алексей решил до окончания каникул ничего не затевать: результата не будет, так как все конторы две недели, считай, не работают, а он это время хотя бы поживёт спокойно. Или относительно спокойно. Тем более что на какое-то время внучка пропала. Катрин же и Алексей ходили по квартире и будто не замечали один другого. И это было привычно, и привычку ломать не хотелось.

Так и жили, занимаясь каждый своими делами. Более всего в эти дни Васькину нравилось гулять в парке. Ходи себе среди берёз и сосен, украшенных шапками снега, смотри на ребятишек, катающихся с горы, и их родителей, пританцовывающих на морозце, и любуйся их улыбками и радостью. Вот благодать! Посмотришь на них и поверишь в то, что в мире совсем нет недовольных и обиженных. Вот бы все так жили! Поэтому и в квартиру возвращаться не хотелось. А возвратившись и перекусив, заваливался на диван и брался за «Дерсу». Почти всегда засыпал, так что чтение книги подвигалось медленно. Он и не спешил, авось не к экзамену готовился. Зато по-новому представлял книжные переживания, словно сам становился участником путешествия исследователей глубинных районов Приморья.

Да, он терпеливо ждал, когда возобновится в безмерно разгулявшейся стране работа, когда чиновники — от мелких клерков до министров — займут кабинеты, когда заработают школы, университеты. И заводы заработают. И прочие фабрики. Васькин не понимал, как можно столько бездельничать, практически получая дополнительный оплачиваемый отпуск. А мы ещё хотим угнаться за богатыми странами! Попробуй угонись за ними, если у них отпуск по полторы-две недели! У нас же сплошные праздники. А ещё говорят, что плохо живём. Да чудесно мы живём, припеваючи — любому на зависть. А уж если начнём работать с одной отпускной неделей в году — никто не сможет тягаться с нами.

День шёл за днём, и вот приспело Рождество. Васькин попустился лишь в сочельник, но и от этого малого воздержания почувствовал прилив духовных сил, словно совершил подвиг. Когда же в первый день праздника, воодушевлённый, побывал в церкви, то и вовсе на душе затеплилась на-

дежда, уверенность в себе, словно богослужение заставило взглянуть на себя со стороны. И это действительно так, если в последние годы стал к себе относиться всё строже, всё настойчивее оберегал себя от нежелательных поступков, даже мыслей. В нём словно поселился личный, строгий редактор, под взглядом которого невозможно сделать что-то предосудительное, не говоря уж о чём-то низком.

И вот, наконец-то, каникулы завершались, и он начал собираться в риелторскую контору. Правда, для очищения совести решил поговорить с Катрин. Вернее, пытался, если настоящего конструктивного разговора, полезного обеим сторонам, не получилось. Да, наверное, и не могло получиться, зная, как она к нему относится. Тем не менее Алексей настоял.

— Ты уж, пожалуйста, не кривись и не гримасничай, а выслушай — пора бы научиться выслушивать других! — сказал он, застав её в кухне.

— Чего ты хочешь от меня?!

— Темнить не буду, скажу прямо: надумал я продать свою долю, если уж вы не желаете разменивать квартиру! Понятно, что я теряю при этом значительную сумму по сравнению с той, какую получил бы, если бы вы были благоразумными людьми. Но вы много лет не желаете об этом говорить, будто ждёте моей смерти. Но я не спешу к праотцам, а хочу оставшееся с позволения Бога время пожить по-своему. Поэтому предлагаю сделку: вы выплачиваете мне половину рыночной стоимости моей доли, а я конкретно исчезаю из вашей жизни.

— Ты хорошо обо всём подумал? — встрепенувшись, спросила Катрин и уничтожающе взглянула на Васькина.

— Я-то подумал, теперь пришёл ваш черёд пораскинуть мозгами, а то, видно, они у вас закисло!

— И что же ты купишь на эти деньги?

— В Москве, конечно, ничего, но в каком-нибудь райцентре вполне можно прикупить что-нибудь. Мне главное куда-нибудь подальше уехать, чтобы не видеть и не слышать тебя, например.

— Ничего, дорогой, не получится. Ты забыл, что наше согласие необходимо?!

— Да, необходимо, если совершить эту сделку добровольно, но ты же упираешься! А если и далее будешь упираться, то тебе и нашим детям придут письма *счастья* с уведомлением о вручении, в которых вам предложат выкуп моей доли, что, как ты должна понимать, в ваших же интересах. Если через месяц на письма не будет положительных ответов, под-

тверждающих вашу добрую волю и готовность не препятствовать заключению сделки, то к вам придут *вежливые* люди и помогут вселиться тому, кому моя доля будет продана. А уж откуда придёт покупатель, из какого аула или кишлака — угадать практически невозможно. Но, в любом случае, вам всем от этого слаще не будет. Так что думайте. Звони ребятам и договаривайтесь. Не договоритесь — я иду к риелтору!

— У нас нет таких денег!

— Кредиты возьмите. По курортам мотаетесь, а на дело у вас нет средств.

— А ты, гляжу, хорошо подготовился, всё разнюхал. — Она завсхлипывала, достала из халата пачку сигарет и ушла к себе в комнату, закурив на ходу.

— Курить в коммунальной квартире запрещено законом! — крикнул Васькин вдогонку тоном победителя, но почувствовал, как всего затрясло.

Он ушёл в комнату, взял книгу, но ни одна строчка не воспринималась, и он не придумал ничего лучшего, как откупорить бутылку «Мерло». Когда выпил, немного успокоился, почистил мандарин, разделил его на дольки. Захотелось ещё выпить, но он позволил себе лишь полбокала, подумав: «Теперь надо не распускаться, а быть готовым ко всяким каверзам. И вообще уехать на время куда-нибудь!»

Но куда уедешь. Жаль, конечно, что разругался с Ниной. А то бы месяц перекантовался у неё — вот и ладненько бы было. «Вот дурачина, — укорил себя Алексей, — зачем-то надо было обниматься с её подругой!» Но теперь ничего не поправишь. Зато он вспомнил о приятеле, вернее о его зимней даче в Опалихе. А что, вариант отличный. Сразу позвонил Никите Плешкову.

— О, акула пера! Привет! — воодушевился тот, услышав Васькина. — Какие проблемы?

Никита работал врачом, и Алексей иногда обращался к нему за советом. Одно время Никита даже вёл колонку доктора у них в журнале, был, как сейчас говорят, колумнистом. Тогда Алексей и познакомился с ним обстоятельно, за выпивкой, часто бывал у него на даче, особенно летом, когда манили шашлыки и прочие радости загородной жизни.

— Это точно: успехов мало, проблем больше.

Вкратце Алексей рассказал о своей ситуации, о которой Никита давно знал, и попросил разрешения пожить месячишко на даче.

— Да ради Бога! Живи сколько хочешь. Мы только рады будем. А то может так случиться, что неродную внучку подговорят, что, мол, приставал дядя, пытался изнасиловать,

ноги ей для наглядности исцарапают... В общем, ты понимаешь. Так что завтра же, если уж сегодня не можешь, вали в Опалиху. Правда, сейчас там живут родственники жены — беженцы из Донбасса, но они занимают первый этаж, а ты обоснуйся на втором. Где что лежит — знаешь. Родственникам я скажу, что к ним приедет акула пера, и попрошу встретить соответствующе.

— Спасибо! Если завтра заявление оставлю риелтору, то завтра же поеду. Магазин у станции работает, чтобы из Москвы продукты не тащить?

— Работает.

— Ну и лады. Тогда до завтра!

— Вот именно. Переселенцев-то днём никого нет: дочка у них в садике на пятidineвке, а сами они на работе пропадают. Так что придётся тебе за ключами ко мне на работу заезжать. Я завтра принимаю с утра, так что звони, как освободишься, и подъезжай.

— Как скажешь.

Васькин положил трубку и шумно сказал сам себе вслух: «Какой же я молодец, что вспомнил о Никитосе!»

8

Накануне отыскав в интернете адрес ближайшего агентства недвижимости, Васькин с утра пораньше побывал в жилищной конторе, запасся выпиской из домовой книги и отправился на Сокол, прихватил паспорт, свидетельство на жильё. Взял и банковскую книжку, и наличные, на тот случай, если вдруг придётся что-то оплатить, а потом, не возвращаясь, сразу уехать на дачу.

Хотя контора недалеко, но ехать очень не хотелось, словно он собирался делать что-то невообразимо гадкое. Лишь в трамвае немного успокоился, уговорил себя: «Чужого я не хочу, но и своего не отдам! Сколько можно терпеть людей, способных только на гонения!» И этим утвердился перед самим собой.

В агентстве он попал на средних лет женщину, на вид очень уставшую, назвавшуюся Светланой Павловной, внимательно выслушавшую Васькина и задавшую несколько уточняющих вопросов. Ответив на них, Васькин и сам спросил:

— Значит, через месяц после того, как мои, так сказать, оппоненты получат под роспись письма с предложением купить мою долю, хода назад для них не будет?

— Именно так.

— А если они не захотят получать письма, скажут, что, мол, мы их в глаза не видели, и знать ничего не знаем?

— Это уже неважно... На письмах будет сделана соответствующая отметка, и тогда ничто не помешает сделке... — уверенно обнадёжила работница и не столь официально добавила: — Не переживайте. Не вы первый, не вы последний, уверяю вас.

Она подала договор, Васькин расписался, взял визитку, а Светлана Павловна пояснила:

— Наши телефоны есть в договоре, а визитка на всякий случай. Так что с сегодняшнего дня начинаем работу. Правда, для этого вам необходимо оплатить небольшой аванс, равный трёмстам долларам.

— Рублями можно!

— Конечно.

Васькин отсчитал купюры, отдал работнице:

— Вот, пожалуйста, 18 тысяч.

Пересчитав деньги, работница сказала:

— Будем на связи!

Уходя, Васькин попросил:

— В случае чего, звоните, пожалуйста, на мобильный, так как много мотаюсь по городу.

Да, он приврал, но мог бы этого и не делать, потому что, как он заметил по взгляду работницы, она всё прекрасно поняла, в каких он *разъездах* бывает. Ну, что же: поверила она или нет — не так и важно. В конце концов, это её не касается.

Воодушевившись от неплохого начала дня, Васькин сразу же позвонил Никите.

— Ты где? — торопливо спросил он.

— Только что освободился, собираюсь к тебе ехать.

— Ко мне не надо. Давай сразу на вокзал. Вместе сможемся! Чего-то сразу не догадался. Давно ведь не виделись!

С Никитой Алексей не виделся с лета, и когда тот появился в кассах, мелькнул чёрной бородой и заулыбался карими глазами — колоритный, запоминающийся — тоже улыбнулся, наверное, впервые за последнее время.

На вокзале долго ждать не пришлось. Едва Никита купил билет, они вышли на перрон, сели в нужную электричку и вскоре ехали привычным маршрутом, а езды-то всего пятьдесят минут. За это время Васькин успел рассказать о походе в агентство, о заключённом договоре. В общем, обо всём, что происходило с ним в последнее время.

— Хороший ты своим подарок сделаешь! — ухмыльнулся Никита. — Да и пора. Хоть теперь поживёшь спокойно.

— Это уж как получится, — не стал распространяться Васькин, всё-таки уловив в словах приятеля чуть заметную иронию, но не осудил его.

И вот они вышли в тихой Опалихе, сразу заглянули в магазин, купили сосисок, пельменей, к ним добавили банку огурчиков, яблок, упаковку сахара, риса, овощей, хлеба.

— Это для тебя, — лукаво сказал Никита и обратился к продавщице: — А мне, пожалуйста, бутылочку вон ту зелёную, даже две... Как говорят, сколько ни бери, всё равно добавлять придётся, и, вижу, сегодня мясо есть охлаждённое... — Он подошёл к витрине: — Если не ошибаюсь, шейка? — Улыбчивая продавщица кивнула. — Тогда завесьте!

— Килограмма два будет!

— Вот и хорошо. Большому куску рот радуется!

Когда, уложив продукты в пакеты, вышли из магазина, Васькин спросил:

— Мясато зачем столько?

— Шашлык сделаем... А из оставшегося суп сварить, чего на сухомятке сидеть! В большой кастрюле замути — на несколько дней хватит!

От станции — минут пять-семь ходьбы. И вот они уж у знакомых ворот. Открыв ключом калитку, прошли по дорожке к даче. Хотя снега в эту зиму пока было мало, но всё равно кусты смородины и заросли малины выглядели живописно. Ещё более живописно застыла беседка, увитая хмелем и запорошённая снегом. Зимняя идилия — и только! Рядом с беседкой дождался накрытый снежной же шапкой мангал, но он не портил вида.

Войдя в дачу, первым делом занялись мясом. Сперва Никита разделил его напополам, а потом всё-таки передумал:

— Чего тут делить?! Всё мясо замаринуем, если уж такой случай выпал. Водки у нас две, значит, и мяса должно быть два килограмма, как врач говорю! Да, глядишь, и беженцам останется. А то придут с работы голодные и злые, будут тебя допекать.

— Чего им со мной делить. У них своя жизнь, у меня своя!

Мясо нарезали небольшими кусками, чтобы лучше прожарилось, лук поперечными сплошными дольками, свалили всё в глубокую миску, усыпали специями, посолили, полили уксусом. Потом начали переодеваться. Никита достал гостю из старинного сундука валенки и непонятную шубейку — то ли мужскую, то ли женскую, а сам облачился в армейский белый полушубок и унты. Вышли на участок и начали заниматься мангалом. Очистили его от снега, принесли из хозблока берёзовых поленьев, коротко напиленных, настрогали мелких щепочек, надрали бересты и подожгли её, сразу закоптившую. Горела она ярко и дымно, и щепки быстро занялись, начали облизывать огнём поленца. Мало-по-

малу они разгорелись, а вскоре сделались малиновыми, превратились в угли, исходившие голубым пламенем, танцевавшим языками, постепенно угасающими.

Наблюдая за огнём, Васькин забылся, в воспоминаниях вернулся в детство, когда вместе с друзьями разводил костры в заброшенных карьерах на окраине города. Почему-то нравилось разводить осенью, когда рано смеркалось, и мириады искр уносились ввысь, в космос, стоило только пошуровать в костре. Домой он приходил пропахший с ног до головы дымом. Мать ворчала, но что стоило её ворчание, когда душу заполняло состояние родства со Вселенной. Он был свидетелем чуда, когда, опрокинувшись на спину, видел, как искры улетали ввысь и там превращались в звёзды, собиравшиеся в Млечный Путь, и тёк он от края до края небосвода. Тёк и тёк, и никто не мог ему помешать. И не было тогда забот о жилье, обменах, продажах — жилось беззаботно, будто само собой. Теперь нет, теперь всё по-другому. Даже этот костёр в мангале, разведённый на чужой территории, особенно не радовал, потому что горел он лишь только потому, что именно так сложились сегодня обстоятельства.

Пока Васькин следил за шашлыком, Никита отварил картошек, порезал огурчиков с помидорками, и вскоре стол был накрыт — успели управиться до наступления сумерек, и, завалив мангал снегом, укрылись в тепле дачи.

Радостно заблестев глазами, Никита усадил гостя за стол, уселся сам и торжественно произнёс, будто радуясь свалившемуся счастью:

— За успех нашего дела!

9

Они уж принялись за вторую бутылку, когда во дворе раздался стук калитки.

— Слышишь?! — первым, как и полагается хозяину, встретился Никита. — Наши беженцы!

Действительно, вскоре дверь приоткрылась, и в веранду вошёл приземистый, крепко сбитый мужчина в матерчатой чёрной куртке и зимней кожаной бейсболке.

— Давно ждём! — сказал Никита и встал ему навстречу, указал на Васькина: — Вот — познакомься, постояльца привёз! Человек он спокойный, рассудительный. Между прочим, акула пера, всю жизнь журналистом работал!

Пока Никита говорил, мужчина слушал, а когда хмельная тирада закончилась, перевёл взгляд на Васькина и подал руку, коротко сказал:

— Антон.

— Алексей! — приподнялся над столом Васькин.

— Вот и познакомились! — объявил Никита. — Антон, садись к столу, пока у нас кое-чего осталось!

Пока тот переоблачался в домашнюю одежду и умывался, Никита разогрел в микроволновке шашлык, и по даче вновь поплыл запах жареного мяса. За столом усадили Антона напротив. Быстро налили ему штрафную, он было начал сопротивляться, но его заставили выпить. Выпил, закусил ломтиком огурца, подцепил из кастрюли картофелину, и, закусив, принялся за шашлык.

Когда Антон перекусил, Никита сказал:

— Думаю, Алексей Юрьевич не помешает вам с Ларисой, тем более что места на даче хватит на всех. Он месячишко поживёт, а потом видно будет, что с ним делать. Если будет плохо вести себя — сразу сообщайте! Хотя, думаю, мешать друг другу вам будет некогда, если вы с Ларисой весь день на работе пропадаете... Да, кстати, а Лариса-то где?

— Через полчаса придёт... Она же в Красногорске в магазине работает, я же говорил.

— Вот и хорошо... А я дождусь её, устрою Алексея, и мне надо будет домой когти рвать, пока электрички ходят часто.

Всё так и произошло. К приходу Ларисы они допили вторую бутылку, доели шашлык (Никита хотел оставить шашлыков Ларисе, но Антон не поддержал, сказав: «Она не голодная — в мясном отделе стоит»). Нет так нет. Никита повёл Васькина на второй этаж, где выделил ему комнату, достал из шкафа постельное бельё, сказал:

— Оно неглаженое, но это, думаю, беда небольшая. Если вдруг задумаешь стирку, стиральная машина внизу, Лариса тебе покажет, как пользоваться. Телевизор рабочий. Ну, а остальное тебе всё известно.

Никита был нетороплив в начале встречи, но начал спешить теперь, особенно, когда позвонила жена и он начал успокаивать её, сказав, что вот-вот выезжает. А тут вскоре и Лариса появилась: высокая, в тёмно-бордовой стёганой куртке и кремовом берете, и сразу с заявлением, обратившись к Никите:

— Хорошо, что дождались! Я вам подарочек принесла! — и достала что-то из пакета, пояснила. — Здесь стейки из мраморного мяса — очень мягкие и сочные. Привет тёте Вале передавайте!

— Спасибо, передам! И за мясо спасибо! Как ваша Ладушка?

— Хорошо! К группе привыкла, подружек завела. Её все жалеют!

— Беженцев и надо жалеть. Там у вас такое было, что не приведи Господь.

— Сейчас-то поутихло... Можно бы о возвращении подумать, но кто знает, что будет завтра...

— Вот именно... Так что живите у нас до того времени, когда всё окончательно успокоится.

— Здесь-то чего же не жить, а там родители остались — дома сторожат. Душа за них болит, каково им полуголодным перебиваться да в подвалах сидеть без света и тепла.

— Да, им не позавидуешь... Будем надеяться, что всё обойдётся! — Разговаривая с Ларисой, Никита нет-нет да поглядывал на старинные ходики на стене: на циферблате картина с медведями, а из-под него метровая цепка висит с гирькой в виде еловой шишки, усиленная толстой гайкой. — Спасибо за подарок, Лариса, мне надо бежать!.. Алексей, пойдём, закроешь за мной калитку, а ключи оставишь себе.

После отъезда Никиты Алексей поднялся на второй этаж, застелил постель и прилёг поверх одеяла, подумал о том, что надо в ближайшие дни съездить домой и привезти спортивный костюм, тапочки, две-три смены белья. Надо бы сразу прихватить, да кто же знал, что сложится день именно так, как сложился.

Задумавшись, Алексей задремал и сквозь перезвон посуды на первом этаже невольно услышал разговор Ларисы с мужем.

— Что, у нас денег, что ли, полно?! Нам не по карману такие подарки делать. Или утянула? — приглушив голос, укорял Антон.

— О чём ты... Свои деньги отдала!

— Молодец! И не свои, а наши! Я ведь тоже без дела не сижу — с семи утра баранку кручу!

— Ну чего пристал?! Подумаешь — шматок мяса тётке отравила, беда какая?! Мы у них бесплатно живём, между прочим, и ещё неизвестно, сколько жить будем! — зло, негромко огрызнулась Лариса, но её голос всё равно отчётливо доносился до Васькина; он хотел встать и закрыть дверь, но тогда обязательно что-нибудь заскрипело и выдало бы его.

Они ещё говорили о чём-то, но более не хотелось их слушать. Неприятно стало от притязаний Антона к жене, от его скупости. «Вот неблагодарный! — думал Алексей. — Его семью приютили, спасли от снарядов и мин, а он счёты устроил. Мужик называется! Ему место в ополчении, а он за бабью спину прячется, да ещё недовольство высказывает. А год назад голосовал, поди, за независимость Донбасса, смелый тогда был. А как бандеровцы появи-

лись — так сразу сбежал, родителей бросил, теперь вот смелость на чужой даче показывает. А ведь я выпивал с ним только что, в том числе и за победу Донбасса, а он ему, получается, безразличен. Вместо того чтобы пойти в ополчение, под Москвой устроился. А чего не жить: дочка в садик пристроена, которой наверняка нашли место как беженке, сам работает, жена при деле. Уж какая зарплата у них — бог весть, но, надо думать, не меньше выходит, чем у себя».

Чем больше Васькин думал, тем тоскливее становилось на душе. Даже пожалел, что напросился в гости. Знал бы, что здесь такие люди, вернее, некий человеческий тип, то не поехал бы. Уж как-нибудь у себя пересидел предстоящий лихой месяц. А теперь чего же, теперь, хочешь не хочешь, надо терпеть это соседство, в котором радовало лишь то, что оба с утра до вечера на работе. К их приходу можно всё сделать и спокойно завалиться спать, чтобы как можно меньше пересекался. Он и сейчас отказался от приглашения попить чаю, потому что, после услышанного, просто не знал, о чём мог бы говорить с ними. Но всё-таки спустился, когда повторно услышал голос Антона:

— Алесей Юрьевич, пожалуйста, уважьте!

«Ну, уж если зовёшь, если такой заботливый, то, считай, что сам напросился!» — подумал Васькин.

Поскрипев ступеньками, он спустился вниз, уселся за стол, посередине которого стоял чайник, а вокруг него чашки, сахарница, ваза с печеньем. Лариса опустила в чашки пакетик с чаем, залила их кипятком, и по даче растёкся запах смородины — ароматный и вкусный. Какое-то время молчали, но Алексей в силу профессиональной привычки молчать не любил, и поэтому сразу спросил о Донбассе:

— Какие новости с родины?

Спросил у Антона, но ответила Лариса, словно загородила собой мужа:

— Да какие новости... Война идёт. Мне вчера мама звонила, сказала, что опять разгорается. Киев всё больше и больше войск шлёт, города и посёлки обстреливают всё чаще. Жертв много. Дети гибнут, старики... В общем, беда у нас!

— Ну, а ты, Антон, что думаешь об этом? — хлебнув чаю, спросил Алексей. — Не было мысли вернуться на Донбасс и вступить в ополчение?! Собрались бы молодые мужики, что разбежались в разные стороны, в один кулак, хрястнули бы хорошенько по сопатке пришлым воякам, чтобы впредь им неповадно было убивать мирных жителей, — вот бы и славно было!

Не ожидавший такого прямого и, конечно же, неприятного вопроса, Антон растерялся, испуганно и зло посмотрел на Васькина, приглушив голос, процедил:

— Была бы польза — поехал бы! А то ведь летом наши напустили киевским хайло, как тотчас команда прозвучала: мол, на переговоры в Минск надо ехать! А ведь это всё неспроста кем-то придумалось. Если бы не мешали, война ещё осенью закончилась, нашим оставалось лишь Мариуполь занять! А был бы Мариуполь нашим, то и Славянск вернули бы. Но нет, остановили, начали мурыжить. Ну и чего добились? Того, что противник укрепился, и теперь опять наглет. Вот-вот в наступление пойдёт!

— Значит, по-твоему, пока не надо ввязываться в драку, надо выждать?

— Вам-то хорошо говорить, Алексей Юрьевич! А вы поставьте себя на наше, на моё место. Совсем другой бы разговор был. Думаете, мне не больно оттого, что погибли дети? Больно, очень больно. Ради спасения своей дочурки мы и уехали с Ларисой.

— Пусть они бы и спасались! А ты-то, извини, при чём? Крепкий сильный мужик — самое место в ополчении. Помоему, чем больше было бы в нём бойцов, тем быстрее бы всё закончилось. Силу ведь можно только силой остановить! Разве я не прав?

Не услышав ответа, Васькин понял, что переборщил, потому что Антон, опустив голову, молчал, а Лариса плакала, размазывая слёзы по щекам.

— Алексей Юрьевич, не укоряйте, пожалуйста, Антона! Это я его не пустила в ополчение. Он хотел остаться, но я упростила его поехать с нами!

— Да я и не укоряю, и не имею на это право. Но ведь душа-то вот уж год разрывается вместе с вашими душами. Понятно, что тяжело было бросать родителей, дом, работу и отправиться в неизвестность, хотя вам ещё повезло, что родственники приютили. Но теперь, согласитесь, ещё тяжелее смотреть на то, как горят родные дома и гибнут люди, знать, что всё это происходит реально, а не только на экране телевизоров. Да, напрямую это вроде вас не касается, но сердце-то страдает — не может не страдать — и рано или поздно придётся возвращаться, и как потом смотреть в глаза родителям, родственникам, соседям. Вот я о чём говорю. Я бы так не смог, хотя, понятно, в моём положении быть судьёй проще всего.

— Вот именно! — вздохнул Антон и ехидно укорил: — Особо, когда примешь на грудь!

Васькин ничего не ответил, отпил остывшего чая. Без сахара он показался горьким, невкусным, или стал таким от гнетущего разговора, от той сиюминутной безысходности, от которой, казалось, деваться некуда, и на которую никто из них не мог повлиять.

— А вы, Лариса, не плачьте. Всё успокоится, жизнь рано или поздно наладится, и в вашей семье ещё много будет счастливых минут.

— Дай Бог! Очень хочется в это верить! — шмыгнула носом Лариса и глубоко-глубоко вздохнула.

— Спасибо за чай и извините за прямой разговор. И не выпивка, Антон, в этом виновата. И моих откровений вы не слышали бы, если в России не болели бы за Донецк и Луганск, за всех людей, говорящих на Украине на русском языке и которых этого языка пытаются лишить... Извините.

Васькину более не хотелось говорить. Он поблагодарил, поднялся к себе, разделся, попытался заснуть и забыть тяжёлый разговор.

10

Как и предыдущая трёхдневная отлучка мужа, эта совсем вышибла Екатерину из душевной колеи. Ей по-прежнему казалось, что Алексей одумается, они опять начнут жить вместе, потому что, собственно говоря, делить им нечего. Кроме, конечно, квартиры. Катрин давно знала о мечте мужа об одиночестве, поэтому всячески препятствовала осуществлению её, понимая: если они разъедутся, то разъедутся навсегда. И пусть даже Васькин не женится, а это, скорее всего, так и будет, — ей от этого легче не будет. Ему приятнее жизнь *одинокого* волка, приятнее таскаться по чужим бабам, не заводя с ними крепких отношений. Поэтому она видела одну цель: удержать его рядом с собой, если уж он вернулся после многолетней отлучки. И пусть она попала в больницу из-за него, заработав инфаркт, но её по-прежнему не оставляли мысли заполучить Алексея. Как она переживала перед Новым годом, всячески стараясь узнать о его планах, но он отмалчивался, словно издевался, догадываясь о её мыслях. И она всё-таки простила ему трёхдневную отлучку, до конца не зная, где он был в эти дни, надеясь на то, что был у сестры. Знать бы это точно, но как узнаешь, если не имела её телефона. Поэтому, погоревав день-другой, она более или менее успокоилась, запаслась терпением.

Но оно очень быстро лопнуло, когда вчера Васькин вновь пропал, не приехав ночевать. Она долго не могла заснуть, надеясь, что он вот-вот хлопнет дверью, но прождала до трёх

часов ночи напрасно. Ей, конечно, ничего не стоило позвонить ему по мобильнику, потому что его-то телефон имелся, но это лишь на всякий непредвиденный случай, связанный с сыном или внуком, как предупредил когда-то Васькин. И всё-таки она ему позвонила утром, но он отмолчался. Тогда не утерпела и связалась с сыном, спросила, всё ли у отца в порядке. Услышав от Дмитрия, что с ним всё нормально, мол, он сам только что звонил, она окончательно расстроилась от обиды, стыда и неизвестности — от всего.

Часа два ревела, выпила кучу лекарств, чтобы успокоить сердце, но оно не хотело успокаиваться. И тогда она поняла, что просто обязана отомстить Васькину за все издевательства, получаемые от него. Более не оставалось сил терпеть их. И как только так подумала, то почувствовала, как голова словно отделилась и куда-то поплыла сама собой. Катрин даже встряхнула ею, прогоняя застывший туман, но он не проходил. В какой-то момент она вспомнила о пакете крысиного яда, который хранился с прошлого лета, когда собралась к племяннице на дачу, а та попросила привезти отраву для расплодившихся мышей. Отраву Катрин в тот раз забыла, а сейчас вспомнила о ней и поняла, что надо делать.

Она сразу же приступила к исполнению задуманного и заглянула в холодильник к Алексею. В морозилке хранилась лишь пачка пельменей, полкурицы да подложка с блинчиками. А в самом холодильнике и вовсе шаром покати: несколько яблок, начатая упаковка яиц, а на двери недопитая бутылка вина. «Вот её-то и подсластим, или подгорчим!» — подумала Катрин и даже улыбнулась от задумки. «Сильно травить не буду, а проучить надо!» — мстительно решила она и порадовалась своей придумке. Она не знала, какая доза нужна, но решила, что хватит столовой ложки. Наведя полчашки отравы, она вылила её в бутылку, хорошенько взболтала содержимое, понюхала — никакого чужого запаха, только винный. «Вот и прекрасненько! Пей на здоровье, мой дорогой. Надо бы раньше этим заняться!»

Сделав дело, она закурила и включила телевизор. Смотрела на экран — и ничего не видела, пыталась понять суть, но ничего не понимала. Мало-помалу от нависшей неопределённости сделалось страшно. Более всего страшилась появления Васькина, хотя и не знала, придёт ли он сегодня, и чтобы не быть заложницей ожидания, она торопливо оделась и, прихватив сигареты, отправилась в парк. Пока гуляла, бредя неизвестно куда, ей почему-то навязчиво представлялась сцена возвращения нагулявшего муженька, как ему, утомлённому голубку, захочется перекусить. Он либо отварит

пельмени, либо поджарит яичницу, ну и, конечно, не удержится, выпьет бокал-другой вина. Она не знала и не представляла, как будет действовать отравы, лишь знала, что с появлением Васькина ей нужно будет срочно куда-нибудь уехать, чтобы в тот момент не находиться с ним рядом и ничего не видеть.

Катрин долго шаталась по парку и за его пределами: куда-то шла и шла, и усталости в ногах не ощущала. В какой-то момент чуть не попала под машину, когда, занятая полыхающими мыслями, напропалую переходила улицу. Очнувшись она только от матерного выкрика водителя, машина которого, затормозив, юзом скатилась к обочине и врезалась в сугроб. Катрин отмахнулась, что-то гавкнула в ответ и неожиданно пришла в себя, подумала о том — вернулся ли Васькин или нет, выпил ли вина или отложил на другой день. Теперь пришли обратные мысли, ей совершенно не хотелось, чтобы он прикоснулся к бутылке, а тем более отпил из неё — расхотелось мстить. Только теперь она поняла, что натворила, и заторопилась домой, чуть ли не побежала.

Подходя к дому и увидев в кухне свет, она вздрогнула и поёжилась, представив, как Васькин, быть может, в эту минуту наливает в бокал вина или уже выпил... Торопливо погромев ключами, открыла дверь, шагнула в прихожую и увидела Олеся, лежавшую в луже рвоты... От увиденного Катрин задохнулась, не помня себя, упала перед внучкой на колени.

— Что с тобой, милая, что случилось, моя хорошая?!

Олеся ответила не сразу, а всё чего-то била и била рукой по полу, словно отмахивалась от кого-то... И Катрин поняла, что она хочет что-то сказать, но не может, и рукой она вовсе не бьёт, а указывает на васькинский холодильник. И только тогда Катрин обо всём догадалась, когда Олеся невнятно произнесла:

— Ви-и-но...

Не помня себя, Катрин бросилась к телефону. Пока набирала короткий номер, упав на пуфик перед зеркалом, вдруг увидела отражение косматой женщины с выпученными от страха глазами, неведомо как попавшей в квартиру. Женщина походила на седую ведьму, и Катрин невольно оглянулась, не понимая, что обмерла от собственного отражения... Из трубки доносилось «Алло», «Алло», а она никак не могла объяснить, что случилось. И только когда окончательно пришла в себя, то сказала, что внучка чем-то отравилась... Сообщив адрес и положив трубку, Катрин попыталась приподнять Олеся, отвести в ванную, но не хватило сил, только до-

гадалась повернуть вниз лицом, потому что её продолжало тошнить.

«Скорая», как показалось, не приезжала вечность, а когда врач и медсестра вошли в квартиру, Олеся была без сознания.

11

На следующий день после *прописки* Васькин не спешил вставать с постели, зная, что беженцы ушли на работу. Ему сделалось необыкновенно приятно от осознания того факта, что никто ему не мешает, не курит в соседней комнате, что он волен делать всё, что захочется душе.

Он неторопливо позавтракал, отыскав в морозилке сосиски, позаимствовал у донецких пакетик с чаем. После завтрака была мысль сходить прогуляться, но она не оказалась определяющей, и, поддавшись лени, Алексей вновь поднялся к себе, развалился поверх одеяла, взял попавшую под руку книгу. Благодать. Читая историю древних людей, он нет-нет да отрывался от страниц и любовался яблонями и липами за окном, открытыми свежей снежной кисеей. А клён у ворот и вовсе украсился снегирями, словно ёлочными игрушками. Радуюсь этой красоте, он решил никуда не спешить, даже отложил поездку домой за вещами. «Завтра съезжу, заодно надо будет еды прикупить, а на сегодняшний день её хватит», — в какой-то момент подумал он, вдруг поняв, что засыпает, и не стал бороться со сном, вредить организму, уставшему от переживаний последнего времени.

Почему-то так получается, что сладкий и необходимый сон всегда чем-то или кем-то прерывается. Вот и в этот раз Васькину показалось, что он только-только заснул, как раздался телефонный звонок; за окно машинально глянул, беря трубку, а там уж сумерки. Звонил сын.

— Пап, ты где? — спросил он торопливо и немного испуганно.

— В Москве...

— Тебе надо срочно приехать домой... С Олесью несчастье случилось.

— Я-то чем могу помочь ей, если у неё родители есть, бабушки?!

— Понимаешь, она чем-то отравилась, скорее всего, вином, которое было в твоём холодильнике. Поэтому с тобой хочет поговорить полицейский. В общем, тут целое дело закрутилось.

— Хорошо. Сейчас соберусь и через час буду дома.

Васькин отключил телефон и откинулся на подушку, вдруг почувствовав, как его затрясло. Ведь сам он пил из той бу-

тылки и ничего с ним не произошло. Значит, кто-то вино отравил, надеясь, что он, вернувшись, выпьет отраву. И гуд бай тогда, Алёша! А кто это мог сделать? Только Катрин от своей великой «любви»!

Чего угодно ожидал он от неё, но только не такого *подарка*. И чем это всё закончится, он теперь не знал и не мог предположить. В минуту собравшись, он пошёл к выходу, но, вспомнив Антона, вернулся, забрал папку с документами и только тогда отправился на станцию. Пока дошёл — стемнело. Электрички вечером ходят часто, поэтому минут через десять качался в полупустом вагоне.

Как Васькин ни спешил, но добирался более часа. И первое, что он увидел, подойдя к дому, — полицейского и оперативника в штатском, суетившихся около мусоропровода, и дворника-таджика, ковырявшегося в мусоре черенком от швабры. Сын стоял рядом. Увидев его, Васькин подошёл, спросил:

— Что здесь происходит-то?

— Бутылку ищут...

— Зачем?

— Пап, спроси у них сам.

Заметив Васькина, к нему подошёл участковый.

— Вы из 275-й квартиры?

— Да...

— Отлично... У вас в холодильнике вино было какой марки?

— «Мерло»... А что?

— Да вот она! — воскликнул оперативник, когда таджик выковырял из мусора пустую бутылку и, показав её Васькину, спросил: — Ваша?

— Вот этого не могу сказать, но именно такая, если судить по марке вина, хранилась у меня в холодильнике.

— Что и требовалось доказать... Поднимемся в квартиру, мне вас опросить надо.

В квартире Алексею до конца растолковали, что произошло.

— Нам из «скорой» позвонили, когда девочку везли в больницу. Она в машине пришла в себя и сказала, что выпила вина из бутылки в вашем холодильнике. Как это понимать? — спросил молодой, с жидкими, будто приклеенными усиками сероглазый оперативник и проницательно посмотрел на Васькина, словно на злодея.

— Так и понимайте... Кто-то подсыпал яду в бутылку, в надежде, что я выпью и на тот свет отправлюсь!

— Как вы живёте с прежней супругой? Хозяйственные отношения поддерживаете?

-
- Какие могут быть отношения между кошкой и собакой!
- Часто бывают конфликты?
- Почти всегда!
- А мотив какой?
- Раздел квартиры, против которого она категорически против.
- Где вы были сегодня?
- В гостях. Вчера утром уехал и сейчас приехал, когда сын позвонил! — Глазами Васькин указал на Дмитрия.
- Бутылка в холодильнике была полной или откупорена?
- Откупорена. Вина в ней оставалось примерно половина.
- Вы разрешаете внучке заглядывать в свой холодильник?
- Она мне по сути никто — дочь неродного сына, значит, мой холодильник — холодильник чужого для неё человека, бабушкиного соседа по квартире. Не более того.
- Понятно... Сейчас мы проедем в отделение и там запишем свидетельские показания, только более подробно!
- Когда собирались уходить, Алексей спросил у сына:
- А мать где?
- У них... — кивком указал Дмитрий.
- Да, она в отделении! — подтвердил участковый, перехватив взгляд Дмитрия. — Даёт признательные показания. Теперь решается вопрос о её задержании по статье о покушении на убийство. Так что вам повезло. И благодарите неродную внучку, саму себя наказавшую. Вот такие пироги, Алексей Юрьевич. А вообще-то, по-простому сказать, вам бы всем давно надо разбежаться-разъехаться, и не было бы всей этой кутерьмы.
- Легко сказать — трудно сделать. Я попытался это сделать, тридцать лет пытался — и вот результат!
- Оставив сына в квартире, Васькин отправился с полицейскими в отделение. Он думал, что там увидит Катрин, но её не показали, даже речи о ней не вели. В кабинете следователя на втором этаже его попросили ответить на вопросы, начиная с вопроса о том, когда он оставил недопитую бутылку вина и вплоть до того момента, когда оказался на даче у Никиты. Выслушав Васькина, оперативник сказал:
- Значит, вы утверждаете, что собрались продавать свою долю в квартире, и это обстоятельство спровоцировало преступные действия вашей бывшей жены.
- Не вижу в этом ничего особенного — это моё право. Вчера заключил договор с агентством о продаже своей доли, о чём предупредил бывшую жену, поступившую столь неадекватно.

— Мотив налицо! — заулыбался оперативник, и от его улыбки встопорщились рыжеватые усы. — Так и запишем!

Всё сильнее наполняясь радостью, он писал и писал, словно строчил сочинение на удобную тему. А когда завершил строчкой: «Мною прочитано, с моих слов записано верно» — попросил прочитать и расписаться.

Васькин попытался не читать, мол, и так верю, но лейтенант настоял:

— Так положено!

Прочитав свои показания, записанные со множеством ошибок, Васькин подписал, лейтенант принял от него бумагу и положил в папку, улыбнулся, радуясь чему-то своему:

— Спасибо за помощь!

Хотел Васькин сказать о том, что, мол, теперь премию получите за быстрое раскрытие преступления, но не стал поясничать, потому что, если он и Катрин никак не пострадали, то где теперь внучка, каково ей. Алексей всегда относился к ней, как, впрочем, и она к нему, с небрежением, а теперь, получалось, своим любопытством, а точнее сказать — воровством, возможно, спасла ему жизнь.

Из отделения Васькин отправился домой, по пути закупил пакет снеди, а дома решил по-настоящему поговорить с сыном — без обиняков и словесных кривляний. Потому что сегодняшняя история случилось не на пустом месте, а по причине того, что никто не хотел честно говорить. Все эти долгие годы отговаривались, отводили глаза, делая вид, что это их не касается. Особенно сыновья. Хотя в чём-то их можно понять, но только не сейчас, когда они стали взрослыми. Ведь молодые, сильные, успешно работают — что им мешает подумать о жилье. Да, оно дорогое теперь, от государства его не дождётся, но есть ипотека, в том числе и социальная, которая очень подходила бы старшему сыну с его большой семьёй, — так займитесь, проявите инициативу. Но не хотят влезать в кабалу на много лет. А вот так жить, цепляясь за ничтожные квадратные метры, — это достойней! Или ждут смерти: его и Катрин, чтобы разделить тогда квартиру. Но одному Богу известно, когда это произойдёт. И если они сейчас относительно молодые и работоспособные, но что с ними будет через десять, например, лет, тем более — через пятнадцать-двадцать?!

Обо всём этом думал Васькин по пути домой, но, вернувшись, сына не застал. Позвонив, узнал, что тот уехал к жене. «Поговорили, называется! — усмехнулся Алексей. — Вот и подтверждение моим мыслям о нежелании или неспособности разумно решать хоть какие-то вопросы! Ладно, бог с вами! Вас ничем не исправить!»

Первое, что сделал Васькин в квартире, — выбросил в мусоропровод остававшуюся в холодильнике еду, а холодильник помыл, подвинув секретер, перекантовал его в свою комнату. Так надёжнее. И пусть будет укором его поступок соседям, чтобы знали и помнили, кто они такие. Отварив сосиски и вермишель, откупорив банку с помидорами, он без удовольствия поужинал, хотя с утра не ел, потом попил чаю без сахара (забыл купить, а какой был — выбросил).

Поужинав, он побрился, принял душ и лёг спать, закрывшись в комнате. Думал, что долго не заснёт. Но ошибся: заснул быстро, словно и не было сегодняшней нервотрёпки.

12

С того момента, когда увидела распластавшуюся на полу Олесю, и до той минуты, когда оказалась в подвале отделения полиции, Катрин пребывала словно во сне. Всё, что ни делала, о чём ни думала — не могла понять: почему отраву выпила именно внучка, а не Васькин. Ведь Олеся всегда звонила, прежде чем приехать, просила приготовить что-нибудь вкусенькое, а тут, словно по чьему-то указанию, тайно пробралась в квартиру и залезла в чужой холодильник, хотя никогда не зарилась на чужое. И что уж совсем угнетало — это то, что захотела тайком выпить вина! Это из рук вон плохо, когда девочка имеет такое пристрастие. Но Катрин не винила её за проступок, ничтожный, по сравнению с тем, что сотворила сама. Не затевай она это лихое дело, то ничего бы и не было, но на неё в тот час как затмение нашло от обиды на мужа. Все долгие годы она то проникалась к нему безумной любовью, то жутко ненавидела. И эти крайности в чувствах не позволяли быть мягкой, покладистой, разумной. Даже когда они жили в браке, ещё в те годы ему не нравилась резкая смена в её настроении, возможно из-за этого он и развёлся, когда надоела её непредсказуемость. Она по себе знала, что нет ничего противнее, когда следом за сладкой тирадой можно услышать беспричинную ругань. Каково это всё принять, прочувствовать и остаться мягким и сделать вид, что ничего не случилось. Катрин это всё замечала за собой, ставила себя на место мужа и пыталась контролировать перепады настроения, но это редко удавалось, хотя она и старалась. И радовалась, когда это получалось.

Уж как она воодушевилась три месяца назад, когда Алексей вернулся после многолетней отлучки, как у неё тогда всколыхнулось сердце, едва она увидела привычного человека — по-прежнему ясноглазого, но слегка поседевшего и возмужавшего. Именно возмужавшего. К нему не подходи-

ло определение «постаревший», если он выглядел намного моложе своего возраста. Вот это-то и мешало ей, особенно когда она смотрела в зеркало и видела в нём прокуренную и седую старушечку. Пожив несколько дней в прекрасном настроении, словно пытаясь заразить им Васкина, она вдруг поняла, что её любезность, внимание для него ничего не значат, а лишь раздражают, словно она в своей навязчивости становится похожей на липкую муху, отмахиваясь от которой, человек лишь сильнее озлобляется. И тогда Катрин поняла, что зря выламывается перед Алексеем, не нужна она ему, и надо остаться просто добрыми соседями, и не более того. Но если бы это было легко, она так и поступила бы, но как себя перебороть, как стать равнодушной. Видит Бог, пыталась, но, увы, ничего не получилось.

И всё, что сегодня произошло, произошло от отчаяния. Катрин не ходила в церковь, но сегодня вспомнила о Боге, и поняла, что он наказал её, лишив на какое-то время разума. Только так она расценила свой безумный поступок, когда увидела лежащую Олесю. К приезду «скорой» она успела выбросить бутылку из-под вина в мусоропровод, но могла бы и не выбрасывать, если сама же рассказала обо всём, когда внучку увезли в больницу, и появившийся дознаватель начал разбирательство. Она ничего и не скрывала, лишь сожалела, что не подумала о внучке, о том, что она может заглянуть в чужой холодильник.

И вот теперь наказание за всё — бетонная клетка и статья, как сказали ей, за покушение на убийство. Обвинение звучало необычно жёстко, так, что сознание пока не воспринимало всю его тяжесть.

Немного оглядевшись в камере, Катрин поняла, что отсюда не вот-то упорхнёшь. Она никогда в жизни не была в подобных застенках, и всё, что видела по телевизору, казалось ей чем-то отвлечённым, далёким, но теперь эта обстановка казалась столь знакомой, что даже и руки не надо протягивать, чтобы ощутить и понять, где она оказалась. И время, похоже, перестало для неё существовать. Часов у неё не было, как не было и телефона, и она не могла знать, какой сейчас час, сколько ей придётся томиться здесь, хотя запомнились слова, вскользь сказанные дознавателем о том, что, мол, завтра вами займётся следователь, и либо отпустит с подпиской, либо переведёт в изолятор. Так что, хочешь не хочешь, а ночь придётся провести в этом бункере, из которого — кричи не кричи — никто не услышит. И почему-то показалось необычным то обстоятельство, при котором она ничего не знает о судьбе внучки, сыновей — где они сейчас. Ну, Олеська,

понятно, в больничке, но как она чувствует себя, когда можно будет навестить её? И где сыновья, чем они сейчас заняты, знает ли Васькин о том, что случилось. Хотя наверняка сын ему позвонил и обо всём сообщил. Как теперь она будет смотреть детям в глаза, что она скажет в своё оправдание, и скажет что-нибудь вообще. А может, они проклянут мать, будут сторониться её даже и тогда, когда она вернётся после отсидки. В том, что её ждёт заключение, Катрин несколько не сомневалась. Хотя, если с Олеськой всё обойдётся, много не присудят, но годов пять придётся вычеркнуть из жизни.

Подумав о заключении, Катрин вдруг почувствовала, как её заколотило нервной дрожью. И голова вдруг невыносимо разболелась. В кармане кофты она нашла таблетки от давления, предусмотрительно прихваченные из дома, кое-как проглотила одну и немного успокоилась, но ненадолго. Мысли по-прежнему мучили, от них раскалывалась голова. И чем более Катрин думала обо всём, что случилось, тем сердце, казалось, сжималось и сжималось, тяжелело и тяжелело. Ей захотелось прилечь на топчан, когда почувствовала, что не осталось сил, а когда прилегла, то почему-то показалось, что не чувствует ни рук, ни ног..

Она не слышала, как утром зашебуршали ключами, открывая камеру, как увидев её на полу в неестественном положении, невысокий, длинношей сержант, заглянув в камеру, сказал кому-то:

— Вызывай «скорую»!

— Жива ли? — спросил сопровождавший его полицейский.

Сержант нагнулся к распластавшейся на полу Катрин, пощупал пульс на руке, сказал:

— Жива, но в ауте...

13

Наутро Алексей проснулся от заворчавшего холодильника; работал он почти неслышно, но всё равно было непривычно слышать чуть ли не под ухом гудевший мотор. Тогда Васькин включил телевизор, и, убедившись, что ничего в мире не случилось сверхъестественного, пошёл приводить себя в порядок после сна. Потом совершенно не торопясь завтракал и невольно поймал себя на приятной мысли о том, что очень скоро будет завтракать в собственной квартире, где бы она ни была. Главное, чтобы никто не стал мешать, выводить из себя, не заставил рвать драгоценные нервы, которые с каждым годом истончались и истончались.

Завтракая, он обдумывал, что необходимо прихватить с собой на дачу. Надо, конечно, самое необходимое, чтобы не таскать туда-сюда. Когда собирал вещи, то услышал, как хлопнула входная дверь. Выглянул, а это сын разувается на пороге, а рядом с ним сноха Маша — миниатюрная, подвижная, на всё имеющая своё мнение, сразу принявшаяся копаться в шкафах.

— Что случилось, почему не на работе? — спросил Алексей у сына.

Дмитрий замылся, словно обдумывал слова, и сказал чуть ли не плача:

— Мама в больнице... Инсульт у неё...

— Я чем-то могу помочь? — спокойно и холодно спросил Васькин, но всё-таки почувствовал нервную дрожь в собственном голосе.

— Ничем... Мы заехали взять халат и прочее...

От слов сына Васькин по-настоящему растерялся, не зная, что делать.

— Кто тебе сообщил-то о матери?

— Из отделения позвонили, чуть ли не приказали срочно приехать... Ну, я дождался «скорой», а потом поехал в больницу в Филю. Маму сразу в реанимацию определили, я потолкался-потолкался в коридоре и вернулся домой.

— А сейчас-то зачем решили ехать? Кто вас пустит в реанимацию?!

— Машка взбаламутила. Говорит: «Как это женщине в больнице без личных вещей! Пусть и не сразу, а пригодятся!» Спорить с ней бесполезно...

— Съезди, конечно, это не лишнее — с лечащим врачом поговоришь...

Проводив сына со снохой, он отправился в магазин, купил продуктов, бутылку коньяка, решив, что никуда сегодня не поедет. Зачем собачиться с чужими людьми на чужой даче, когда у него есть свой угол, и рядом с этим углом никто не будет гавкать несколько дней.

Собравшись было гульнуть, Алексей осадил себя, убрал коньяк, не желая вдаваться в пьянство, понимая, что житейская ситуация не позволяет быть растрёпой, идти на поводу обстоятельств. Он и ранее замечал за собой это неплохое качество: чем напряжённей создавалась ситуация, тем он становился собранней. Зная теперь, что спокойно может пожить в квартире несколько дней, он поставил на плиту кастрюльку с курицей, решив сварить рисовый суп. Без первого блюда он редко когда обходился, а в выходные мог есть супы три раза в день, и никаких котлет не надо. Это на работе мог обой-

тись «роллтоном», заваренным в бокале для чая, да бутербродом, а вечером — обязательно полная тарелка супу да нередко с добавкой.

Пережаривая лук и морковь, он вспомнил об агентстве, о скорой продаже своей доли... и засомневался: надо ли? То ли сейчас время, чтобы заниматься этим, теревить беспомощного человека, за которым будет нужен постоянный уход. То, что Катрин вряд ли теперь поправится, он был уверен почти на сто процентов, потому что у неё отнялась правая сторона тела, а это, как говорится, без шансов. Левая сторона отходит, а правая почти никогда. Даже он, не врач, это знал, исходя из жизненного опыта.

Всё обдумав, очень кстати посмотрев пугающую передачу о подобного рода сделках, когда некий участковый полицейский, став риелтором, сколотил компанию из кавказцев и приловчился покупать-продавать доли в квартирах, создавая невыносимые условия для других жителей и вынуждая продавать свои доли за бесценок. После передачи Васькин понял: надо немедленно звонить в агентство и отменить договор — и повод теперь для этого самый подходящий. Он так и сделал. Связавшись с агентом, сказал:

— Светлана Павловна, звонит ваш клиент, с которым вы третьего дня заключили договор на продажу доли. Моя фамилия Васькин.

— Помню, помню Васькина! Что случилось?

— Форсмажор по семейным обстоятельствам, и мне необходимо расторгнуть договор. Как это сделать?

— Легко! Считайте, что вы его расторгли, правда, при этом ваш предварительный аванс-задаток пропадёт. Если вас это устроит, то договор я аннулирую!

— Я согласен, деваться некуда! — поспешно сказал он. — Когда можно забрать документы?

— Когда вам удобно. Часы работы нашего агентства, думаю, вы знаете.

— Хорошо. В ближайшие дни подъеду.

Отключив телефон, он неожиданно наполнился радостью, словно освободился от гнетущего груза, который приходилось тащить в последнее время. А теперь будто умылся родниковой водой и вздохнул всей грудью. И от этой радости вдруг понял, что изначально не хотел затевать крамолу против семьи, пусть даже она и не его, и он ни на кого не влиял в ней. Но у него ведь есть сын, и как он, Васькин-старший, будет потом смотреть в глаза ему, когда в их квартире будет жить кто-то чужой. Как сын поведёт себя, когда, не дай бог, с ним, старшим Васькиным, что-то случится, как случилось с

Катрин?! Ведь проклянёт и отвернётся. И кто будет прав, кто виноват — попробуй потом разберись.

Да, он поступил разумно, хотя оставалась заноза, которая напоминала, что его метания последнего времени очень сомнительны. Он сам себя бросал из огня да в полымя, и происходило это из-за отсутствия чёткого плана дальнейшей... ну, если не жизни, то хотя бы некоего временного отрезка. Васькин это прекрасно понимал и ранее, но чередой непредсказуемых событий, на которые он никак не мог повлиять, была сильнее его. Впрочем, и теперь оставалось уповать на Всевышнего и ожидать развития дальнейших событий. Но постоянно мешал вопрос, на котором Васькин словно спотыкался: «А расторг бы ты, дорогой Алексей Юрьевич, договор с агентством, если бы с Катрин не случилось того, что случилось?!» Задавал и, не особенно задумываясь, спокойно отвечал сам себе: «Нет, не расторг бы! А если это сделал, то хоть чему-то научился в жизни!» — «Значит, тогда и забота о спокойствии сына не особенно искренна?!» — «Да, не особенно, — бичевал себя Васькин. — Хотя, не будь этой заботы, я бы это сделал тридцать лет назад! И, думаю, заслужил возможность, пройдя через долгие годы, иметь хоть какое-то собственное мнение, которое помогает принять то или иное решение!»

Поговорив сам с собой, Алексей всё-таки вспомнил о коньяке. Но выпивать одному не хотелось, и тогда он решил позвонить Никите Плешкову, зная, что к этому часу он заканчивает работу, на ходу придумав повод, чтобы выпить: вернуть ключи от дачи. Дозвонившись, он не узнал голоса приятеля, настолько он показался грубым и злым, даже и тогда, когда Алексей заикнулся о коньяке:

— Давай-ка встретимся в чебуречной у Сухарева. Когда будешь там?

— Через час.

— Хорошо. Тогда я не буду спешить, — подытожил он, как обычно это делал, когда они собирались навестить известную в Москве чебуречную напротив Склифа, где к чебуречкам можно было прикупить коньячок, продававшийся шкаликами, да и с собой принести, хотя, конечно, в заведении не приветствовалась подобная самодеятельность.

Поговорив и не отягощая себя мыслями, Васькин выключил плиту с варившейся курицей и спешно отбыл на Сухаревскую площадь.

14

Никита ожидал около чебуречной и показался ещё более угрюмым, грубо укорил:

— Долго ты добираться!

Васькин взглянул на телефон, отговорился:

— Пять минут всего перебрал... Ну, что, пошли? — торопливо сказал он, умолчав о том, что успел заскочить в агентство.

Они зашли, Алексей встал в очередь, сказал Никите:

— Займи столик... Видишь, у окна освобождается.

Постояв в очереди минуты две, Васькин взял по три чебурека, по бутылке лимонада, стаканчики. Поставив всё это хозяйство на столик, по-тихому достал из портфеля бутылку. Но прежде, чем выпить, отдал Плешкову ключи. Тот удивился, прежде чем убрать их.

— Больше не нужны? Что так?

— Спасибо, выручил в прошлый раз! — сказал Васькин и спросил: — Ну, что, за встречу?

— Если встретились, то давай за неё самую!

Когда выпили, Васькин откровенно посмотрел Плешкову в глаза:

— Давай колись — чего такой смурной?

— Будешь смурным, если жена всю плешь проела!

— У тебя фамилия такая... Я-то думал — на работе проблемы. А это — полбеды! — ухмыльнулся Васькин, по-прежнему не понимая причины плешковского дурного настроения.

— Чего ты позавчера беженцам наговорил, что Антон сбегал от жены?!

— Ничего особенного... Чуток побалакали за чаем о войне, о родителях...

— Ага... И сказал Антону, что мужики воюют за Донбасс, а он под юбку жены спрятался!

— О юбке я ничего не говорил, а если упомянул об ополчении, то это так и есть. А то, как на референдуме голосовать, так все почти на сто процентов согласные, а когда пришло лихо — повело людей в разные стороны! Думают, кто-то придёт и защитит их, а они по углам отсидаются. И родителей побросали. Это что, дело?

— Ты это всё моей Валентине расскажи... Она ведь тётка Ларисе, и конкретно переживает за её семью. Нам-то легко трепаться, а ты поставь себя на её место... — Никита замолчал, задумался о чём-то, сказал, будто что-то вспомнил: — Ладно, наливай!

— Вот это другой разговор! А за Антона не переживай, он, поди, и сам был не рад, что увязался за женой. Я же помню, как он покраснел, когда напомнил ему, что половина мужиков из Донбасса убежала, и он в том числе. А если краснеет, значит, совесть осталась. Вот он и поступил по совести. Разве не так?!

— Оставим эту тему... У тебя-то что случилось?

— Не то слово — «случилось»! У меня сплошной форсмажор! В общем, если коротко, с агентством я «развёлся», внучка жены в больнице с отравлением, Катрин с инсульгом там же, а перед этим она пыталась отравить меня!

— Да ладно?! — Никита чуть было не поперхнулся.

— Так и есть. Подсыпала какой-то отравы в вино, пока я был у тебя на даче, а шаловливая внучка залезла в мой холодильник и хватанула того напитка... В общем, «скорая», полиция, то да сё — внучку в больницу, Катрин — в отделение, а там её инсульт хватанул. Финита ля комедия, как говорится!

— Прямо сюжет для детектива!

— Сюжет-то, может, и неплохой, но мне от этого не легче. Опять сплошная неопределённость. Мне, видно, на роду написано до конца дней мучиться с этой семейкой.

— Зря ты расстался с агентством... После всего, что случилось, теперь тебе точно жизни не будет. Я бы ни за что не стал жить со *своей*, если бы она попыталась отравить... Ты только вникни в слово: от-ра-вить! Жуть какая-то...

Пока Никита бурно высказывался, Алексей ещё разлил и сказал:

— Я и не живу толком. Да и давно она не моя! Ладно, посмотрим, что дальше будет. Долю свою всегда продать могу. А если об отраве говорить, то снаряд два раза в одну воронку не попадает.

Хотел Васькин сказать о сыне, о своём отношении к нему, но не стал выворачиваться наизнанку, переполнять сокровенными мыслями Никиту — человека хотя и хорошо знакомого, но всё-таки чужого.

Они допили бутылку, Плешков в дополнение к выпитому взял по шкалику и чебуреку, и со всем этим расправившись, покинули заведение, забитое гомонящим людом.

Спустившись в метро, вместе они проехали лишь остановку, так и не изменив настроения: к Плешкову вернулась прежняя угрюмость во взгляде, Васькин же внешне был приветлив, но в душе пустота. Даже выпивка не помогла. Поэтому и разбежались холодно, будто навсегда.

Завалившись в квартиру, он почувствовал необыкновенный голод. Кастрюлька с курицей к этому моменту остыла, но подогреть недолго. Подогрел, в тарелку с бульоном крошил мясо — и всё это с превеликим удовольствием употребил, а после, напившись чаю, завалился спать; сильно пьяным он себя не чувствовал, но и трезвым — тоже. В общем, как раз, чтобы заснуть и ни о чём не думать.

Думы пришли потом, когда, отоспавшись, он проснулся среди ночи, побродил по пустой квартире, и сделалось ему неуютно, знобко от простора, одиночества. Это чувство к нему пришло впервые, никогда прежде, когда жил в чужих квартирах, оно не навещало, он даже радовался одиночеству, а теперь — так уж получалось — начал страдать от него, а своя квартира стала хуже чужой. А ведь он всего лишь три месяца назад вернулся к привычным людям (нравятся они ему или нет — это другой вопрос), и неужели за это короткое время в нём всколыхнулось давно забытое чувство, какое жило в нём, когда только-только получили от государства эту квартиру, когда дети были маленькими и вся семейная жизнь вилась вокруг них. Теперь же все разъехались, им, видно, стало неуютно в родном гнезде, в котором они выросли. Ведь эта квартира, этот микрорайон для них — малая родина, их наверняка влечёт сюда, но они предпочли жить у жён, на расстоянии от матери, от своей непредсказуемой Катрин, с которой и сам Васькин не сумел ужиться. А уж, помнится, как начиналось хорошо, хотя родственники отговаривали его от женитьбы на разведённой женщине с ребёнком, но сколько в нём тогда было энтузиазма, сколько молодецкого бесшабашного порыва, вселявшего стопроцентную непогрешимость своих устремлений. И он не заметил, как и когда хорошее утекло, превратилось в мираж, даже более: в холод, в настоящую неустроенность и озлобление; все эти непривлекательные чувства копились из года в год и вылились в ужасные события последних дней.

Зимняя ночь длинная, и Алексей долго, в подробностях вспоминал жизнь с Катрин, своё шараханье по чужим квартирам, выросших детей, почти выросших внуков. Вспомнил и не видел для себя ничего хорошего, никаких перспектив. Впереди зловеще чернел тупик, стена, которую теперь ему никогда не сломать.

Под утро он всё-таки заснул, а проснувшись в полдень, попил кофе, немного позже доел курицу, расковырял мандарин и, не зная чем заняться, вновь завалился на диван. В голове — пустота, даже ни одной завалящей мыслишки — все проносились мимо, никак и ничем не волнуя. И только неожиданный звонок от Долгополовой вывел из этой душевной пустоты, хотя тоже ненадолго.

— Как поживаешь, почему не звонишь? — с ласковой притворностью спросила она, словно и не было недавней холодности при расставании.

У него же совсем не имелось желания говорить ласково, тем более притворно, поэтому ответил строго, даже грубо:

— Дела и случаи заели, дорогая Нина, отвлекают и не дают сосредоточиться на чём-то одном!

— А может, на ком-то?!

— Чего нет, того нет.

— И не хочется?

— Знаешь, я как-то и не думал об этом. А ты по какому поводу звонишь-то?

— Так просто...

— Нет, Нина, так просто ничего не бывает. Сразу скажу, что приехать не смогу. А если и смогу, то не знаю когда!

— Можешь никогда не приезжать! — обиженно выпалила она и сразу же положила трубку.

«И зачем, спрашивается, звонила? Чтобы трубку бросить?! — подумал Васькин и попытался позвонить ей на домашний, потом на мобильный, но оба телефона были отключены. Но это его не расстроило, а заставило усмехнуться: — Вот так всегда: только захочешь с женщиной поговорить по душам — сразу в крик и обиду! А когда сама устраивает скандал, то чуть ли не клещами вцепится, обязательно заставит всё выслушать до конца, пока не доведёт до белого каления!»

15

После нескольких суматошных и нервных дней Васькин зажил спокойно и размеренно, хотя и понимал, что спокойствие это недолгое. Через какое-то время привезут из больницы Катрин, и тогда начнётся новая суета. Катрин надолго, если не навсегда, останется лежачей, а это значит, что кто-то за ней должен ухаживать: поить, кормить, стирать бельё и озадачиваться иными заботами. И он не представлял, как это всё будет выглядеть. Знал лишь одно: сам он не возьмёт на себя ни одной заботы, не сделает ни одного телодвижения, чтобы чем-то помочь. У неё есть дети, снохи, в конце концов, почти взрослая внучка.

Всё обдумав, создав для себя некие правила дальнейшего поведения, Васькин более или менее успокоился. Днём он подолгу гулял в парке, а вечерами выбирался в Домжур, иногда заглядывал в ЦДЛ к писателям — посещал творческие вечера, но чаще проводил время в подвальном буфете — единственном месте в писательском доме, оставленном хозяевами Дома *инженерам* человеческих душ для душевного общения. И если в Домжуре всё выглядело комфортно и располагало к неспешным беседам, то в Нижнем буфете ЦДЛ поселилась бесшабашная и крикливая вольница, и лица мелькали почти одни и те же. Оторванные от жизни разросшейся столицы, как сказали бы прежде, не имея возможности ез-

дить в провинциальные творческие командировки, эти лица перемывали косточки друг другу. При этом пьянствовали, скандалили, потом писали друг на друга статьи в виде дневников и памфлетов, в которых всё перевирали, путали чужих жён со своими, отчего зачастую становились ответчиками в судебных разбирательствах. Ведя разборки вне стен писательского дома, продолжали, тем не менее, навещать буфет. Сложив синтетические бекеши на стульях, сдвигали столы и заливали перманентное горе принесённой с собой водкой, потому что в буржуйском буфете она очень дорогая, не по карману для большинства из них — пенсионеров, хорошо помнивших роскошную писательскую жизнь при советской власти. Эту жизнь помнил и Васькин и, может, поэтому слегка завидовал бузотёрам, потому что они сохранили в себе страсть к сочинительству, не стали, подобно ему, разминывать эту страсть, например, на фотографию, не стали фотографами в прямом и переносном смысле.

Все эти дни Васькин был действительно спокоен, и более, наверное, потому, что ничего не знал о Катрин и не хотел знать. Но недели через две сын напомнил, позвонив как-то поздно вечером, когда Васькин вернулся из ЦДЛ после очередной творческой встречи.

— Пап, завтра днём будешь дома? — сразу спросил сын.

— Должен быть... А что?

— Завтра маму выпишут... Надо будет помочь поднять в квартиру.

— Помогу, конечно.

— Прекрасно. Тогда завтра утром позвоню и скажу, когда привезут её.

«Ну, вот, начинается то, что и следовало ожидать!» — нерастовно, даже горько подумал Алексей.

Действительно, на другой день в полдень сын напомнил:

— Мы сейчас выезжаем. Приготовь одеяло, чтобы занести маму в квартиру.

Васькин живо представил, как они будут пыхтеть с сыном, преодолевая ступеньку за ступенькой до своего шестого этажа. В крайнем случае, водитель поможет.

Когда прибыла «скорая» и Васькин разглядел в распахнутой дверце Катрин, то не узнал её с торчащими медицинскими трубками из носа. Она увиделась такой высохшей, маленькой, что, казалось, её можно донести до квартиры в охапке. А двоим-то, да на одеяле — делать нечего, тем более что уместились в лифте.

Когда Катрин уложили на приготовленную кровать, врач, сопровождавшая больную, долго объясняла сыну, что надо

делать, какими лекарствами запастись, напомнила о том, что назавтра непременно необходимо вызвать участкового врача, а лучше это сделать сегодня.

«Скорая» вскоре уехала, сын кому-то названивал и названивал, и чтобы не мешать ему, Васькин собрался гулять, решив хоть какое-то время не находиться в квартире с той, которая пыталась отправить на тот свет, а не то чтобы участвовать в её судьбе. Правда, уходя, всё-таки спросил, но более заботясь о сыне:

— Помощь нужна?

— Не беспокойся, пап, сейчас Маша приедет. Сами разберёмся!

«Ну и слава Богу!» — подумал Алексей и, потеплей одевшись, отправился в парк и долго бродил по знакомым дорожкам. Он теперь не знал, как вести себя, о чём говорить с сыном, со снохой, да и с внуком, хотя и редко появлявшимся. Ведь все они знали историю с Катрин, знали о её ужасном поступке. Изменится ли их отношение к болезной, изменится ли отношение к нему, или они с юношеской легкомысленностью ничего не будут замечать. Собственно, так и произошло, когда, нагулявшись, Васькин вернулся в квартиру и увидел, помимо Маши, розовощёкую Олесю. Все вели себя так, что будто ничего и не произошло в семье. И это правильно. А как они должны относиться к заболевшей матери, свекрови и бабушке? Только так — уважительно и заботливо. Большим всё прощается.

Не вдаваясь в разговоры с дамами (сын отбыл на работу), Алексей разогрел суп, нарезал бутербродов и пообедал у себя в комнате, не желая, чтобы кто-то мешал и суетился рядом. Пообедав, прилёг на диван поверх покрывала и неожиданно заснул. Уже засыпая, подумал о том, что надо уехать на две-три недели в дом отдыха, чтобы не мешаться, чтобы не видеть всё эту суету, предсказуемо заполнившую квартиру. Поэтому надо будет сходить в социальный отдел и узнать о путёвке; наверняка сейчас, зимой, они есть в наличии — это не лето. Путёвка за город — это именно то, что ему надо теперь: уехать, пожить в одноместном номере, чтобы никто не мешал, не мелькал перед глазами.

За окном густо смеркалось, когда, проснувшись, он не спешил разламываться со сна, но телефонный звонок всколыхнул. Трубку взял — Плешков. Вспомнил-таки! И голос, как показалось, совершенно другой, чем при недавней встрече.

— Привет, Алексей Юрьевич, спешу обрадовать! — сказал Никита и сделал многозначительную паузу.

-
- Чем же? — насторожённо спросил Васькин.
— Тем, что теперь дача в полном твоём распоряжении!
— Как это так?

— Лариса уехала следом за Антоном на Донбасс, и теперь на даче никого. А то на днях морозы обещают, нам с Валентиной будет спокойнее, если ты поживёшь там. В дальней комнате на первом этаже трубы ненадёжные — плохо греют, видно забиты накипью.

Плешков говорил о накипи, а Васькин вдруг подумал о дочке Ларисы, которую, надо думать, она с собой забрала.

— И дочка с Ларисой, что ли, уехала?!

— Конечно...

— Но там же война!

— Что же делать, если это их выбор

— Теперь, как пить дать, на меня сердятся, а может, и ненавидят! — извинительно вздохнул, словно Лариса с дочкой стояли рядом.

— Никто на тебя не сердится. Ты и меня прости, что в чебуречной вёл себя не должным образом... А на даче тебе и делать ничего особенного не надо. Включишь АОГВ посильней — вот и вся забота. К тому же газовой плитой будешь пользоваться, колонкой — одним словом, дача будет жилая, а такие почти никогда не размораживаются.

Васькин уныло вздохнул, с первых же слов Плешкова сообразив, к чему он клонит, и приврал, потому что душа теперь не особенно располагалась к приятелю:

— Рад бы, да послезавтра в дом отдыха уезжаю. За путёвку уже заплатил.

— И дорогие они сейчас? — спросил Плешков, видимо, ориентируясь в ценах и желая проверить Васькина.

— У меня — льготная, сушице пустяки — разговора не стоит! — вывернулся он.

Конечно, по сникшему голосу приятеля Васькин догадался, что тот понял его недосказанность и притворство, но не осмелился более что-то уточнять.

— Ну, тогда желаю приятного отдыха — оторвись по полной! — Плешков было свернул разговор, но всё-таки добавил: — Когда вернёшься, всё-таки знай, что наша дача всегда в твоём распоряжении.

— Ладно, буду иметь в виду, — не стал он обострять разговор. Да и чего его обострять, когда оба — взрослые люди.

И так всё понятно.

Хотя Васькин и приврал Плешкову, но произошло почти так, как ляпнул наобум, с одной лишь оговоркой: льготная

путёвка ему не полагалась, хотя он и являлся ветераном труда, так как отказался от санаторно-курортного лечения в пользу ежемесячных денежных выплат. Поэтому на следующий день, найдя в интернете адрес санатория в Солотче близ Рязани, он позвонил туда, спросил о возможности отдохнуть две-три недели в одноместном номере, на что ему вежливо ответили:

— Пожалуйста, хоть сегодня приезжайте! Трехнедельное удовольствие равноценно тридцати тысячам! Если устроит — милости просим!

— Сегодня, увы-увы, не могу, — повеселел Васькин, — а завтра запросто. Думаю, к обеду доберусь!

— Отлично! Ждём вас! — обнадёжила словоохотливая сотрудница и записала его фамилию.

Поговорив, Васькин сразу отправился по магазинам, чтобы прикупить необходимую в путешествии мелочевку, представляя, как будет гулять по курортной Солотче, где в молодости часто бывал: купался в старице Оки, бродил по сосновому бору, зимой ездил на лыжные соревнования. Когда, радостный, воодушевлённый предстоящим путешествием, вернулся в квартиру, его встретила Маша и попросила:

— Алексей Юрьевич, пока я сбегаю в аптеку, не могли бы вы полчасика приглядеть за Екатериной Фёдоровной?! Она вроде бы спокойно лежит, но иногда порывается встать, ещё, не дай Бог, с кровати свалится.

— Конечно, посмотрю!

Маша ушла, а он минут через пять заглянул в комнату Катрин. Она заметила его, зашевелила провалившимися глазами и что-то попыталась сказать, но с потрескавшихся губ лишь тяжело отслоился единственный слог.

— Ку... — натужно произнесла она и через малое время повторила: Ку... Ку...

Алексей сперва не понял её слабых возгласов, но быстро догадался и спросил, уточняя:

— Курить, что ли, просишь? Всё, откурилась! Нельзя тебе — давно говорил!

И она поняла смысл его слов, если из-под сужившихся век появились слёзы.

— Эх, несчастная, ты несчастная! — вздохнул он и вышел из комнаты, не найдя более сил смотреть на измождённое морщинистое лицо, обвисшее на одну сторону, которое он всё ещё помнил молодым, но теперь не узнавал его.

И не было в Алексее ни сострадания, ни обиды, ни злости. Сплошная пустота.

С улыбчивой Серафимой Васькин познакомился по прибытии в санаторий, сразу обратил на неё внимание, когда его определили за стол к двум дамам примерно его возраста: Елене и Серафиме. С умыслом, нет ли, но факт оставался фактом: он оказался в цветнике. Правда, не особо благоухающем. Дамы для порядка коротко рассказали о себе, сообщив, что они местные, из Рязани, и сразу вопрос к нему:

— А вы откуда прибыли?

Понимая их любопытство, он вспомнил, как когда-то жил на съёмных квартирах, вспомнил, как иные его знакомые, да что иные — почти все, пытались узнать, его ли это квартира, а узнав, принимали соответствующее решение. Теперь это, видимо, повторялось, хотя и в другой конфигурации. И чтобы их не мучить, прямо сказал:

— Тоже местный: родился здесь, учился в школе... Теперь живу в столице, разведён, свободен! Ещё вопросы есть?

Не ожидавшие такого нахальства, женщины опустили глаза, а кареглазая Елена быстро приняла его тон.

— Ну что же, приехали налегке, свободным, а уедете с большим грузом ответственности! Это мы вам гарантируем! — твёрдо сказала она, словно наперёд всё знала о Васькине, не ставшим комментировать её утверждение.

Обедая, он исподтишка поглядывал на стеснительную Серафиму, тоже на него поглядывавшую; иногда она забывалась и открыто рассматривала Алексея.

Отобедав, они пожелали друг другу приятного отдыха и разошлись по номерам. Из-за раннего подъёма, усталости, Васькина сразу сморило, и он счастливо проспал до ужина, а проснувшись, так по-настоящему и не разломался, и когда понял это, то не стал себя мучить, легко отказался от похода в столовую и долго читал приключения Дерсу. И удивительное чувство в эти минуты наполняло его. Такое чувство бывает, когда после болезни человек начинает набираться сил, и никто ему не мешает, не отвлекает — он предоставлен сам себе и буквально чувствует, как возвращается энергия, наполняя всё тело, каждую клеточку.

Закончилось это ощущение в тот момент, когда он почувствовал настоящий голод. Ужин, конечно, давно и успешно завершился, о буфете Васькин ничего не знал, да и есть ли он вообще в санатории, а если есть, то работает ли в столь поздний час, поэтому он заглянул в холодильник. Собираясь вчера и зная, что будет обеспечен питанием, он всё равно по старой профессиональной привычке запасся на первый случай батончиком сырокопчёной колбасы, хлебом, печеньем,

пачкой чая, сахаром и, конечно, кипятивником. Здесь он не пригодился, поэтому, вскипятив в чайнике воды, Алексей заварил душистого чаю, нарезал бутербродов и великолепно поужинал.

Завтрак следующего дня начался для Васькина распросами о его внезапном исчезновении, а закончился вечером отдыха, состоявшим, в основном, из танцев. Васькина приглашали на вечер вдвоём, а пришла лишь Серафима. И он понял, что это неспроста, и никаких иных ему объяснений не требовалось, чтобы понять, что именно Серафима положила на него глаз. И он легко поддался *сглазу*, потому что ещё вчера, как только сел за стол рядом с ней, почувствовал настоящее тяготение.

Серафима пришла одна, а ушла вдвоём, потанцевав с Алексеем. Днём он успел побывать в поселковом магазине, запаса вином, фруктами, сладостями и устроил для Серафимы продолжение вечера. Она оказалась на удивление словоохотлива, и когда он узнал, что она в недавнем прошлом школьный преподаватель, то и удивляться перестал, хотя всё-таки считал, что учителя ведут себя посдержаннее. Но это в школе, среди учеников и коллег, а здесь-то почему не выпить вина, не посмеяться?! Ведь в санатории всё позволено: хочешь — иди на лечебные процедуры, хочешь — на танцы, хочешь — выпей вина. И во всех случаях — радость жизни.

У них всё так и было. В какой-то момент он даже обнял её, когда они, усевшись на кровать, смотрели телевизор, и вполне мог поцеловать, но не спешил, не хотел опошлять вечер. И то ли застывшая боль вдовы в её серых глазах с зеленоватым оттенком, то ли поведение, в один момент превратившее Серафиму из беззаботной хохотушки в пугливую беззащитную синичку, которую они кормили днём с руки, готовую испуганно вспорхнуть и более не появиться, но именно поэтому не хотелось быть грубым.

Когда пришло время расходиться на ночлег, он всё-таки спросил по-мужски, уверенно и твёрдо:

— Может, у меня останешься?

Она ответила не сразу, а пристально взглянув в его тёмно-синие глаза, сразу ставшие ещё темнее, и, слегка вспыхнув, ответила с едва заметным вызовом:

— Может... Но для этого мне необходимо сходить к себе и переодеться.

Она вернулась через полчаса: тихая, покорная, без макияжа. Когда легли спать, прижавшись к нему, тихо попросила дрожащим голосом:

— Только, пожалуйста, не спеши...

На следующее утро, заметив, как они, опаздывая, торопились на завтрак, Елена то ли из зависти, то ли решив пошутить, вслух объявила:

— А вот и Ромео с Джульеттой!

Сказала столь громко, что на опоздавших обратили внимание за соседними столиками, и этого оказалось достаточно, чтобы двойное прозвище сразу приклеилось к Алексею и Серафиме. С этого часа только и неслоь им вслед, где бы они ни появлялись: «Ромео с Джульеттой!» А они на эти нащёптывания не обращали внимания, даже, похоже, в душе радовались, словно те чувства, которые им пришлось испытать совместно, возвысили над остальными жильцами санатория, над Солотчей, над всем миром! Мол, смотрите и завидуйте нам, а мы будем радоваться и восхищаться. Они, действительно, радовались и не замечали ничего вокруг. И в самом санатории, и за его пределами, когда, например, ездили на экскурсии в Пощуповский монастырь и село Константиново — на родину Сергея Есенина, ходили в дом-музей художника Ивана Пожалостина в самой Солотче. Везде — вместе, всегда — за руку. День за днём. Изо дня в день.

Даже как-то после обеда сорвались и поехали в Рязань, когда дети позвали Серафиму принять, как они объяснили, ремонт. Васькин ничего не понимал в ремонтах, тем более в ремонте сантехники, но охотно поехал, догадавшись об истинной причине просьбы Серафимы: наверняка, ей хотелось показать его кому-то из детей, заявить, что она не одна, что у неё есть вполне приличный человек — столичный житель. Ей, видимо, это просто было необходимо для самоутверждения, для подпитки женской сути, которой она лишилась, оставшись вдовой. Васькин даже знал, с кем его сведёт Серафима, конечно же, с дочерью, потому что дочь всегда лучше поймёт мать, чем сын.

И действительно, дочь дождалась в квартире. Серафима познакомила с Ингой, внешне похожей на мать, только с тёмными глазами донской казачки. Та приветливо кивнула и улыбнулась, а Серафима пояснила, что ремонт делали лишь в ванной комнате и кухне. В прихожей и остальных трёх комнатах будут делать летом, чтобы потом квартиру продать.

— Я против этого была, — рассказывала Серафима, блестящими от радости глазами рассматривая сияющую кафелем ванную и обустроенную заново кухню. — Но что поделаешь с моими непоседами.

— Мам, не противься! С евроремонтом легче найти покупателя. Ты же знаешь, что мы строим тебе однокомнатную квартиру, к лету дом обещают сдать. Так что потом спокойно

переедешь на новую хату! А эту так и так продавать, если мы все живём отдельно! Продадим и построим с братишкой по загородному домику, тем более что у Санька всё в своих руках! — воздушным от радости голосом живо говорила кареглазая Инга.

Серафима внимательно всё осмотрела, что сделали, спрашивая при этом у Васькина: «Правда, хорошо?» — и он покорно соглашался. Потом они попили чаю в обновлённой кухне, пахнувшей строительной химией, немного поговорили и начали собираться. Инга улыбнулась:

— Мам, какая-то ты торопливая стала?!

— Обычная. Я всегда такая.

Весело переговариваясь, они закрыли квартиру и вышли на улицу. Серафима с Алексеем собрались идти на остановку, но Инга вызвалась подвезти их на своей машине до автовокзала, а потом, когда отъехали от дома, передумала:

— Поехали сразу в Солотчу! Чего вам в транспорте мотаться!

Наверное, и полчаса не добирались — и вот уж корпуса санатория перед глазами. Инга быстренько попрощалась, попросила Васькина «не обижать маму», подала на прощание ладошку и упорхнула на своём «корейце», как она сказала.

Когда шли к корпусу, Васькин внимательно посмотрел на Серафиму и спросил:

— Кто они, твои дети? Чувствуется, *крутые!*

— Да уж, дорогой Лёша, не нам с тобой чета: совсем другие идеалы... Инга — юрист, а сын занимается строительным бизнесом. Так что оба при деле.

— Ну и хорошо, даже отлично! Любой родитель радуется за своих детей, когда у них всё ладится! — сказал Алексей и подумал: «А мы квартиру тридцать лет не можем разменять!»

Впрочем, горевать по этому поводу он не стал, не тот случай, да и давно привык к тому, что происходило вокруг, зная, что за всеми не угонишься, и даже пытаться не надо. Надо жить своей жизнью, какую заслужил и какую сумел создать. Поэтому никак и ничем не выдал своих мыслей.

Перед ужином разошлись по номерам: Серафима изъявила желание привести себя в порядок перед выходом на люди, но неожиданно вернулась, прихватив косметичку. До сего момента она стеснялась прихорашиваться при Васькине, а теперь, окончательно к нему привыкнув, освоилась. Да и пора бы, так как большинство вещей Серафимы давно нашли прибежище в его шкафу.

Пока Серафима заглядывала в зеркальце, Алексей читал о Дерсу, хотя не особенно внимательно, а телефонный звонок

и вовсе отвлёк. Звонил сын. Он знал, что отец в санатории на своей родине, поэтому не стало спрашивать «Ты где?». Сказал сразу и оглушительно:

— Мама скончалась...

— Когда? — непроизвольно вырвалось у Васькина.

— Сегодня утром... Уже был агент, хоронить будут послезавтра... Приезжай! — скороговоркой выпалил сын, Алексей же не знал, что ответить ему. — Приедешь?

Васькин замялся, подыскивая слова, чтобы объяснить своё отношение и чувства к Катрин, которая для сына, конечно же, в первую очередь мать, а ему она никто. Даже больше, чем никто!

— Понимаешь... — замялся Алексей.

Дмитрий же наступал:

— Если сомневаешься — не приезжай. Без тебя обойдёмся!

— Да, так, пожалуй, будет лучше!

Сын ничего более не стал объяснять и отключил телефон, а Васькин словно окаменел от неожиданного сообщения, обдумывая, правильно ли поступил, сообщив сыну о своём отказе быть на похоронах. У него была возможность перезвонить и изменить своё решение, но, всё-всё вспомнив, что было у него с женой, заставил себя не прикасаться к телефону.

Серафима заметила его взволнованность, спросила, оторвавшись от зеркала:

— Что случилось, Алёша?

— У сына небольшие проблемы... Не обращай внимания.

Чуть позже он послал сыну эсэмэску, состоящую из трёх слов: «Прости и пойми!»

17

Он всё-таки рассказал погрузневшей Серафиме причину своего испортившегося настроения. Не всё, конечно, а лишь то, почему именно не поехал.

— Ну и зря! — укорила она. — Ну, когда-то развелись, ну, портила тебе жизнь. Но у вас с ней общий сын. И твоё присутствие на похоронах для него важно!

Васькин молчал-молчал, а потом выдал:

— Понимаю, в тебе говорит женская солидарность, но, думаю, каждый поступил бы так же, как я, будучи на моём месте... Поясню, слушай внимательно...

Не торопясь, обстоятельно он рассказал о событиях последних месяцев с того момента, когда вернулся в квартиру, рассказал о попытке своего отравления, об инсульте, а теперь и смерти жены, о нежелании находиться с ней в одной квартире.

— Ты думаешь, что я с радостью ехал в родные края, что плясал в душе?! Уверяю, это далеко не так, хотя это было лучше, чем ехать куда-то. И я не знал, что бы я тут делал, не встречу тебя. Сам Бог мне послал утешение в жизни, помог увидеть понимающую душу, в которой я так нуждался. И вот, доверившись, услышал от тебя порицание!

— Прости, я не знала, что у вас всё так серьёзно... И что теперь намерен делать?

— Жить. Правда, не знаю, как теперь сложится эта самая жизнь. Но, думаю, совсем-то уж не пропаду. Разберусь по-маленьку... Ты иди на ужин одна, а у меня что-то совсем нет настроения.

— Тогда и я не пойду! Не могу оставить одного!

И не пошла.

Все пять дней до окончания путевки Серафимы они провели совсем не с тем настроением, с каким начинали отщёлкивать звонкие дни. Теперь они казались пасмурными и грустными. Васькин должен был покинуть санаторий на следующий день после Серафимы, но не захотел оставаться в одиночестве, к тому же этот день ничего бы для него не решил, только сделал ещё более одиноким. Поэтому, пообедав, они вместе отправились в Рязань. Серафима порывалась проводить его до вокзала, но Алексей не разрешил, и она неожиданно расплакалась.

— Понимаю — более не нужна, и оттого вдвойне обидно. Хочешь поскорее отделаться!

— Ну что ты! Сколько раз говорил, что буду приезжать в гости. Не веришь?

— Поверю, если провожу тебя!

— Тогда поехали на вокзал, если уж такая настойчивая!

Они тоскливо провели полтора часа на вокзале, а после Васькин словно по обязанности расцеловался с Серафимой и заскочил в вагон экспресса. Когда поезд тронулся, он видел, как она махала на прощание, и подумал: «Есть же душевные женщины, с которыми только жить и жить!»

В девять вечера он уж был дома, и первое, что его встретило, — телефонный звонок. Звонила Серафима.

— Ты дома, всё нормально?!

— Всё хорошо, моя заботушка. Дома — никого, тишина, и так не хватает тебя.

— А мне — тебя!

— Обещаю, что в скором времени навещу. А теперь отдыхай!

— Как скажешь, дорогой Алёша! До свидания!

Она положила трубку, а он какое-то время сидел у телефона и не знал, что делать. Сумку решил разобрать завтра, а

сейчас надо лишь поужинать, освежиться под душем и завалиться спать, тем более что за всю санаторную жизнь он только раз выспался по-настоящему: в первый день. Перед сном всё-таки осматрел квартиру, словно хотел убедиться, что Катрин действительно нет... Он глянул на её пустую кровать, накрытую тёмным пледом, и почувствовал, как по телу побежали знобкие мурашки.

Утром ему позвонил сын и сказал, что вчера, проезжая мимо, видел свет в окнах... И ничего не стал объяснять, лишь спросил:

— Вечером будешь дома? Если да, то заскочу!

— Заезжай, буду ждать.

Васькин пытался понять причину неожиданного визита, но ничего не смог предположить. Лишь почувствовал, что сын придет неспроста.

Так и вышло. Не успел Дмитрий появиться на следующий день в квартире, как сразу же раскрыл карты:

— Пап, не знаю, как ты воспримешь моё сообщение, но нам пора продавать квартиру! — чуть ли не с порога заявил он.

— Один думал или с кем-то?

— С братом...

— Вообще-то подобные дела сообща решаются. Вот давайте все вместе соберёмся, каждого взаимно выслушаем — тогда и решим. Хотелось бы знать мнение Сергея. А то он уж месяца два не показывался!

— А зачем всем собираться. Сергей — «за»! Он возьмёт по ипотеке трёхкомнатную, у меня, думаю, хватит денег на однушку, а вот с тобой возникает неясность. Ведь на свою долю ты вряд ли прикупишь что-то подходящее, а что делать — не знаю!

«Травануть, чтобы не мешался!» — ехидничая, подумал Алексей, решив, что сын неслучайно затеял продажу квартиры, поэтому и говорил жёстко, напористо, словно мстил за отказ приехать на похороны матери.

— За меня-то вам чего беспокоится. Я найду пристанище. На Москве свет клином не сошёлся, — сказал Алексей и сразу вспомнил Серафиму, и сердце заньло так сладко, словно она в этот момент оказалась рядом. Но следом за восторгом кольнула другая мысль, и он засомневался в скором разрешении поспевшего вопроса. — Только вы забыли о том, что надо ждать полгода, чтобы вступить в права наследства. Ворошить эту тему раньше — бесполезно.

— По этому поводу не переживай... Мама давно оформила завещание на меня и Сергея. Так что с этим всё в порядке.

Мне надо услышать от тебя: согласен ты на подобную сделку или нет, чтобы потом обиды не было?! Если согласен, то мы начинаем!

— Согласен, сын, согласен. Главное, чтобы ты не обижался. А что проявили инициативу — это только вам в плюс. Значит, головы на плечах сохранили. И когда же решили заняться этим вопросом?

— В ближайшее время Сергей начнёт готовить документы. Так что дадим знать, как что-то прояснится.

Было видно, что Дмитрий радовался, что не пришлось отца уговаривать. Но сын не знал, что отец просто ликовал от этой новости. Единственное, что огорчало Алексея, так это то, что он так и не проникся схожим настроением, не захотел понять, и неизвестно — поймёт ли когда-нибудь своего отца. К тому же продажа квартиры — путь к окончательному разъединению, а может, и к забвению, хотя и говорят, что на расстоянии чувства проявляются более искренне. И если это так, то когда-нибудь, возможно, они почувствуют взаимную необходимость. Алексею очень хотелось в это верить. Хотелось верить в то, что он сумеет объяснить, что значил для него сын от самого его рождения до теперешних переломных дней. И будет значить всегда!

Но сейчас не тот момент. Дмитрий уехал торопливо, даже не попив чаю, толком не попрощавшись, но Алексею сейчас было не до обиды. Он упал на диван и лежал несколько минут, вспоминая разговор, и всё ещё не верил, что события развернулись в нужном ему направлении, о котором он всегда мечтал. Пусть поздновато, пусть не в комфортной ситуации — главное, что вскоре исполнится его мечта!

Он хотел тотчас позвонить Серафиме, но сдержался, не стал бежать впереди событий, чтобы не слезить. Вот когда дело завершится, когда он переедет в Рязань, тогда и сделает сюрприз — пригласит на новоселье. А пока набрал её номер, поговорил и ласково завершил разговор:

— Люблю тебя и надеюсь на скорую встречу!

Он мог говорить бесконечно, и, действительно, долго не опускал трубку, пока она сама уговорила продолжить разговор завтра. Он согласился, понимая разумность её слов, но сделал это с сожалением.

Поговорив с Серафимой, он немного расстроился от невозможности высказаться, поделиться своей тайной. Но ничего — терпеть осталось недолго. Наконец-то его одинокая жизнь закончится, он станет таким, как все. Или как большинство. И это отлично. Хватит маяться дурью. Человек не должен быть одиноким, особенно в конце жизни. Вспомнив

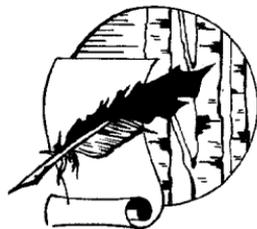
Дерсу Узалу, Васькин усмехнулся: «Даже он потянулся к людям, а уж таким был скитальцем и отшельником, каких поискать!»

От нахлынувших чувств, от необычного воодушевления ему сделалось душно, захотелось на воздух, на волю; он почувствовал себя в своей же квартире, словно в заточении. Спешно оделся и отправился в парк, в этот час почти безлюдный; лишь собачники, сбившиеся группами, давали волю своим питомцам.

Плутая по слабо освещённым дорожкам, он впервые заметил, что нынешняя зима так и не побаловала настоящим снегом, хотя заканчивалась. Да и морозов особенных не было. Вот и сейчас он, получается, зря надел дублёнку, в которой сделалось жарко. Обычно, неторопливо прохаживаясь по дорожкам, он слегка подмерзал, а теперь даже вспотел.

Перестав ощущать удовольствие от прогулки, Алексей решил вернуться, и, пока шёл, почувствовал необыкновенную слабость. В квартире ему и вовсе стало плохо, когда занозистая боль пронзила голову. Заперев дверь, не раздеваясь, он выпил в кухне воды, потом присел в прихожей на пуфик и потерял сознание, словно провалился под лёд глубокого омута.

Два вечера, возвращаясь с работы и проезжая на автобусе мимо дома, сын видел в кухне свет, но на звонки отец не отвечал, словно обижался на что-то. Хотя чего сердиться, если на него никто не сердился. А надо бы. На третий день, хотя и не хотелось, Дмитрий всё-таки раньше вышел из автобуса, решив заглянуть домой. Открывая дверь, уже знал, что прямо скажет отцу о том, что нельзя всю жизнь думать только о себе, надо хотя бы на старости лет измениться в лучшую сторону, вспомнить, что у него есть родной сын и внук... Всё-всё выскажет, о чём давно думал, но молчал до сегодняшнего дня...

Виктор МЕЛЬНИКОВ

СИЛУЭТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДВЕНАДЦАТОМ ГОДЕ

Две сотни лет... Какие перемены
Видала ты, родимая земля!..
Закат кровавой тенью лёг на стены
Коломенского древнего кремля.

То полыхает невдали столица
Иль вся страна войной обожжена? —
Лажечникову юному не спится,
Хотя в усадьбе дремлет тишина.

У образов — лампадок самоцветы,
В угрозу вражью — верится с трудом.
Но вопреки отцовскому запрету,
Наследник покидает отчий дом!..

Вся жизнь промчалась — будто сновиденье,
Запечатлелась на страницах книг.
В час призраков невидимую тенью
Блуждает у кремля седой старик.

В морщинах лоб... Печален отчего-то.
Там, за чертой, он молится за всех.
Его гнетут грядущие заботы —
Так неспокоен двадцать первый век!

Провидит в нашей жизни — перемены,
И оттого тревожится не зря:
Опять закат коломенские стены
Окрасит алым, как придёт заря...

ПУШКИНСКИЙ ТРИПТИХ

Весна в Михайловском

Небо светлеет с зарёй.
Луг — будто нитью расшит.
По небу лёгкой мечтой
Облако-ангел летит.

День просыпается, тих,
И расплетается мгла.
Веет неведомый стих
Лёгким полётом крыла.

В окна струится рассвет,
Даль перед взором — близка.
Музе певучей в ответ
Вольно струится строка!

А лепестки, словно снег,
С вишни осыплются вниз...
Слиты мгновенье и век:
Время... цветение... жизнь.

Оленька Калашникова

В имени теплятся свечи.
Над лугом, притихшим вдали,
Стал ветер свежее и резче,
Туманы уже отошли...

Но радость, как день, убывает,
Морщинка легла вдоль чела,
И снова кольнёт, оживая,
Любовь, что как будто прошла.

Те звёзды сияли недолго
Сиреновой юной весной.
Она, черноглазая Ольга,
Была лишь его крепостной.

Но метку на сердце оставил
Ожог непонятных светил...
И сын их единственный, Павел,
Недолго на свете пожил.

А Ольге — желанной, любимой, —
С немилым-то жить какво?
И вздрогнул Поэт... Словно дымом
Подёрнулись очи его...

А листья, как дни, улетали,
Кричали над ним журавли.
Но в памяти вспыхивал сталью
Осколок далёкой любви.

И в час его жизни прощальный,
Пред тем, как душа отбыла,
Тот образ, покорный, печальный,
Неслышно вздохнул у чела...

Чёрная речка

Невесёлый бег коней.
Лес чернеется вдали...
Бьются мысли — всё о ней:
Натали, Натали...

Рядом чёрный человек —
Боль лихая и беда.
Отогнать — иль лечь на снег
Навсегда, навсегда.

Жутко глянул пистолет,
И Поэт на снег упал.
Что же выстрел твой навек
Запоздал, запоздал?

— Что, Данзас, нахмурил бровь?
Вот и всё?.. Кончен век?..
Застывая, каплет кровь
Алой вишенкой на снег.

ЛЕРМОНТОВ. ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ

Пролётка спешит, как судьба, по отлогому склону,
То вниз, то взлетая по горной дороге кривой.
Июльский нахмурился день пред грозой раскалённой,
И сыплют деревья, как осенью, жёлтой листвой.

И солнце багряное с неба спускается ниже.
Как яростно ал, будто щит боевой, его круг!

А кони спешат... С каждым шагом становится ближе
Гора роковая с названием вещим: Машук.

Уж всё решено... И намечено место дуэли,
Огонь его жизнь оборвёт, будто слабую нить.
Как страшно, что мчится свинец к точно заданной цели,
Как больно, что нам этот путь не дано изменить!

И боль полыхнула в груди окровавленным комом,
И ангелы душу его к облакам понесли.
И охнул июль над землёю заоблачным громом,
Как звук Бородинского боя в далёкой дали.

А дождь поливал... Неподвижный, покинутый всеми,
Лежал онемевшей России великий Поэт.
Рыдало в горах почерневшее небо, и Время
Над ним зажигало бессмертья немеркнувший свет.

ВЕЧНЫЙ ПАМЯТНИК

И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.
М. Волошин. «Коктебель»

Ах, Россия... Судьбой положено:
Дышит будущее — во мгле.
И сияет профиль Волошина
Ветром времени — на скале.

Век двадцатый... Заря кровавая...
Но мужал его крепкий стих.
Знал Поэт своё дело правое —
И молился за тех и других.

Полыхали огнём пожарища,
Алой кровью текла вода.
А стихи его знали — «товарищи»,
И читали их — «господа».

Он не прятался в мутной замяти,
Не стрелял по своим во мгле,
И за то ему — Вечный Памятник
Дан Природою на земле.

Мчит Россия конём взъерошенным,
Окровавлен трёхцветный флаг.
Горько смотрит профиль Волошина,
И молчит гора Карадаг.

НА ВЕЛОСИПЕДЕ ПО КОЛОМНЕ

Сияют очки, как на солнце колёса,
Звонок дребезжащий не смолкнет никак.
На велосипеде, как ветер, пронёсся
Весёлый, игривый, задорный Пильняк.

Весна и знамёна над бурной Россией,
Эпоху, как плёнку, не пустишь назад.
И рыжим костром его кудри лихие
Летят... Гимназисток робеют глаза.

А он только ловит смущённые взгляды,
За шутками слыша девчоночий смех,
Бугрит мостовая... Да, видно, так надо:
Такой у него — и России — разбег!

Напишет строкой необычной, как время,
И канет во времени — юный, живой.
Запомнят его вековые деревья
Да старый булыжник седой мостовой.

А где-то под залпами падают люди.
И горькая выпала доля ему.
О, сколько в России талантов убудет —
Сгорит и провалится в вечную тьму!

Над ними на кладбищах шепчут деревья,
Молитва под небо летит, высока...
А в древней Коломне клубятся поверья
И птицей проносится тень Пильняка!

АХМАТОВА В СТАРКАХ

Тишиною наполнился вечер
У церковных обветренных стен.
Благодатью заветной отмечен
Древний берег, что чужд перемен.

И как будто видением странным,
На закате вечерней порой
Снова бродит Ахматова Анна
Москворецкой высокой тропой.

Жар сменился дыханием росным,
И собрались над волнами вод
Вековые песковские сосны,
Словно рать — в Куликовский поход.

В этом летнем покое окрестном
Ты, пожалуй, поверишь едва,
Что в чуме бесконечных арестов
По ночам догорает Москва.

А во флигеле княжеском — снится:
Жаркий полдень у Пятницких врат,
И Маринкиной башни темница,
И рябой пильняковский Арбат...

И ложится в напевную память
В перехлест наших дней и веков
Ароматное пряное пламя —
Обагрённый шиповник Старков!

ВАЛЕРИЮ КОРОЛЁВУ

I
Были радости, были беды
В перестроечной кутерьме.
Наши дружеские беседы
Часто видятся мне во сне.

Мы, Валера, летим с тобою —
Догонять журавлиный клин...
В небо вешнее, голубое
Ты ушёл без меня — один.

Ты — в обители вечной, новой, —
По земле там не тосковал? —
Помнишь крепкий чай «трёхслоновый» —
Как он души нам согревал!

Захожу я в своё жилище,
Не спеша зажигаю свет.

Будто сердце кого-то ищет,
Друга ждёт... А его уже нет.

А раскроешь твои страницы,
Точно дверь в окоём живой —
И надежда сверкнёт зарницей —
Словно слышу я голос твой.

Недокуренной сигаретой
Вешний вечер вдали погас...
Будто взглядом твоим согретый,
Жду улыбку знакомых глаз.

Эх, Валерий... Года лихие,
И неведомо, что нас ждёт...
Ты молись, молись за Россию —
Может быть, Господь и спасёт.

II
Я помню: май за окнами расцвёл.
Плыла заря, по-летнему алая.
А ты, мой друг, в небытие ушёл —
До первого не дожил юбилея.

Текла беседа. Души грела нам.
Казалось: мы летаем над Россией.
Но ты один поднялся к небесам,
Да и остался в их далёкой сини.

Стал вешний день на сумерки похож,
А ты ушёл в цветущем ярком мае.
Всё вижу: вот — в фуфаечке идёшь,
Тоску полей всем сердцем принимая.

Какая даль нам виделась во мгле,
Какие встанут впереди рассветы? —
Как без тебя родной твоей земле,
В твоих твореньях много раз воспетой?

АБАКУМОВСКИЙ ФЕВРАЛЬ

Умыта ветром солнечная даль,
А снег — как холст разостлан придорожный.
Сегодня — абакумовский февраль,
Нам словно улыбнулся сам художник.

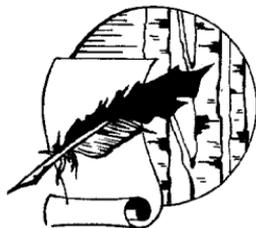
Шумят ветра у птиц над головой,
Тревожа дали трепетными снами.
И кажется, что Мастер — здесь, живой,
Коломною проходит вместе с нами.

Его рябины снова ждут весны,
Озябшие персты на солнце грея,
И будут жить, на холст нанесены,
Не увядая вечно, не старея.

Асфальт подсохший солнцем разогрет,
Ручьёв и птиц струятся отголоски.
Что ж, Абакумов был большой поэт
Провинциальной красоты неброской.

Мазки его — что ливень грозовой:
Когда прольётся благодать на землю,
Наш город глянет звонкой красотой
С его холста, церковным гимнам внемля.

Не торопитесь от его картин
В тот мир, где сердцу суетно и пусто.
Весь этот праздник создал он один,
Но нет его... И днём весенним грустно...

Борис РЯБУХИН

БЕРЕЗОВЫЙ СВЕТ

СТАРЫЙ ДОМ

Мне часто снится дом — столетний особняк,
С продавленным коньком,
Трубой, торчащей сбоку.
Слезится взгляд его подслеповатых окон,
Украшенный резьбой, поник глухой чердак.

О детстве говорит мне каждый уголок.
Родной привычный дух впитали стены эти.
Побелкой свежей печь сияет и при свете.
И крыльями стрижей обшарпан потолок.

Мне жалко и во сне покинуть старый дом,
Как будто потерять души своей частицу.
Квартиры всякий раз я обживал с трудом,
А дом — всегда один всё снится мне и снится.

* * *

На заре рассветной жизнь легка.
Сердце колокольчиком зальётся.
Мой журавль глядит на облака,
Но не улетает от колодца.

Я живой воды не замутил.
И она в ведре моем искрится.
Я руками небо обхватил.
Пью лазурь — и не могу напиться.

* * *

Сырой октябрь. Угрюмы небеса.
Всё дольше ночь, похожая на траур.
Печальны исхудавшие леса.
Торчат щетиной высохшие травы.
Глаза озер, мутнея, застывают.
Как человек, земля недомогает.
Всё сдержаннее голоса людей,
И нескончаем тихий плач дождей....
И лето близко, и зима у входа.
А дни осенние... Они летят, как годы.

* * *

В березовом лесу белым-бело.
Деревья словно в иней разодеты.
И днем и ночью здесь всегда светло
От яркого березового света.

Прижмусь спиной к березе потесней
И медленно раскачиваюсь с нею.
Кружится в небе кружево кудрей,
Спадая на березовую шею.

И вечное предчувствие весны
Передает мне березняк в наследство.
И снятся мне березовые сны
Примолкшего доверчивого детства.

* * *

В деревне одной подмосковной,
Куда приезжаю порой,
Спешу, словно к матери кровной,
К березе с шершавой корой.

Не встретит родня на пороге,
Не бросится радостно пес,
Но ждет, как всегда, у дороги
Единственная из берез.

* * *

Туман из оврага парным молоком
Вот-вот на дорогу прольется.

И дышится травным настоем легко,
Когда просыпается солнце.

И гулко от каждого шага земля
Гудит у меня под ногами.
И зеркало озера, зыбко звеня,
Качается под ивняками...

МОЛЧАЛИВЫЕ ЛЮДИ

Народ безмолвствует.
А.С. Пушкин

Млечная жизнь проступает с небес.
Больше и меньше не будет.
Время смакуя, безмолвствует лес,
Как молчаливые люди.

Благовест птица споеет естеству.
Ягода сень подрумянит.
Солнце соломой осыплет листву.
Дождь пробежит по поляне.

Лес передюжит потоп и поджог,
Грозы и зной и метели.
Свалки прогресса и шрамы дорог
Зеленью все перемелет.

Вылечит вырубки, и бурелом...
Душу свою сохраняя.
В небо восходит ветвящимся лбом,
В землю нисходит корнями.

Треск — и береза свалилась на мох,
Космы раскинув мочалом.
Лес обступил ее — кто бы помог?
Сникли деревья в молчанье.

Сколько их, ставших землею, лежит!
Знают деревья, как люди.
С неба сочится извечная жизнь,
Лучше и хуже не будет.

МАЛЬЧИК У ДОМА

Вьется пыль годов далеких
Вдоль по улице булыжной.
Мальчик возле дома крепость
Воздвигает из песка.
И чего бы он ни строил
Для себя или для ближних, —
Больно по лицу ударив,
Рассыпается пока.
На завалинке осевшей
Шепчет нищая старушка.
Учит жить на подаянье,
От стыда не пряча взор.
В щель сует клочки бумаги,
В каждом — табаку понюшка.
Той нужды понюхал мальчик —
И чихает до сих пор.
Он окурки собирает,
Курит, кашляя надсадно.
Ловит муравьев он смело
И жует, скрипя песком.
Жмых, в штанинах шароваров
Принесенный из детсада,
Он грызет и со старушкой
Робко делится куском.
Дом притих, зажмурил ставни
И сутулясь как-то сиро.
Бабку — нищую хозяйку
В марте занесло пургой.
Дом продали, переехав
На казенную квартиру.
Мальчика жильцы чужие
Не пускают в дом родной.
И с тоской в дыру калитки
Он заглядывает зорко.
Как шагреновая кожа,
Меньше делается двор.
И все глуше слышно эхо
Его песен на задворках.
Вот уже почти не слышно
За парчой столичных штор.

ДАЛЕК ТОТ БЕРЕГ

Л.В.

Далек тот берег, желтый, камышистый,
Где солнце грело нас до темноты.
Светился каждый лист лучистый
И ты.

Нас забавляли ласточек полеты,
В реке спасались мы от духоты,
К лицу склонялись тихо ветлы —
И ты.

Звенели комары, подобно струнам,
И хмелем пахли мятые цветы...
Я там навек остался юным.
И ты.

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Сегодня долгий-долгий день,
Тягучий, словно пряжа скуки.
Веретено в руках старухи
Жужжит под ухом, как слепень.
И ходит колесо фортуны,
Руно переводя на руны.
Стучит ступица колеса
Давнишней деревенской прялки.
И время думами набрякло.
Вся жизнь проходит, по часам,
Свергаясь в непроглядный омут,
В котором дни покорно тонут.

Сегодня длинный-длинный день.
Напоминает притоненье.
Из омута он тянет тени
Оставивших земную сень.
Они плетутся по старинке
С кладбища с нами на поминки.
И за оплывшею свечой
У стопки с водкою и хлебом
Соединяют землю с небом,
Пока их быль не истечет.

И все участники помина
Вино переведут на вины.

Сегодня бесконечный день.
Сучит один очес старуха.
В ее глазах пустынно-сухо.
Ее косынка — набекрень.
И дарит серебро под вечер —
На вечность переводит вещи.

В дне уместилась сотня лет,
Наполненных тенями пряхи.
И лампа отражает взмахи
И чувств минувших силуэт...
Все времена сошлись в помине,
От дня творенья и поныне.

* * *

Вдруг в ноябре повеяло полынью,
Сдавила дух предгрозная жара.
И в отчий дом вернулся я с повинной —
На Волгу из московского двора.

Там за столом пустым сошлись родные —
Живые и умершие давно.
Они судили — судьи мировые —
Меня за то, что я живу грешно:

Что я предназначтанье не осилил,
Что я своим страстям — не командир,
Что никого собой не осчастливил
И не устроил лучше этот мир.

Но раздались громовые раскаты —
И ливень заглушил их приговор...
Я ощутил полынный вкус утраты,
Когда покинул дождь московский двор.

ПРАВДА ОБ УКРАИНЦАХ И УКРАИНЕ

(Особое мнение)

Русские и украинцы — разные народы

За последние 30 с небольшим лет мне довелось написать десятки статей об Украине и российско-украинских отношениях, и я с первых же строк изумлялся невежеству большинства русских читателей — от мала до велика и «снизу» «доверху» — в том, что касается самой, казалось бы, близкой нам страны и вновь возникающей на наших глазах украинской этнически-политической нации. Оно и понятно: я опровергаю ту историческую науку, которая складывалась веками. Менялся государственный строй России, в исторической науке возникали разные школы, порой вступавшие в ожесточённую полемику друг с другом, но картина истории России и Украины в целом оставалась неизменной и неизменно ошибочной. Статьи мои большого отзвука у читателей не находили, тиражи их были весьма скромными, в большие СМИ и на телевидение меня не приглашали. В Интернете иногда появлялись сочувственные отклики, больше было ругани, обычно безосновательной, но никто ни моей но-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вой концепции истории, ни приводимых мною фактов не опроверг, и всё же я остаюсь практически в полнейшем идейном одиночестве. Но, сколько бы мы ни прятались, ни уходили от обсуждения острой проблемы наших дней, решать её придётся, основываясь на реальности, а не на наших измышлениях. Поэтому мне надо всё-таки представить суть всего ранее написанного в виде единого связного текста. Поэтому я предлагаю читателям этот текст в надежде, что он поможет найти правильный путь в решении российско-украинского конфликта.

С самого начала надо ответить на главный вопрос: почему на Украине всё пошло не так, как нам бы хотелось?

Вовсе не потому, что, как нам объясняют, Россия (в отличие от США) мало заботилась о создании там организаций и деятелей, нам дружественных, и не потому, что мы проглядели возрождение там неонацистов в лице бандеровцев... Нет, политика России в отношении Украины была изначально обречённой на провал, потому что россияне в массе своей, не исключая и разведку, и правящие «верхи», как это ни странно, до 2014 года не имели представления о реальной, а не выдуманной Украине. Почему так получилось — сейчас уже поздно разбирать, хотя одна из причин совершенно очевидная: слепота, доставшаяся нам от советского времени, когда о неприятных явлениях в братских союзных республиках в Москве было принято умалчивать ради незыблемости господствующей идеологии «дружбы народов» и даже единого советского народа как новой исторической общности людей.

Если выделить главную ошибку России, то она в том, что её политика в украинском вопросе не учитывала фактор первоочередной важности: русские и украинцы — разные народы, как это ни печально сознавать русским «патриотам» в России. Они жаждут союза трёх братских славянских государств — России, Белоруссии и Украины. Они отказывают Украине в праве считаться независимым государством, а украинцам — самостоятельной нацией, объявляя их лишь одной из ветвей (наряду с белорусами и великороссами) триединого русского народа, что для подавляющего большинства украинцев крайне оскорбительно и лишь добавляет горючего материала во всё более разгорающийся костёр вражды их к России. Идея эта о триедином русском народе появилась (как и почему — об этом будет сказано дальше), по меркам истории, совсем недавно, около 350 лет назад, и до того момента ни великороссам (жителям Московского государства), ни тем более, скажем, запорожским казакам такая

мысль не могла бы прийти в голову, настолько абсурдной показалась бы она и тем, и другим. Эта идея — глубочайшее заблуждение не только патриотической общественности, но и значительной части правящих кругов России, которое уже привело к многочисленным провалам российской политики и может натворить ещё много бед.

Не только для рядовых россиян, но, полагаю, и для высшего руководства РФ стали полной неожиданностью яркий всплеск антироссийских настроений на Украине, в том числе и среди значительной части русского населения этой страны, единодушие большинства народа, вставшего на защиту её независимости и территориальной целостности, ненависть, доходящая до фанатизма, украинских силовиков, готовых истреблять «сепаратистов» Донбасса, женщин, детей, стариков и защитников мирных жителей Донбасса — российских ополченцев, да и вообще русских, где только представится такая возможность.

Президент Украины Пётр Порошенко (Вальцман) гордится единственным реальным достижением своей страны — тем, что она «даёт России по зубам». Бывший президент Украины Леонид Кравчук призывает отстреливать русских «до последнего патрона». Украинские вояки грозят пойти на Россию войной, даже покорить её и устроить парад победы в Москве. И уж как минимум не только вернуть Украине Крым и Донбасс, но и присоединить Кубань и другие российские области. И если к таким угрозам можно отнестись как к проявлениям неадекватности, то уж угрозу совершать на нашей территории теракты и всякое иное вредительство (в том числе и с привлечением беженцев, нашедших убежище и защиту в РФ во время войны в Донбассе) надо принимать всерьёз.

Такие настроения у целого народа не возникают внезапно, вдруг, они копились веками и лишь в наше время появился повод для их открытого проявления. Точно так же они и не исчезнут мгновенно, даже под давлением убедительнейших доказательств, будут сохраняться в той или иной мере годами и десятилетиями и при самом благоприятном разрешении нынешнего российско-украинского конфликта. И нам с такой недружественной страной и с таким небратским отношением к нам её населения придётся сосуществовать долго. Сколько сюрпризов в этом смысле Украина уже преподнесла России, но она готовит всё новые и новые, один неприятнее и коварнее другого. И осознание этой реальности, никак не укладывающейся в рамки представлений о двух ветвях единого русского народа, приходит к россиянам с большим опозданием. Да и как приходит — на основе поверхностных

суждений, основанных на осмыслении лишь последних событий, без попыток проследить их исторические корни. Вот несколько коротких примеров такой неосновательности.

Так, признанный мэтр журналистики Олег Попцов опубликовал статью «Запоздавшее прозрение. России придётся за него заплатить» («Московский комсомолец», 28.06.2014), в которой призвал соотечественников понять: «Мы не должны заблуждаться. Антироссийские настроения на Украине превышают пророссийские» (надо было бы только добавить: «во много раз»). Он признаёт, что у многих жителей Крыма радость по поводу воссоединения с Родиной сменилась разочарованием, в частности, в связи с тем, что рост цен сильно обгоняет прирост зарплаты. Они говорят: «Нам обещали рай, а мы попали в ад». И потому, возможно, «спустя два, три года в Крыму вдруг возникнет движение «Назад в Украину».

Мэтр прав во всём, кроме оценки обстановки в Крыму. Да, элемент разочарования там есть, люди всегда хотят полного счастья или хотя бы всестороннего удовлетворения, но так обычно не бывает. И всё же назад в Украину крымчане никогда не пожелают: видя, что происходит ныне в Донбассе и что вполне могло бы повториться и у них, они лишь благодарят Господа за то, что вовремя причалили к российской гавани. Хотя и насаждение в Крыму российских олигархических порядков их далеко не радует.

Ещё более определённо стали высказываться лидеры русских националистических движений. Культуролог Александр Севастьянов в статье, названной «Бандеризованные» («Литературная газета», №24, 2014), констатирует: ныне на Украине создаётся политическая украинская нация, и формирование новой украинской идентичности произошло на основе галицийской. А она полностью выстроена не только на отрицании общерусского корня у русских и украинцев, но и на фронтальном и тотальном противопоставлении русских и украинцев... Умильные иллюзии по поводу русско-украинской дружбы на наших глазах исчезают. Надо глядеть правде в глаза: это бо́льшая часть нынешнего украинского народа. Всех возрастов и категорий. И народ этот глубоко ненавидит русских и Россию. Эта ненависть иррациональна и неизлечима. Поражённую гангреной конечность не лечат, её ампутируют, чтобы спасти весь организм. Но А. Севастьянов не говорит, кто займётся этой ампутацией и скольких несчастных придётся ей подвергать.

Либерального журналиста Александра Минкина поражает накал ненависти, *«которого не было со времён Великой Отечественной войны. Тогда — к немцам. Теперь — к украин-*

цам. Кто-то в России с ненавистью относится к западным украинцам, кто-то — к восточным. А на Украине ненависти ещё больше, жгут заживо. Кроме ненависти, которая довела их до Гражданской войны, кроме ненависти друг к другу, у них есть ещё ненависть к России, к москалям». («Московский комсомолец», 11.07.2014). Ну, и до братства ли тут?

Примечательно и то, что недавний юбилей Переяславской Рады прошёл у нас почти незамеченным, и серьёзные политики и политологи стараются о ней вовсе не вспоминать. Но, кажется, венцом прозрения российских публицистов стала колонка Олега Попцова «Настоящая ненависть как основа будущего» в «Литературной газете» (№ 30, 2014). Вот наиболее характерные её фрагменты:

«Нарастающая с бешеной силой враждебность Украины к России, когда ненависть к русским становится смысловым кодом украинской власти, делает политику добрососедства бессмысленной, как и речитативы высоковластных российских политиков о братском народе. Случилось так, что на той стороне границы протяжённостью в две тысячи километров находится территория не другого государства, а государства вражеского, ненавидящего Россию. А значит, и доктрина отношения с этим государством должна быть иной... украинская армия нацелена на полное уничтожение повстанцев. Операции, проводимые украинской армией, идут под девизом «подавить, уничтожить, выжечь дотла». Один в один девиз вермахта. Вот какого соседа мы обрели.

Порошенко... почти одновременно превратил Украину в колонию Америки... Опекаемый НАТО и президентом Обамой, он побуждает Украину к войне. С кем? С Россией. За Крым. Боюсь, это неотвратимая реальность.

Фашизация режима стала очевидным фактом современной Украины... Порошенко спешит, он должен высвободить армейские силы для наступления на Крым...

Одно очевидно — дружественных и взаимовыгодных отношений с Украиной нам придётся ждать очень долго. Да и вряд ли они возродятся когда-либо.

А разговоры с нынешними украинцами о породнённых народах и братстве в нынешних обстоятельствах просто нелепы. Предателей никогда не убедить».

Ну, насчёт предателей тут можно поспорить. Нынешние украинцы (большинство) кажутся предателями лишь тем, кто до вчерашнего дня считал их нашими братьями. А те, кто знает историю России и Украины, прекрасно понимали, что украинцы нашими братьями никогда не были. Нынешняя их позиция — это не предательство, а успех национально-

освободительной революции, осуществление (пусть и в убогом и фантастическом виде) вековечной мечты о независимой Украине и в первую очередь об отделении от России, которая не признавала существование самобытной украинской нации, упрямо называя украинцев лишь одной из ветвей триединого русского народа.

Выскажу своё мнение о приведённых примерах прозрения некоторых российских деятелей. Общее впечатление такое, будто они заснули в СССР, проспали 25 лет после его краха, и вдруг проснулись, поражённые ненавистью к России, охватившей большинство украинцев. Почему эти деятели спали (хотя и активно участвовали при этом в политике, а некоторые занимали высокие должности в российской власти) и проспали зарождение столь неприятно поразившего их явления — фанатической ненависти украинцев к России?

Дело в том, что ненависть Киева к великороссам возникла не в 1991 году, и даже не тогда, когда Австро-Венгрия, которой несколько веков принадлежали земли Западной Украины (старинный русский, то есть входивший в состав Киевской Руси, город Львов до 1939 года назывался Лемберг), стала насаждать у галичан чуждую русским религию и воспитывать их в антироссийском духе.

Эта ненависть Киева к только ещё зарождавшейся великорусской нации проявилась сразу же, на рубеже XI—XII веков, как только это новое образование обозначилось. Так что этому чувству по меньшей мере 800 лет, и оно приводило к кровопролитным и разрушительным войнам, пока, наконец, суздальцы (великороссы того времени) не взяли Киев штурмом, фактически положив конец Киевской Руси, и она после этого влачила жалкое существование, которое прекратило ордынское нашествие. После этого Киевская Русь более не воскресала, а её земли отошли к другим государствам. О том, как это происходило и какова была судьба украинской нации, будет рассказано ниже.

Но как же получилось, что по вопросу об Украине, её прошлом, настоящем и будущем, я в корне расхожусь с представлениями, господствующими и в общественном мнении, и в правящих кругах России? Со всеми, кто твердит о якобы братской нам Украине. Разумеется, я тоже хотел бы, чтобы она была братской нам страной. Но это невозможно по многим причинам, о которых речь пойдёт ниже. Думается, российские официальные лица, даже если бы и были одного со мной мнения, всё же по дипломатическим и иным государственным соображениям его бы публично не высказывали, а говорили бы о дружбе и братстве. Я же не связан ни с какими

властными структурами, и потому могу говорить открыто то, что думаю. Ведь нужно же хотя бы одному человеку громко и по-детски сказать: «А король-то голый!», если так и обстоит дело в действительности. Что я и делаю, в одиночку, уже более тридцати лет, сознавая, что это не придаёт мне популярности в русских патриотических кругах, особенно сегодня, когда к Украине приковано всеобщее внимание и в России, и за её пределами. И хотя приведённые выше примеры того, что некоторое просветление умов под давлением обстоятельств начинается, всё же говорит о том, на каком низком уровне это прозрение происходит!

У высших руководителей государства может быть взгляд на проблемы, отличный от представлений населения. Даже если допустить, что президент РФ был бы согласен со мной на 100 процентов, он вынужден был говорить о братском нам украинском народе. РФ ныне ведёт глобальную и опасную геополитическую игру, в задачи которой мы не посвящены. Возможно, этим объясняется, что Владимир Путин в конце сентября 2015 года, когда «протрезвевшие» публицисты уже высказались о необходимости пересмотреть наши устаревшие представления об Украине, говорил в интервью американскому журналисту: *«Украина — самая близкая к России страна. Мы всё время говорили, что Украина — братская страна, так и есть. Это не просто славянский народ, это самый близкий к русским народ: язык очень похож, культура, общая история, общая религия и так далее».*

Суждение не совсем точное: в действительности и Россия, и Украина — многонациональные и многоконфессиональные страны. На Украине существуют две православные церкви, враждующие друг с другом, а есть ещё униатство, не приемлющее ни ту, ни другую, есть и иудаизм, и протестантизм в сотнях его разновидностей, и ислам, и разные секты, и атеизм. Это мы лишь по старой привычке говорим, что мы — две православные страны. Но и близость языков — не повод для единства. Ведь у сербов и хорватов не просто близкие языки, а единый сербскохорватский язык, однако это не помешало им схлестнуться в кровавой схватке. Правда, у них разные религии. Но сколько мы знаем примеров жестоких войн и между народами, исповедующими одну религию!

Даже наш президент, будь он хоть воплощением гениальности, думаю, вряд ли ожидал, что Украина, все годы своей «нэзалэжности» так и не нашедшая смысла своего исторического существования, обрела его в том, чтобы противостоять России и вредить ей всегда, везде, во всём, по любому поводу, в полном объёме и «до дней последних донца!». А на-

счёт того, к каким чудовищным последствиям может привести представление о вражеском народе как о братском, свидетельствует один сам собой напрашивающийся поучительный пример из истории.

Рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер был примерно столь же уверен, что немцы и англичане — по сути, «две ветви одного великого германского племени» и что великое дело господства нордической расы невозможно при сохранении разделения двух великих народов-колонизаторов. Находясь в плену этой умозрительной теории, он долго и настойчиво делал миролюбивые жесты в адрес «братьев англичан». Самый известный пример — Гитлер позволяет вдрызг разгромленной во Франции британской армии эвакуировать личный состав на острова. Да и воздушная война за Британию первоначально велась с целью не разгромить, а принудить упрямых англосаксов к принятию его предложений.

В истории оборона Британских островов осталась как пример стойкости их народов, оставшихся на некоторое время один на один со всей Европой в их почти безнадежной борьбе. Отдавая дань их мужеству, однако, предположим, что дело было не так однозначно. По крайней мере, дело Гесса, совершившего загадочный, поразивший всех перелёт в Великобританию, недаром хранится до сих пор за семью печатями. Есть подозрение, что англичане негласно как бы приняли предложения Гитлера — но только для того, чтобы при первой возможности его, что называется, кинуть. Недаром до конца своих дней, даже когда Красная Армия подходила к Берлину, фюрер продолжал считать главными врагами рейха именно англичан. И так называемое «окончательное решение еврейского вопроса», проводившееся с 1942 года, можно считать формой косвенной мести английской элите, находившейся под влиянием еврейских банкиров.

Но как бы там ни было, мы видим, к каким катастрофическим последствиям может привести фанатичное следование вроде бы логичным, но умозрительным концепциям. А ведь в среде современных российских геополитиков достаточно распространено мнение (во многом идущее от Бжезинского, тоже разделяющего устаревшие взгляды или намеренно пытавшегося внушить их лидерам России), будто Россия без Украины не сможет стать по-настоящему великой державой! И вот «патриоты» стараются: любой ценой, кнутом или пряником, но вернуть Украину в лоно России. К чему может привести такой не рассуждающий фанатизм — страшно и представить. А присоединить страну с враждебным нам населением — это не усиление собствен-

ного государства, а добровольный ввод в свой город троянского коня со всеми вытекающими из этого печальными последствиями.

Мы давно уже наблюдаем, как, несмотря на обоюдное желание русских и белорусов, не удаётся осуществить союз двух наших государств. Да, мы братские, но разные народы, братские, но самостоятельные страны. И среди белорусов мало найдётся тех, которые захотели бы стать жителями ещё одной российской области. И всякий нажим со стороны России (реальный или кажущийся белорусам) вызывает там растущие проявления национализма. Уже празднуют в этой братской нам стране годовщины битв, в которых белорусы в составе литовского войска громили русские полки, и подчёркивают, какую значимую роль белорусы играли в Великом княжестве Литовском, где белорусский язык был государственным языком и пр. Ну, а объединение с Украиной принципиально невозможно, потому что большинство украинцев (а отнюдь не только «западнцев») сознательно или бессознательно относится к России с неприязнью, и на это есть глубокие исторически обусловленные причины.

Чтобы убедиться в правоте того, что я говорю, не надо добиваться допуска к секретным архивам, даже не требуется штудировать древние исторические источники, проводить самостоятельные исследования. Всё уже исследовано, опубликовано, по большей части есть в Интернете. Бери и осмысливай, делай выводы, которые, если их умышленно не фальсифицировать, оказываются однозначными. Но не зря говорится, что человек — единственное существо, способное видеть то, чего нет, и не замечать того, что не просто есть, но и настойчиво требует: взгляни, вот какое я явление. Но люди упрямо проходят мимо того, что есть, и живут химерами, порождёнными их сознанием. Почти у каждого человека на носу какие-то незримые очки, через которые он по-своему видит мир. При этом на картину, которая рисуется сквозь эти очки, оказывают влияние догмы, укоренившиеся в течение веков и переданные нам предками. Освободиться от этого наваждения даже одному человеку непросто, а уж целым поколениям и народам — очень сложно. Однако — необходимо, если мы хотим жить в ладах с реальностью, потому что жизнь в мире иллюзий непременно кончится крахом

Итак, запомним: русские и украинцы — два совершенно разных народа, ибо они сформировались в разное время, в разных регионах страны, с разными природно-климатическими условиями и при разных исторических обстоятельствах.

Чтобы понять, как это могло случиться, надо начать анализ с тех времён, когда не было ещё ни русских, ни украинцев. Посмотрим, в каких условиях формировались русский и украинский народы.

Условия формирования российской и украинской наций

В «Молодой гвардии» уже была напечатана статья о том, что в 862 году **началась оккупация Древней Руси германцами — варягами**. Варяг Рюрик (правильнее — Рёрих) был приглашён на княжение в Новгород, и тем самым были созданы условия для германской колонизации Древней Руси. (Те, кто бредит сказаниями о Рюрике — славянском князе, пусть перечитают «Повесть временных лет», поскольку более древних достоверных отечественных письменных источников, увы, не существует.)

Большинство российских историков считает Рюрика и его племя русов скандинавами. А викингами (варягами) были не только скандинавы, но и фризы. В IX веке существовало маркграфство Фрисляндия, занимавшее узкую полосу земли на берегу Северного моря и Фризские острова. Независимая Фрисляндия просуществовала до XVI века, а фризы как малочисленный народ со своим языком живут до сих пор. По одной из средневековых европейских хроник, в 862 году племя русов во главе с вождём Хродриком Хафларнсоном, сыном фрисляндского маркграфа, овладело Новгородом. Хродрик (в древнерусских летописях Рюрик) стал его правителем. Имена десятков других германских завоевателей — Ингвар (сын Хрорика, Игорь), Хелги (Олег), их вельмож и дружинников — тоже германские, скорее всего — фризские.

России тогда не существовало, и само название «Русь», согласно «Повести временных лет», принесли завоеватели — фризы из племени русов. (Точно так же Франция носит название не Галлии, по имени коренного населения — галлов, а по названию завоевателей — франков. То же можно сказать и о названии Болгария и пр.) Был городишко Киев, где княжили варяги не княжеского происхождения Аскольд и Дир, плативший дань хазарам. Олег обманом захватил Киев (убив Аскольда и Дира) и сделал его своей столицей. Затем он и его преемники огнём и мечом стали разные славянские племена приводить в подчинение Киеву. Приведу лишь несколько строк из «Повести временных лет...»: *«Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по чёрной кунице... Отправился Олег на северян, и победил их...»* Воевал Олег с уличами и тиверцами и т.д.

Варяги, или норманны, как и все германские племена, **занимались преимущественно войной и грабежом**. Они установили на Руси привычные для германских племён порядки, как и в Западной Европе, ввели понятие благородного человека — господина, имеющего рабов. И если он по происхождению не имеет со своими подданными ничего общего, то и воспринимается ими как представитель принципиально иной, высшей расы, лишь в какой-то степени внешне схожей с породой зависимых людей. Вот и на Киево-Новгородских землях утвердилась княжеская династия германского происхождения, отношения которой с туземцами отличало чувство природного превосходства благородного рода над местным беспородным населением.

Русь приняла христианство именно в византийском варианте, поскольку осью её оставался водный путь «из варяг в греки». Но от этого Рюриковичи не стали благочестивыми христианами, хотя храмы они строили и украшали, были щедры на пожертвования Церкви. Вероломство, обман, нарушение клятвы, скреплённой целованием креста, убийства и ослепление своих родичей-противников были обычным делом. И вся история Киевской Руси — это цепь бесконечных войн — не только с внешними врагами, а между князьями, которых уже стало много сотен. И воевали они не столько ради приобретения земель и т.п. (повод-то всегда найдётся), сколько из принципа: первый долг благородного рыцаря (как во всём германском мире) — война. При этом разорить княжество соседа-противника, разграбить его города, сжечь деревни, перебить или увести население (чтобы или поселить на своих землях, или продать на невольничьем рынке) тоже никого не удивляло, как и приглашение в союзники кочевников — половцев и др., которые заодно разоряли и грабили соседние земли. Прав был академик Рыбаков, писавший, что **самым большим бедствием и проклятием Киевской Руси были её князья**.

Появление русского народа

Русский народ образовался на рубеже XI — XII веков на северо-восточной окраине Киевской Руси, в Ростово-Суздальской земле. Туда в то время устремился мощный поток славян из терявших своё значение Киева и других южных княжеств. Бежали они от жестокой эксплуатации, набегов половцев и княжеских усобиц. На новом месте преобладали бедные подзолистые почвы, и переселенцам приходилось заниматься подсечным земледелием, что воспитывало харак-

тер первопроходцев и «земледельцев-кочевников», почему они впоследствии довольно быстро нашли общий язык с восточными кочевниками.

Так складывалась великорусская народность. Но резко отделил Владимиро-Суздальскую землю от прежней Киевской Руси государственный переворот, который устроил князь Андрей Боголюбский. Он начал строить на северо-восточной «украине» Руси «государство нового типа» (прообраз будущей России). Вместо анархии сотен равноправных князей он установил единодержавие. Здесь и пролегла принципиальная граница между созданным им Великорусским государством с правлением великого князя (впоследствии царя) без веча и дружины, что характерно для русского менталитета, и Киевской Русью, остававшейся очагом анархии и княжеских междоусобиц.

Я здесь не скажу ничего особенно нового. Русские историки давно уже отметили выдающиеся качества и деяния Андрея Боголюбского и показали, что именно с его правления начинается новая эпоха в истории, а именно — появление зачатка Российского государства. Это впоследствии, с приходом в историческую околонуку толпы карьеристов, болтунов и дилетантов, грань в истории страны (до Андрея Боголюбского и после него) была заболтана и, по сути, стёрта.

В наши дни наиболее обстоятельно княжение Андрея исследовал Дмитрий Зенин. Но те моменты жизни и деятельности Андрея, которые интересны мне, более подробно изложены в исследовании Андрея Синельникова. Он не без основания заметил, что «о великом князе Андрее современники наши ничего не знают или почти ничего не знают. И это несмотря на то, что именно этот князь за годы своей деятельности изменил существующий жизненный уклад Руси того времени и направил его в новое русло государственного строительства». Но ещё историк С. М. Соловьев именно Андрея Боголюбского считал основоположником обустроенной русской государственности, именно с ним он связывал зарождение, становление и развитие великорусской нации. Н. П. Павлов-Сильванский начинает от Андрея Боголюбского отсчёт времени, завершившийся в XVI веке созданием могучего централизованного русского государства. В Германии этого князя называли Andrej von Rostov, der Grosse Koenig Rossia («Андрей Ростовский, великий король России»), что не удивительно. Его княжество было не только самым могущественным на Руси, но и одним из сильнейших государств Европы, и он находился в тесных сношениях с наиболее влиятельными светскими и духовными властителями Европы своего времени.

По А. Синельникову, *«соборное решение упразднило уделы в Ростово-Суздальской Земле и объявило всех владельцев — под рукою Андрея. Иными словами, для всех социальных звеньев населения, включая Рюриковичей, в объединённом княжестве вассально-служебные отношения устанавливались как обязательные. Самое замечательное, что всеобщий вассалитет был установлен не единоличным решением святого князя, а приговором всей земли. Началась централизация государства».*

Бесповоротным этот процесс стал в 1162 году, когда Андрей лишил уделов и послал в Константинополь своих братьев, сына Мстислава и отцовских бояр (видимо, учиться уморазуму; вернулись они через семь лет). **Здесь и пролегла принципиальная граница между Киевской Русью, остававшейся очагом анархии и княжеских междоусобиц, и созданным Андреем Боголюбским Великорусским государством, основанном на единой державии. И произошло это ровно через триста лет после призвания варягов.**

В 1169 году, откликаясь на просьбу ряда князей и 50 городов защитить их от произвола киевского и других хищников, Андрей послал на Киев войско во главе со своим сыном Мстиславом. Мстислав штурмом взял Киев, который был отдан войску на разграбление. Все священные реликвии (чудотворные иконы, мощи святых, ризы, книги, колокола и пр.) были вывезены во Владимирскую землю.

С тех пор Киев навсегда утратил право называться столицей Руси. Его князья, лишённые прежнего материального могущества и покровительства чудотворных икон и мощей, утратили самостоятельность. Андрей, сохранив за собой титул великого князя, не переехал в Киев. А вскоре он объединил под своей властью почти все княжества Киевской Руси, но столицей этой империи оставил Владимир. Увы, 28 июня 1174 года Андрей был убит заговорщиками. После короткого периода смуты на великокняжеский престол вступил его младший (сводный) брат Всеволод Георгиевич Большое Гнездо.

Жители Суздальской земли уже не называли свой край «Русью». Для них, как и «для суздальского летописца, «Русь» — Юг, Приднепровье, Киев» (Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С.163). Получился парадокс, каких немало в истории, — северо-восточная Украина Русской земли стала восприниматься как Русь (Россия), а Старая Русь осталась хранительницей своей древней славы, живя ожиданием чудесного воскрешения и опускаясь постепенно до положения Украины — окраины неизвестно чего, но всё же окраины. Так что по-настоящему Украина должна бы называться Русью, а её население — русскими

или русинами, тогда как теперешняя Россия — Московией, а население — москвитами (как римляне — от Рима) или даже москалями (как «ласково» именуют нас украинцы). Сейчас это признают и протрезвевшие украинские историки. Например, профессор С. Кульчицкий, по учебникам которого учится истории вся Украина. Он сетует, что это Россия отобрала у украинцев и исконное название их страны, и право именоваться русскими или русинами, и всю их национальную память.

Окончательную точку в противостоянии Киева и Владимира поставило ордынское нашествие, после чего пути Руси Киевской и Руси Владимирской надолго разошлись.

Владимирская Русь стала частью улуса Джучи империи чингизидов. Владимирские князья ездили в Каракорум. Они не просто повидали многие страны, но и знакомились с достижениями великой восточной империи. У властителей Суздальской земли складывалось имперское понимание.

Украинская нация — духовная наследница запорожского казачества

А князья Киевской Руси оставались носителями местечкового мировоззрения, пока их не смела Орда. Киевская Русь пала и более не возобновлялась. Сам Киев был разрушен до основания. Земли Киевской Руси к западу от Днепра попали под власть Великого княжества Литовского, которое образовало унию с Польшей. А «самостоятельные» области бывшей Киевской Руси подвергались систематическим набегам со стороны образовавшегося в XV веке Крымского ханства, и после каждого налёта длинные вереницы пленных тянулись на юг, чтобы пополнить невольничьи рынки в разных концах Европы и Азии. На рубеже XV—XVI веков возникла Запорожская Сечь — центр украинского казачества. Она стала фундаментом, на котором формировалась украинская нация.

Не упускали казаки возможности пограбить не только басурман, но и Россию. Особенно буйствовали они у нас во время Смуты начала XVII века. Историк Александр Широкорад даже утверждает, что именно казаки повернули историю России в чуждом для неё направлении. Царём России после окончания Смуты должен был бы стать князь Дмитрий Пожарский. Однако казаки потребовали от Земского собора, чтобы на трон был избран угодный им 16-летний боярин Михаил Романов.

Казак по самоощущению был сверхчеловеком, не будучи таким на деле. Русскому такое самоощущение было чуждо,

хотя, если судить по делам, русские — это действительно сверхлюди. Но они, совершившие подвиги, которые, казалось бы, не в человеческих силах, скромно говорили о себе: «Мы лишь выполнили то, чего ждала от нас Родина!»

Кзаки Бульба...

Главным певцом казачества в русской литературе был Николай Гоголь. Его повесть «Тарас Бульба» была принята с восторгом едва ли не всеми как произведение героическое и патриотическое. В ней Гоголь **выразил свой идеал человека: запорожских казаков**. Горячий приём повести именно русскими основан на недоразумении. Да, сердцевиной будущей украинской нации стало казачество, но сердцевиной духовной, а не этнической. Ведь казачество — это сборище лиц разных этносов от малороссов до турок. Часто это были разорившиеся беглецы, преступники, авантюристы. Значительная часть сечевиков в этническом отношении не имела ничего общего с малороссами, тогда преимущественно крестьянами. Сечь, находясь между Россией, Польшей, Крымским ханством и Турцией, воевала то с одним, то с другим своим соседом, причём часть объединялась со вчерашним врагом для войны против вчерашнего союзника, и жила тем, что добывала во время набегов на соседней.

Сам Гоголь писал: *«Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны... всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размаха душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество...»*

Но пиршествовать можно было только до тех пор, пока были деньги. Значит, за пиршеством должен был наступать военный поход за добычей. И те, кто возвращались из похода живыми, могли снова пировать. А на место тех, кто погиб, приходили новые любители такой разгульной жизни, не обременённой производительным трудом и житейскими заботами. Казачество было особым образом жизни, совершенно не схожим с оседлым хлеборобским бытием малороссов. Вот таким был «жизненный цикл» казачества: пир, грабёж, снова пир и т.д. Казак как идеал русским совсем не подходил. Гоголь, живописуя это сообщество анархистов, сам замечает, что оно умело «только гулять да палить из ружей». Для казаков «всё равно, где бы

ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы». Гоголь воспел «то поэтическое время, когда всё добывалось саблею».

За какую Русь и за какую веру боролись и умирали казаки

Казаки защищали православную веру и готовы были умереть за неё, но их «символ веры» был прост: «Веровать во Христа и в Святую Троицу», ходить в церковь» (когда не в походе и не в гульбе). Но Сечь и слышать не хотела о посте и воздержании.

«Бульбу» «проходят» в школе, поэтому повесть издаётся в усечённом виде, и редко кто перечитывал её полный текст, будучи уже взрослым. Щадят издатели (и кинематографисты) чувства читателей (и зрителей), опускают сцены чудовищной жестокости, проявляемой казаками. Порой казаки устраивали погромы, швыряя еврейских торговцев в волны Днепра. А как расправлялись они с поляками (так сказать, на взаимной основе)! Сжигали деревни, угоняли или убивали скот, отрезали груди у женщин, кидали в пламя матерей вместе с младенцами.

Читателей подкупало то, что казаки погибали в боях со словами: «*Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!*». Вот и Тарас, сжигаемый врагами на костре, кричит: «... *подыметя из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!*...»

Только не знали читатели, что в XV—XVI веках Русью в тех местах называли Киев и его окрестности. Жителей же Московского государства западноевропейцы называли москочитами, а казаки — москалями. И, конечно же, говоря о русских, о русской земле и её царе, Бульба вовсе не имел в виду москвичей или вологжан. Многие авторы рисуют непривлекательный духовный облик казаков. Клятвопреступление, двоедушие, изворотливость, ложь, бегство с поля боя, дезертирство, стяжательство, жадность, поиски виновных среди безвинных, доносы и оговоры не были редкостью. И тут нечему удивляться: рядом жили, ели из одного котла часто люди, ещё вчера не знавшие друг друга, и было неизвестно, останется ли пришелец в Сечи или завтра уедет искать другое место для житья и поиска наживы.

И казаки Сагайдачного

Перейдём от казаков Гоголя к казакам более поздних времён.

Уже после избрания на царство Михаила Фёдоровича Романова казаки продолжали буйствовать на Русской земле.

Особенно запомнился москвитам поход на Москву казаков во главе с гетманом Петром Сагайдачным Конашевичем в союзе с поляками в 1618 году.

Сагайдачный, собрав 20-тысячное войско, двинулся на Москву. Первой на его пути оказалась второстепенная крепость Ливны с гарнизоном менее тысячи человек. «Ливенское разорение» нашло своё отражение в летописи: взял Ливны приступом, много христианской крови пролил, много православных христиан с жёнами и детьми посёк неповинно, храмы Божии осквернил и разорил (вот такими были православными казаки), дома христиан пограбил, многих жён и детей в плен взял.

Захватив по пути несколько других городов и отметившись многими аналогичными «подвигами», Сагайдачный подступил к Москве. Польский королевич Владислав подошёл к Тушино, а Сагайдачный — к Донскому монастырю в пригороде Москвы. Москву атаковали с двух сторон. Во главе московских войск стоял князь Д.М. Пожарский. В наступившем беспорядочном уличном сражении обе армии понесли тяжёлые потери, однако нападавшие не смогли взять внутренние городские стены. Казаки пожгли окрестности Москвы, а Владислав двинул армию к Троицкому монастырю, но тот тоже устоял. Война России с Польшей закончилась Деулинским миром.

Казаки за разорение земель Русского царства получили от польского короля плату — 20 тысяч золотых и 7 тысяч штук сукна. Часть их, не удовлетворившись полученной платой, ушли грабить на север в Архангельский край, где они были разгромлены в 1619 году. Другая объявила о переходе на московскую службу. Часть запорожцев ушла в Европу и нанялись к австрийскому императору Фердинанду для участия в боях Тридцатилетней войны на Рейне и в Венгрии. Некоторые отряды при посредничестве крымского хана Шагин-Гирея нанялись на службу к персидскому шаху Аббасу, воевавшему тогда с Турцией. Вот кто такие запорожские казаки. Чувствовали они своё единство с русскими и принадлежность к единому русскому народу?

Ну а сам Сагайдачный? В 1620 году он, как ни в чём не бывало, не чувствуя никакой вины перед русскими за разорение их земли, выразил готовность запорожских казаков служить царю, как они прежде служили его предшественникам (в походах против крымских татар в 1550-е годы). И царь пожаловал казакам 300 рублей. Пока Россия находилась в мире с крымскими татарами, службы от казаков не требовалось.

Состоялось ли в 1654 году воссоединение Украины с Россией?

Несмотря на отдельные победы казаков, гнёт польских панов и опустошительные набеги крымских татар становились невыносимыми, и казачьи вожди не раз обращались к России с просьбой о присоединении к ней. Наконец, Россия вступает в 14-летнюю войну с Польшей — в ущерб своим интересам. Сознавая невозможность сохранить независимость Украины в тех исторических условиях, гетман Богдан Хмельницкий выбрал как наименьшее из зол **союз** с Россией. Переяславская рада приняла решение о переводе Украины (это была тогда сравнительно узкая полоска земли на левом берегу Днепра) под протекторат России, что в самой России было воспринято как присоединение Украины к ней. Но Хмельницкий вовсе не стремился к воссоединению Украины с Россией, а лишь надеялся на силу России в войне с Польшей. (Мечта о независимости Украины зародилась едва ли не одновременно с появлением украинского народа, и Хмельницкий был верен ей до конца своих дней.) Его расчёт оправдался. Польша бросила все силы против России, и это позволило казакам очистить от панов всю тогдашнюю Украину (земли вокруг Киева).

То было вполне в духе поведения Зиновия Богдана Михайловича Хмельницкого. Он служил польскому королю, участвовал в осаде поляками Смоленска в 1634 году. А непосредственным поводом для его восстания против поляков стала допущенная в отношении него несправедливость. Хмельницкий имел небольшой хутор Суботов. Воспользовавшись его отсутствием, польский подстароста напал на хутор и разграбил его. Хмельницкий начал было искать правды в суде, но там не только не добился справедливости, но и был обвинён в заговоре и заключён в тюрьму, откуда смог чудом освободиться.

Собрав вокруг себя группу казаков, Хмельницкий прибыл в Запорожье. Обратившись к запорожцам, он призвал их идти на Сечь, где тогда находился польский гарнизон Отряд Хмельницкого разбил поляков. Реестровые казаки гарнизона присоединились к отряду Хмельницкого. Казачество избрало его гетманом Войска Запорожского. Дождавшись 3—4-тысячного отряда крымских татар, 8-тысячное казацкое войско вышло из Сечи и в двух сражениях уничтожило всю армию Польши мирного времени — более 20 тысяч человек.

Набрав новую армию в 35—40 тысяч человек, поляки перешли в наступление, но казакам удалось уничтожить и её, захватив 90 пушек и огромные запасы пороха.

Большая часть добычи и пленных, однако, досталась татарам. После ряда других успешных сражений Хмельницкий повернул свои войска домой. Что касается восставших крестьянских отрядов на освобождённых казачьих территориях, то Хмельницкий потребовал от них прекратить всякую борьбу и вернуться к мирной жизни. Казаки, составлявшие наиболее боеспособную часть войска, по пути домой откровенно грабили мирное население.

В 1649 году Хмельницкий триумфально въехал через Золотые Ворота в Киев. Он быстро превращался из сторонника «казачьей автономии» в освободителя от польской неволи всего украинского народа. Победы Хмельницкого вызвали всеобщее восстание украинского населения Речи Посполитой против поляков. Крестьяне и горожане бросали свои жилища, организовывали отряды и устраивали дикие погромы полякам и евреям.

Но когда послы от поляков принесли Хмельницкому королевскую грамоту на гетманство Войска Его Королевской Милости Запорожского, Хмельницкий принял гетманское «достоинство» и благодарил короля. Но казаки громко выражали свою ненависть к Польше. Война не прекращалась.

Богдан писал королю польскому покаянное письмо. Такие же, с заверениями в верности, покорности и вассалитете писались письма и крымскому хану, и турецкому султану. Но Хмельницкий не желал пойти к кому-либо на службу, а вёл дипломатическую игру.

Польские войска стали стягиваться на Волынь. Хмельницкий разослал по Украине универсалы, призывая всех на защиту родины. И люди откликнулись. Образовано было 30 полков — около 120—150 тысяч человек. Хмельницкий с татарами подступил к Збаражу, где осадил польское войско — 15 тысяч. Несколько штурмов крепости результатов не дали. (Хмельницкий берёт казачьих и посылал на штурм в основном ополчение.) На помощь осаждённым выступил сам король Ян Казимир во главе 20-тысячного отряда. Произошла битва. Казаки врываются уже в лагерь. Плен короля, казалось, был неизбежен, но Хмельницкий остановил битву, и король был спасен. Хмельницкий не хотел, чтобы его союзникам-басурманам достался в плен христианский король.

Тогда поляки начали переговоры с татарами, и склонили их на свою сторону. Предательство татар поставило Хмельницкого в тяжёлое положение, и он согласился с условиями Зборовского мирного договора. А тут ещё выяснилось, что количество войска Хмельницкого превышало установленные договором 40 тысяч. Остальные повстан-

цы должны были снова сделаться крестьянами. Хмельницкий требовал от крестьян повиновения панам, угрожая ослушникам казною, по жалобам помещиков вешал и сажал на кол виновных. Паны с толпами вооружённых слуг разыскивали и бесчеловечно наказывали зачинщиков мятежа. Ожесточение нарастало. Шляхта решила продолжать войну с казаками до тех пор, пока «вся земля не покраснеет от казацкой крови».

Хмельницкий потерпел поражение в Берестецком сражении. Украинские войска отступили далеко на восток, остались только небольшие гарнизоны и отряды населения, которое скорей было готово умереть, но не сдаться. Началась жестокая партизанская война с поляками: жители жгли собственные дома, истребляли припасы, портили дороги, чтобы сделать невозможным дальнейшее движение поляков в глубь Украины. Поражение в Берестецкой битве было последней каплей, которая переполнила чашу взаимной ненависти и сделала невозможным совместное проживание Польши и Казацкой Руси под одной государственной крышей. После Берестечка война из гражданской превратилась в польско-украинскую. Народ упрекал Хмельницкого в том, что он заботится только о своих выгодах и о выгодах старшины, о народе же совсем и не думает.

Результатами восстания и карательного похода поляков на восток стали огромные потери украинского населения. Многие были пленены и проданы в рабство крымцами. В это время их орда выступила на стороне поляков и опустошила сотни сёл и местечек, спалила не меньше тысячи церквей, убила 10 тысяч детей. Осенью 1655 года шведская армия, двигаясь на Львов, выжгла вдоль дороги в полосе 30—60 километров все сёла и местечки.

На ранее цветущей Украине наступил голод. Подошли эпидемии. В 1650 году от Днестра до Днепра «люди падают, лежат как дрова». С обеих сторон раскручивалась спираль ненависти.

Хмельницкий убедился, что Гетманщина не может бороться одними своими силами. Он завёл дипломатические отношения со Швецией, Османской империей и Московским царством. Весной 1653 года польский отряд стал опустошать Подолье. Хмельницкий снова обратился в Москву и просил царя о принятии его в подданство. 8 января 1654 года в Переяславле была собрана рада, на которой после речи Хмельницкого, указывавшего на необходимость для Украины выбрать кого-нибудь из четырёх государей: султана турецкого, хана крымского, короля польского или царя

московского и отдаться в его подданство, народ единодушно закричал: «Волим под царя московского, православно-го». Но мы уже знаем казаков: им изменить своё решение ничего не стоит.

Вслед за присоединением Гетманщины началась война России с Польшей. Весной 1654 года царь двинулся в Литву; с севера открыл против Польши военные действия шведский король Карл X. Казалось, Польша находится на краю гибели. Король Ян Казимир возобновил отношения с Хмельницким, но последний не соглашался ни на какие переговоры, пока не будет признана со стороны Польши полная самостоятельность всей Украины.

Тогда Ян Казимир через посредничество императора Фердинанда III обратился к царю Алексею Михайловичу, который в 1656 году заключил с поляками перемирие. В начале 1657 г. Хмельницкий, чувствуя приближение смерти, велел созвать в Чигирине раду для выбора ему преемника. В угоду старому гетману рада избрала его 16-летнего сына Юрия. Вскоре Хмельницкий умер от кровоизлияния в мозг. Ненависть поляков к нему была столь велика, что, когда они захватили Суботов, тела Богдана и одного из его сыновей были выкопаны из могил и брошены на поругание.

Итак, Хмельницкий до конца жизни вёл дипломатические игры с четырьмя своими соседями — с Польшей, Россией, крымским ханством и Турцией, стараясь уверить их государей в своей преданности, заигрывал и со Швецией. И ещё неизвестно, как бы он повёл себя с Россией, если бы польский король согласился признать независимость всей Украины.

Российский выбор Украины поставлен под сомнение

А дальше произошло то, что не раз случалось с народами, облагодетельствованными Россией. Юрий то отказывался от гетманства, то снова был провозглашен гетманом. Многократные измены Юрия России привели к крупным поражениям наших войск. Его метания от одного врага России к другому, пострижение в монашество и отказ от него ради власти, постоянные поборы, взыскания, казни в припадках умопомешательства заставили устранить Юрия от гетманства. В 1685 году он был казнён.

И ещё не раз новые гетманы и казацкая верхушка метались к полякам, татарам, туркам, хлопоча о временных выгодах для себя и не думая о народе. И эти метания, отказы от

друзей и союзы с бывшими врагами, заключение договоров и подчас немедленный отказ от них стали главными особенностями украинской правящей элиты.

Менталитет казаков и украинцев и отсутствие у них государственнического инстинкта

У запорожских казаков, живших «набеговой экономикой», выработался особый взгляд на жизнь, уникальное мировоззрение, отношение к окружающему миру, напоминающее отношение хищника к жертве, преобладание сиюминутного интереса, нынешняя выгода над долгосрочными перспективами. К тому же казак ощущал себя сверхчеловеком, свысока посматривал на крестьянина или ремесленника, занятого тяжёлым повседневным трудом, на российского солдата, несущего тяжкую многолетнюю службу. Казацкий менталитет в той или иной мере был усвоен всем украинским обществом. Но он не способствовал выработке государственнического духа, инстинкта государства.

Всё сказанное выше относилось только к запорожским казакам (черкасам). На фоне таких казаков, как Ермак Тимофеевич, Ерофей Хабаров или Семён Дежнёв, про которых Лев Толстой сказал, что они создали Россию, запорожские казаки с их вольницей и непредсказуемостью казались как-то чужеродным элементом.

Не потому ли Екатерина II решила избавиться от запорожских казаков как от потенциальных разбойников и очага бунтовщиков в центре империи. Она ликвидировала Сечь, запорожских же казаков переселила на Кубань, наделила землёй и поставила на охрану южных рубежей государства. Со временем там сформировалось сословие казаков — земледельцев и воинов.

Ну, а после того, как запорожские казаки были удалены с Украины, кто же там остался из «благородных»? А те самые перерепенки и довгочуны, малороссийские дворяне, занятые своим хозяйством — садочком, свиньями и гусями, торговлей на ярмарках, подобных Сорочинской. Казацкой удали и вольницы у них не осталось, но зато возрос эрзац этих качеств — хохлацкая спесь.

Зарождение идеи о триедином русском народе

Поскольку Московское царство в XVII веке пережило Смуту, польско-литовско-шведскую интервенцию, войны за Украину и другие невзгоды, оно при трёх первых царях дина-

стии Романовых не успело устранить последствия военного разорения. А Киев стал вновь очагом восточноевропейской образованности, с церковной Академией, где преподавание было поставлено на европейском уровне. Однако положение самой украинской элиты в российском обществе оставалось крайне неустойчивым. Например, в Москве раздавались требования проверить всё украинское духовенство на чистоту его православия: ведь многие известные украинцы подолгу учились в Европе, в католических и протестантских академиях. Ещё более шатким было положение шляхты — украинского дворянства. Трудно было бы всяким перерепенам и довгочунам доказать своё благородное происхождение. А без этого им можно было сделать только карьеру свинопаса.

И вот в 1674 году в Киеве был напечатан «Синописис», составленный предположительно архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем. В книге говорилось о единстве Великой и Малой Руси, о единой государственной традиции Киевской Руси, об общей династии Рюриковичей и даже о едином «русском», или «православно-российском», народе. Вероятно, автор «Синописиса» хотел втянуть московского царя в продолжение войны с Польшей, на этот раз уже за освобождение из-под власти католиков остальной части «единого православного народа», а также облегчить элите Гетманата инкорпорацию в русское правящее сословие. А «Синописис» оставался единственной в России учебной книгой по истории и до середины XIX века выдержал около 30 изданий. Те элементы его схемы, которые относятся к единству Великой и Малой Руси, можно найти у всех авторов «истории России» — от Н.М. Карамзина до С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского. Вообще культура, известная нам сегодня под названием русской, была в XVIII и первой половине XIX в. плодом совместного творчества элит великорусской и малорусской. И духовенство Малороссии было признано православным, и её шляхта вошла в ряды российского дворянства, а за шляхтичами пошли в ход и предприимчивые малороссы, переезжавшие в поисках более хлебного места в Россию. И малороссы начинают завоёвывать Москву и Петербург, занимая ведущие места как в церковной иерархии, так и в разных сферах науки и искусства и даже на государственной службе. Но это уже другая история.

Что рассказывают гости с Украины

Кроме того, что я узнаю из СМИ, у меня появился свой источник информации о происходящем на Украине. Есть у

меня несколько знакомых семей, главы которых были россиянами, но в силу разных обстоятельств переехавшие на постоянное место жительства на Украину. Например, крестьянка, овдовевшая, ещё в советское время, поехала туда в гости к знакомым и встретила там свою судьбу. Вышла замуж за украинца, проживавшего в большом городе с преимущественно русскоговорящим населением (вне нынешней зоны боевых действий). Увы, второй муж, который был старше её, тоже умер. И осталась она со взрослым сыном, родившимся в России, но работающим на предприятии, где большинство работников украинцы. Как ни хороша была жизнь на Украине, но тянет её родная земля, деревня, где живут её многочисленные родственники. И отпуск она стремилась проводить в России, среди родных. И подобных судеб знал я немало.

У многих таких путешественников путь с Украины в их родные места лежит через Москву. И с некоторого времени наша квартира летом превращается в «перевалочную базу». Пожить у нас несколько дней остаются немногие, им каждый день общения с родными дорог. Но вот прибыв в Москву рано утренним поездом и в ожидании отправления поездом вечерним, хорошо бы не коротать эти часы на вокзале, а остановиться у знакомых, чтобы принять душ, пообедать в домашней обстановке — это весьма желательно. Да ещё моя жена вечером поможет вещи отнести, которых бывает много — в том числе гостинцы для многочисленной родни. Вот и проводят они весь день у нас, и тут ведутся откровенные разговоры о житье-бытье.

Другая женщина, тоже немолодая и к тому же очень больная, вынуждена подрабатывать тем, что моет полы двух подъездов большого дома, потому что на одну пенсию ей не прожить. А более приличной работы не найти. Цены на все товары быстро растут, как и тарифы на услуги ЖКХ. Запомнилась такая деталь: многие не захотели ставить счётчики воды. Но власти установили такую подушную плату, что семья из четырёх человек платит вдвое больше, чем такая же семья со счётчиком. Женщина хотела бы переехать в Россию, но надо продать здешнюю квартиру, чтобы на вырученные деньги купить жильё на новом месте. Нужно также заказать контейнер, погрузить в него мебель, пройти таможенную, а это не просто. Да ещё до таможни пройти через несколько блокпостов (а они устроены на всех въездах-выездах из города), где силовики проверяют, что везёшь в контейнере, могут заставить всё выгрузить, якобы для досмотра... Не только одинокой старухе, но и здоровой семье это может оказать

ся не по силам. Пока женщина раздумывает, внук, изредка забегающий проведать её, предупреждает: может быть, придётся ей всё бросить и уезжать с одной сумкой в руках. Сам внук, наполовину украинец, более или менее вписался в новую реальность и уезжать на родину предков не собирается.

О произволе на блокпостах говорили все мои собеседники, приведу один только случай. Фермер, выращивающий свиней и имеющий небольшой колбасный цех, вёз в город на базар 45 килограммов колбасы. На блокпосту его спросили: «Что везешь?» «Колбасу». Осмотрели, обыскали неудачника, хорошо хоть не избili, отобрали деньги и колбасу. Дескать, нам самим жрать нечего. Видимо, этому фермеру весь его бизнес разрушили. Ведь бизнес-то он вёл на кредиты банка, а не получив выручку от продажи колбасы, чем ему расплачиваться?

Мужчина лет пятидесяти, которого я знал ещё семилетним мальчиком, когда он жил с матерью в России, — хороший специалист, один из тех, на ком держится завод, женат на украинке. Но завод постепенно снижает объём производства, в том числе и из-за разрыва хозяйственных связей с Россией. Началось сокращение персонала, в первую очередь русских. Его не уволили, но перевели на полставки — работа три дня в неделю. Он хотел бы податься в Россию, но жена категорически заявляет, что никуда не уедет. Старший сын (от первого брака), записанный русским, великолепный компьютерщик, ощущает давление украинской среды и готов уехать, но младшие дети — украинцы, и у них охоты к перемене мест не наблюдается. Если бы они и захотели уехать, то только в Европу, которая кажется им волшебным краем, где сбываются самые смелые мечты.

Значит, ныне население Украины, за исключением незначительной прослойки русских, лояльно относящихся к России, — это единый народ, крайне недоброжелательно, даже враждебно относящийся к России.

Все мои собеседники признают, что уровень жизни большинства населения Украины снижается. Но когда я высказал предположение, что осенью, когда кризис больно ударит по этому большинству, там начнётся отрезвление, и отношение к России переменится (а, насколько я могу судить, так полагают многие в нашей стране, в том числе и видные политики), моя собеседница со мной не согласилась. Дело в том, что украинская власть умело переложила вину за все беды страны на Россию. И, несомненно, предстоящее ухудшение условий жизни объяснит новыми происками Москвы, что ещё более повысит у населения градус ненависти к России и

существенно ухудшит положение русского меньшинства.

Внешняя угроза, а тем более прямое нападение на Украину только сплотит нацию вокруг хунты. Надолго ли — это другой вопрос. Пока России удавалось, оказывая помощь Новороссии, формально оставаться «стороной, не участвующей во внутриукраинском конфликте». Но как долго удастся нам сохранять эту «политику невмешательства»?

Перманентный кризис на Украине

Как и все остальные бывшие союзные республики СССР, Украина после распада Союза не могла существовать как суверенное государство. Разрыв хозяйственных связей в сочетании со стремлением ельцинской «семьи» отсечь другие союзные республики, которые якобы «объедали» РСФСР, привели экономику Украины к резкому спаду. Стал открыто возрождаться и националистический подход к истории и культуре.

Первый президент Украины Леонид Кравчук был убеждён (и в большой степени справедливо), что украинцы как нация скоро растворятся в русской среде, если не принять меры по охране украинского языка. Поэтому единственным государственным языком был объявлен украинский. Это стимулировало возникновение подлинного националистического угара, вплоть до появления «глобуса Украины» и «нового прочтения истории», согласно которому некий древний великий народ — укры — создали самую могущественную в мире империю, простиравшуюся от Тихого океана до Адриатики и Северной Африки, построили величественные пирамиды, ошибочно называемые египетскими. Мать Иисуса Христа была украинкой, а, следовательно, и Сам Христос, — украинец. Это уже само собой предполагало расцвет традиционной, ранее скрывавшейся, русофобии, ибо прежние «ошибочные» трактовки истории насаждались, конечно же, русскими, москалями, или местными холоуями по директивам Москвы. Уже при Кравчуке Донбасс (и в целом Юго-Восток) испытывал давление со стороны Киева, там сокращалось число русскоязычных школ и т.д., хотя до прямых гонений на русское население дело тогда, как правило, не доходило.

Второй президент страны Леонид Кучма написал книгу под характерным (впрочем, по сути, правильным) названием «Украина — не Россия», чего никак не могут понять в РФ. Кучма в советское время возглавлял крупное оборонное предприятие (завод ракетостроения «Южмаш») и, сколько мне помнится, сам ещё не вполне свободно говорил по-украински. Но при

нём давление на Юго-Восток нарастало постепенно.

Третий президент Виктор Ющенко уже откровенно сделал ставку на «западенцев», причислив карателя Бандеру и его сподвижников к сонму национальных героев. Началась кампания по насильственной украинизации Юго-Востока, апофеозом которой стало формальное запрещение разговаривать на русском языке.

Четвёртый президент Виктор Янукович, сам выходец из Донбасса, глава Партии регионов, имевший репутацию пророссийски настроенного политика, не удержался от соблазна переделить капиталы олигархов, хозяйничавших в стране, в пользу своей семьи, чем вызвал лавину обвинений его в коррупции. Конечно, Янукович был коррупционером не в большей степени, чем другие украинские политики, ведь бывшего премьера Украины Лазаренко даже американский суд за взяточничество приговорил к длительному тюремному заключению, а его соратница по аналогичному обвинению Юлия Тимошенко также оказалась в тюрьме, только не в США, а на родине. Не Янукович, а Ахметов, Коломойский и др. были первыми в списке украинских олигархов, составленном журналом «Форбс». Но Янукович, считалось, ориентируется на Россию. Этого было достаточно, чтобы начать против него войну на уничтожение. Янукович, в отличие от своих предшественников, понимал гибельность для украинской экономики безоглядной ориентации на Запад. Поэтому он, уже приехав на подписание готового документа об экономической ассоциации Украины с ЕС, вдруг решил попросить отсрочку, чтобы более детально обсудить условия этого соглашения. Вот этот отказ Януковича от превращения Украины в источник сырья для ЕС и в рынок сбыта европейской продукции и послужил спусковым крючком для перехода революции Майдана к новому этапу. Она вылилась в насильственные действия по захвату власти, причём главной движущей силой процесса стали немногочисленные, но пассионарные, организованные, а затем и вооружённые бойцы «Правого сектора», изначально ненавидевшие всё русское. Они совершили государственный переворот, сформировав под дулами автоматов удобное им правительство, естественно, русофобское. А затем «правосеки» совместно с армией начали поход на Юго-Восток под лозунгом «Москалей — на ножи!» с целью полного искоренения русского духа на Украине.

В этот период антирусская истерия достигла на Украине своего апогея. Вот и три первых президента Украины (или, как сказано в одном из комментариев, «три иуды») написали русофобское открытое письмо Владимиру Путину, склоняя

его к тому, чтобы он помог убедить ополченцев Новороссии сложить оружие и уйти в Россию. А сильная ненависть часто совершенно искажает мировосприятие человека, делает его представления о происходящем вокруг неадекватными. Вот что написал по этому поводу один блогер (не слишком деликатные выражения я убрал):

«Украинцы не желают принимать ту историю, какую они имеют на самом деле. А это история вечно битых рабов, история неосуществлённых надежд на свободу, история народа-неудачника... Обидно, как обидно сироте, что его сверстники и богаче, и счастливее его. Что делает обычно сирота? Во-первых, ищет виновных в своей несчастной жизни. Во-вторых, говорит, что он хоть и несчастный, но лучше других — он и умён, и красив, и добр и прочее, прочее, прочее. Но жизнь несправедлива к нему. Пожалейте его. В-третьих, расскажет вам, какой он был бы, если бы... Далее следует сказочка о том, чего никогда не было, но, по мнению сироты, должно было быть обязательно, если бы злая судьба не была бы этому помехой... Посмотрите на историю Украины в интерпретации всевозможных укрофилов. Бесконечные «сиротские» рассказы о великой украинской нации (малороссы и умные, и красивые, и чистопородистые, и добрые и т.д.), которую обидели недоразвитые народы — татары, ляхи, москали (которые, разумеется, все злодеи, кретины и ублюдки). И далее за слезами жалости по несчастной Украине следуют слёзы умиления. Умиление от рассказов о великой истории великой страны, которую сами малороссы сочиняют, сами в неё верят и сами выдают за истинную правду. Комплекс «несчастливого сироты, достойного лучшей доли» — это и есть то, что я называю комплексом неполноценности украинской нации.

О том, насколько чудовищные размеры может принимать эта неадекватность, говорит такой пример: украинский журналист попросил интервью у известного русского политолога Евгения Гильбо (сейчас живущего в основном в Германии). В числе заданных им вопросов был и такой: «Нежелание признавать существование, историю и великое будущее украинской нации и является украинофобией... Что же понимают в РФ, кроме животной ненависти к Украине?.. Вам не кажется, что в реальности в РФ все уже истекли спермой от зависти, от невозможности повлиять на ситуацию в Украине?»

Е. Гильбо ответил ему, что у этой мудрой идеи на Украине достаточно много приверженцев, но она — следствие неадекватного восприятия реальности и нежелания даже задуматься, каковы цели мировой корпоратократии относительно

Украины. (Он считает, что на место национальных государств пришли глобальные корпорации, которые опираются не на армии, а на частные военные компании, выработавшие новый, несравненно более эффективный вид войны.) В РФ уже начали понимать, что ещё до окончания уничтожения Украины террористическая война перекинется в Россию. Поэтому изучают сирийский опыт, готовятся защищать свои города. Украину жалеют, но понимают, что помочь уже нерезально. Власти думают, как закрыть границу от потоков беженцев, когда на Украине начнутся этнические чистки.

Корреспондент не унимался и обвинил Е.Гильбо: «Вы живёте в придуманном мире. Приезжайте в Киев — увидите всё в другом свете». И тут уже политолог выдал ему по полной. В частности, объявил: решено, что славянского населения в этом регионе быть не должно. Между РФ или тем, что от неё останется, и Европой должно быть культурно чуждое пространство. Там вырежут всех русских и малороссов (в том числе и галичан). И сделают там чисто мусульманскую территорию, для чего туда уже прибыли исламские боевики. Войну ведёт мировая корпоратократия против России. А Украина лишь плацдарм. События там будут развиваться по сирийскому сценарию. Чёрный передел (имущества) будет под соусом геноцида. Как видят ситуацию глобальные корпорации? Население непроизводительное, остатки совковой промышленности не нужны, кроме десятка заводов ВПК, которые ещё нужны для поддержания старых систем — и то только в РФ. Зато природных ресурсов — выше крыши. Для производства сейчас людей не надо — всё автоматизировано, как я описал в своей книжке «Постиндустриальный переход и мировая война». В результате корпоратократия считает хохлов дармоедами, а тех, кто по инерции считает, что людям надо как-то давать жить, — чокнутыми совками.

Ну и поскольку корреспондент несколько раз прошёлся по Путину, Е.Гильбо заметил: «Общее культурное развитие Путина вы тоже несколько недооцениваете — он всё же родом из Ленинграда, а не из Дрогобыча. На б/Украину раззявились сейчас такие силы, что от одного их упоминания Обама под себя ходит, а вы все на Путине зафиксировались».

Об ответах Е.Гильбо я не мог, интригуя читателей, не упомянуть. Но главное, что мне хотелось показать, — это мания величия совершенно свихнувшегося украинского корреспондента, как она проявилась в его вопросах.

А ведь так воспринимают свою страну и её место в мире многие украинцы. Да и сама Юлия Тимошенко в своих выс-

туплениях во время кампании по выборам президента Украины не только призвала уничтожать русских с помощью атомного оружия. Она также обещала, что, став президентом, вернёт Украине Крым. Но самое главное в её выступлении — это следующее амбициозное заявление:

«Украина является духовным центром Европы, именно сюда вскоре съедутся ведущие интеллектуалы мира, чтобы создать новую модель мирового общественного устройства. Украина станет площадкой для создания обновлённого образа человечества, более справедливого и более свободного, чем когда-либо в истории. В недалёком будущем, все европейские народы, которые чем-то недовольны в собственной стране, будут перенимать украинский опыт создания эффективных общественно-политических систем. Здесь, в Украине, будет дан старт Новой Цивилизации, которая поведёт за собой все народы мира. Сразу же после президентских выборов, начнётся перерождение отечественной педагогики, которой предстоит в течение десяти лет создать Нового Человека, который будет физически не способен терпеть коррупцию и несправедливость».

Тут уж просто можно подумать, что народ сошёл с ума, а часть его правящей элиты, по словам Дмитрия Медведева, «потеряла адекватность». (Я бы добавил: а другая — и притом большая — часть никогда ею и не обладала.) Настолько, что порой создаётся впечатление, что её нужно срочно изолировать, чтобы она не развязала что-нибудь опасное для судеб человечества.

О том, как развиваются события на Украине при пятом президенте Петре Порошенко и как хунта уничтожает Юго-Восток, рассказывать не надо, всё это совершается на наших глазах

Украинцы — народ-реваншист

За что же реванш? Начну с примера издалека.

Персонаж романа Мопассана, старый поэт, «поздно добившийся известности, ненавидел и боялся начинающих». Может быть, больше даже подходит пример Сальери и Моцарта.

Примерно то же чувство испытывал Киев к Владимиро-Суздальской земле — этой колыбели русского народа (великороссов). Эта земля стала возвышаться, когда начался упадок Киева и прилегающих к нему областей. Ведь Киевская Русь была самым большим, самым богатым и самым могущественным государством Европы того времени. Киев после постройки Софийского собора с его фресками и мозаиками

и других роскошных сооружений сравнивали с Царьградом, а то и прямо называли «вторым Константинополем». Князья Рюриковичи брали в жёны византийских или германских принцесс, дочерей князей из своего круга, в крайнем случае — дочерей половецких ханов, но принципиально не сочетались браком с унтерменшами-славянами (иметь любовниц-славянок в своих гаремах — это другое дело). И как же им, бывшим столичным жителям, было воспринимать возвышение провинциального Владимира и захудалого Суздаля на фоне упадка стольного града. А через некоторое время и захват самого Киева владими́ро-суздальскими войсками!

Дальше — больше. Владимир, хотя и был ограблен и по большей части разрушен Ордой, но «остался в живых». Владимиро-Суздальская земля всё же устояла и вошла в состав улуса Джучи Золотой Орды. А Киев был разрушен ордынцами полностью, и в течение многих лет на этом опустошённом месте вообще никто не жил. И Киевская Русь больше не возродилась, а становилась, как отмечалось выше, добычей соседних государств. И украинский народ, образовавшийся со временем на её территории, больше никогда не имел своей государственности. Народ этот создал свой язык и свою культуру, более высокую, чем русская, по мнению просвещённых украинцев. Эти «просвещённые» ориентировались на Польшу — европейскую страну. А Польша была ретранслятором европейской, в особенности французской культуры. Московское же государство в глазах украинской элиты оставалось азиатской страной. И этот разносторонне одарённый украинский народ не имел своего государства! А великороссы перенесли столицу из Владимира в Москву и со временем не только освободились от гнёта ордынцев, но и стали прибирать к рукам одну часть бывшей Золотой Орды за другой. Далее они освоили Сибирь и дошли до Тихого океана. Ну а потом присоединили к Московскому царству и саму Украину. Причём русские цари правили ею «по своей государственной воле», подчас даже отрицая само существование украинского народа, считая украинцев частью единого русского народа, а украинский язык — испорченным русским! (А ведь тогда слова «язык» и «народ» были синонимами.) И это притом, что просвещённые украинцы (особенно после Смуты начала XVII века, разорившей Россию) выступали просветителями русской элиты, начиная со старших детей царя Алексея Михайловича. Впоследствии украинцы составили костяк иерархии Православной Российской Церкви (так она называлась до 1918 года), заняли важные посты в Империи, задавали тон (не всегда верный, с креном в сторону Запада) в

российской литературе, живописи, музыке, но при этом чувствовали себя чужеродными пришельцами, просвещённым меньшинством, образующим свой клан, украинскую диаспору. Как же украинцам не завидовать русским, не относиться к ним как к оккупантам! Можно если и не оправдать, то понять истоки ненависти Киева к «высочке» Владимиру-на-Клязьме, а затем к Москве, тогда как именно Киев — «мать городов русских» (хотя это выражение всего лишь неправильный перевод с греческого).

Отмечу ещё несколько причин неадекватности и сильнейшей ненависти такого рода украинцев к России и к русским. Украина с запозданием на 20 лет проходит острую фазу всплеска радикальнейшего национализма, которую другие страны СНГ прошли с 1991 года. Человеческая природа такова, что не только отдельные люди, но и целые народы, когда у них жизнь не задаётся, ищут причины не в себе, не в своей сущности и своих поступках, а в других, которые якобы и виноваты в этом. Украина, которая, при всей одарённости своего народа, никогда не имела своей государственности, винит в своих бедах прежде всего Россию. Тут и зависть к природным богатствам России. Тут и обида за присоединение к России, фактически обернувшееся полным подчинением Москве, за уничтожение Запорожской Сечи, за закрепощение «прежде свободного» украинского крестьянства (хотя и ежегодно подвергавшегося налётам со стороны Крымского ханства, когда крымчаки уводили на продажу в рабство тысячи селян). За насильственную русификацию Украины и т.д., вплоть до пресловутого «голодомора», а сейчас — и за «аннексию» Крыма...

Ясно, что при таком настрое большинства населения Украины и при американско-европейской поддержке этого соседа у нас на границе с ним создаётся опасная ситуация, которая может вылиться в военный конфликт. Украину война не пугает, жажда реванша оказывается выше всяких проявлений реальности.

ДВА РАССКАЗА

ВОЛК

Июнь накатился мощно, с яркими зорями, жгучей жарой, душными ночами, погнал в рост травы, рассыпал цветы. Зной загонял все живое в укромные, теневые места, и тихо было в лесостепных просторах...

Понадобились ивовые прутья, и я налегке, с одним топором и веревкой, пошел в лес.

Запах гальников я услышал издали. Терпкий и острый, он глушил все другие запахи, и сразу потянуло сыростью — в низине блеснула вода. Найдя ивняки погуще, я стал рубить их молодые побеги и складывать на растянутую веревку. Мешали ошалелые комары, оводы, но кучка росла, тяжеле-ла. Попробовав ее на вес в третий раз, я решил, что большего мне не унести, и скрутил прутья веревкой. Недалеко, среди молодых берез и осин, виднелись небольшие бугры, заросшие бурьяном. Оттуда, пока я рубил ивняк, долетал пряный запах цветущей смородины. И заросли, и бугры манили своей таинственностью, и, взяв топор, я пошел туда, оставив вязку прутьев на поляне.

Раздвигая шелестящие стебли бурьянов, я забрел далеко и на-

ПРОЗА

ткнулся на заброшенный колодец, до краев заполненный водой. Видно было уходящие в глубину венцы сруба, отраженные пятна облаков... Отвернувшись от грозного четырехугольного ока, я двинулся в гущу смородины. Одичавшая, она разрослась буйно и широко. Клейкие ее листья ароматно пахли. Я мял их пальцами и с удовольствием нюхал, продвигаясь в глубину зарослей.

И вдруг откуда-то потянуло воню. Подумав, что где-то в кустах лежит падаль, я хотел повернуть назад, но, сделав три-четыре шага, увидел небольшую выбитую полянку. На другом ее краю, под плотным кустом, темнела нора, похожая наполовину яму. Я подошел к ней и наклонился, заглядывая в темноту. Из ямы шибануло такой воню, что пришлось зажать нос. Я бы тут же и ушел, если бы не заметил подозрительное движение в норе. Что-то там мелькнуло, шевельнулось.

Меня охватила оторопь. Крепче сжав топор, я присел на корточки и увидел в черной глубине белесых щенят, сбившихся в кучу. «Откуда здесь щенята? — промелькнула мысль, а рука уже тянулась в нору. — Лисятки?..» Схватив за шиворот ближнего щенка, я вынул его на свет. Он не визжал, не рычал, не скулил, а лишь изгибался всем телом, пытаясь вывернуться. Сунув звереныша назад, я насчитал еще пять щенят.

Где-то хрустнула ветка, и мне показалось, что кто-то остановился сзади. Мгновенный страх прошел все тело, холодная дрожь током прокатилась от затылка по спине. Резко оглянувшись, я увидел в двух шагах от себя большую серую собаку. Взгляд ее блестящих настороженных глаз на миг встретился с моим взглядом. «Волк!» — взрывом вспыхнула страшная догадка, и я бессознательно, падая, перекатился за куст, выставив перед собою топор. Но небо надо мной не заслонилось зверем. Сквозь переплетения веток я увидел, как волк сунулся в нору. Еще несколько раз как попало перекувырнувшись, царапая лицо и руки о ветки и бурьяны, я вскочил и, оглядываясь, кинулся прочь из плотных зарослей.

Лишь на полянке, увидев синее небо и залитые солнцем березы, я остановился, хватая ртом горячий воздух. Правая рука, сжимавшая топор, занемела, и я перекинул его в левую, поняв, что теперь волк на меня не бросится. Не спуская глаз с зарослей, я трусцой побежал к вязанке прутьев и шустро поднял ее. Оглядываясь, я, как мог, заспешил к деревне, и чем дальше оставались тальники, тем спокойнее становилось у меня на душе. Уже и не верилось, что волк был рядом. Не показалось ли?

— Вот те возьми, где устроились! — удивился дед, выслушав мой торопливый рассказ. — Под боком у деревни! Беги к заготовителю, а то волчица перетащит щенят в другое место...

Заготовитель взял новенькую одностволку, как он сказал — казенную, кинул в телегу топор, лопату и мешок и крикнул мне:

— Поедем! Быстрее!..

Он так гнал лошадь, что телега прыгала на кочках, подбрасывая меня, и даже думать было невозможно, не то что говорить. До ивняков мы доехали быстро, и заготовитель, привязав лошадь к березке, заторопился:

— Бери топор и лопату! Скорее!

Схватив ружье, он устремился к буграм: место это он знал не хуже меня, а то и лучше, и точно ориентировался. С непонятной тоской двигался я за ним, держа топор наготове.

Снова запахло звериным духом, падалью, и мы вышли к логову.

— Караул! — приказал заготовитель и, сунув мне ружье, запустил лопату в черное отверстие норы.

Раздались какие-то звуки, не то визг, не то урчание. Он нагнулся, вытянул за лапы одного волчонка и ударил головой о лопату.

Темнота полыхнула перед глазами, колючий озноб прошел по спине, а пока я приходил в себя, заготовитель и второго волчонка убил таким же способом. Наполовину скрывшись в норе, он шарился там, я же, потрясенный злой жестокостью, старался не глядеть на волчат с окровавленными головами.

— Ты же говорил — шесть, — вылез из норы заготовитель. — А где они?

Я молчал, не понимая его.

— Унесла, сука! Успела! — Отряхнув ладонь о колено, заготовитель вырвал у меня из рук мешок и покидал туда мертвых волчат. — Ну вот что, будем искать новое логово: перепрятала она их...

Но я плохо слушал его, глубоко сожалея, что рассказал про свою находку. Проанализировать непростые отношения человека с дикой природой я тогда не мог. Меня лишь терзала жалость к маленьким, так зверски убитым волчатам.

Печка раскалилась, низко гудела, бросая в дверку отсветы буйного пламени. Тепло, исходившее от ее жестяных боков, заполнило избу, согрело пол, стены, слизало с окон лед, приятно успокоило нахоладевшее за день тело. Я только что

вернулся из очередного похода в лес и отогревался на большой печке.

— Вся эта твоя затея с капканами ненадежная, — говорил Стёпину дед. — Волка обхитрить трудно. Ты, поди, забыл, как с капканами заниматься?

Они сидели друг против друга на скамейке. Заготовитель появился сразу, едва я сбросил в ограде отяжелевшие лыжи. Он теперь сам приходил ко мне, едва заметив мое возвращение с промысла.

— Да нет, не забыл. — Стёпин рассматривал двух крупных колонков, добытых мною в этот раз. — И вываривал, и полыню натирал, и все другое делал, как надо.

— Тогда, может, и попадут...

— Я к тебе с просьбой, Леонид, — поднял свой глаз на меня заготовитель. — Завтра собираюсь волчьи капканы проверить, а куда мне одному: одна рука — не две, и вижу плоховато — ни взять, ни пристрелить зверя.

Неприязнь к этому хитрому человеку так и осталась у меня в душе, лишь сглаживаясь и смягчаясь со временем, и помогать ему не было никакого желания.

Дед как понял меня:

— Ты же и ставить его приглашал, а сам управился и теперь обойдешься, — оговорил он Стёпина.

— Так ставить проще: я их прямо с саней маскировал. А на живого зверя одному опасно. Вдруг подфартило... — С какой-то иной, непривычной стороны открывался для меня заготовитель. — Так поможешь?

Стёпин сутулился, и мне стало его как-то жалко. Все же, несмотря на все обманы, заготовитель немало содействовал моему приобщению к охоте, кое-что подкидывал за пушнину, поддерживал. И я согласился.

...Пока ехали по торной дороге, лошадь шла ходко, хотя частые раскаты и мешали ей держать ровный шаг. Низко стояли тучи, закрывая солнце. Лишь в рваные промежутки между ними струился желтый свет, отчего небо было пестрым, как степь ранней весной. Пахло конским потом, соломой и сухим снегом. Тихо скрипели вязки саней, да изредка покашливал Стёпин.

Проехали свежие вырубки и уперлись в край большого заболоченного леса. Глубокие снега окружали нас.

— Отсюда идти придется, — встал с саней Стёпин. — Лошадь не утянет сани по таким заносам, да и напугаться может, если что. Привада-то вон за тальниками, триста сажень отсюда. — Он кинул коню охапку сена, взял с саней топор и веревку. — Ты надевай лыжи, будешь дорогу торить. Я — за тобой: всё легче, чем по целине лезть...

Откуда-то взялась сорока, застрекотала, к ней подлетела еще одна.

— Вот они, уже услышали, на доклад прилетели! — Стёпин поправил одежду. — Ну, пошли...

Я взял на плечо ружье, нацепил на валенки лыжи и двинулся в том направлении, куда показал заготовитель. Снег был рыхлым, и за мной оставалась широкая борозда, по которой шел Стёпин. Вначале я убежал от него, но скоро выдохся, упрел и остановился. Спокойно и безмолвно дремал заснеженный лес: ни звука, ни движения.

— Куда попер, как паровоз! — тяжело дыша, серчал Стёпин. — Глянь там, под березой, ничего не видно?

На поляне возвышалась могучая, несколько отстоящая от опушки леса береза. Я шел и не обращал на нее особого внимания — береза как береза, таких немало встречалось в нашем лесу. Но тут обомлел от неожиданности: недалеко от нее метался большой серый зверь, поднимая снежную пыль. Он как из-под земли появился, возникнув внезапно. Минуту назад там никого не было. Не мог же я не заметить волка! Скорее всего, зверь таился до определенного момента, а потом вскочил. Он то вскидывался над снегом, то падал, скрываясь в нем.

— Что, попался? — понял по выражению моего лица Стёпин. — Не стреляй, не кровяньшкуру, я его дрючком пришибу!

До волка было еще далеко, и стрелять я не собирался.

— Раз попал, то не вырвется, — с каким-то злорадством выговаривался заготовитель, надрубая нетолстую березку. — Сейчас я его батошкой попотчую. — Он быстро очистил от сучков ствол березки и отрубил от него увесистую палку. — Пошли! Только ружье держи наготове. Ежели чего — стреляй!

Зверь давно нас увидел и в который уже раз попытался вырваться из страшной ловушки. Он бился в снегу, поднимая белые смерчи, и порой трудно было разглядеть положение его тела — так несуразно извивалось оно в этих диких прыжках.

— Рвись, рвись, разбойник! — разглядел волка и Стёпин. Он шагал твердо, держа палку наперевес. — Тяни свои жилы, ломай кости! Тебе конец...

Я шел рядом с ним и вздрагивал от каждого всплеска снега, от железного звона капкана с цепью, от клацанья волчьих зубов — и тонкий страх, и жалость, и печаль давили душу. До зверя было шагов пятнадцать, когда он перестал биться, поняв тщетность своих усилий. Я полностью разглядел круп-

ного, чуть припавшего к земле зверя с взъерошенной шерстью, окровавленной пастью, со злыми блескучими глазами. Передняя и обе задние его лапы, зажатые капканами, красили снег лоскутами спущенной кожи. И выбитое до черной земли место, и алый снег, разбросанный по сторонам, и взлохмаченный суровый зверь являли жуткую картину. От нее сердце сжалось в дробном стуке и скулы свело.

— Возьми на прицел и стой! — крикнул Стёпин, медленно, шаг за шагом, продвигаясь к волку.

Залетали вокруг сороки, тревожно вереща. И чем ближе подходил Стёпин к зверю, тем сильнее и злее загорались у того глаза, вставала на загривке шерсть и прижимались уши. Капканы, сцепившие лапы высокими дужками, не позволяли волку стоять, и он полулежал, но грозно, напряженно, и в любой миг мог рвануться, как разжатая пружина. Но Стёпин знал длину цепи, тяжесть березовых сутунков, за которые были привязаны капканы, и шел. Что было на душе у этого человека, зачем он рисковал? То ли врожденное чувство жестокости ослепило его, то ли возможность расправиться с сильным, но почти беззащитным зверем, то ли все вместе...

Волк все жег взглядом Стёпина, все вжимался в истоптанный снег. Мушка моего ружья плясала на сером его боку, и я боялся, что не успею выстрелить вовремя, да и опасно: можно зацепить Стёпина. Такого жуткого напряжения нервы мои не выдержали.

— Дядя Семен, не подходи! — заорал я.

И в этот момент зверь ринулся вперед, неизвестно каким образом оттолкнувшись сжатыми в капканах лапами. Он пролетел метра два, и цепи отбросили его назад. Волк упал почти навзничь и набок. Стёпин прыгнул к нему и взмахнул палкой. Куда пришелся тяжелый удар, я не разобрал. Только зверь вдруг снова взметнулся с воем, и человеческий крик скребанул по сердцу. Заготовитель кувыркнулся в снег, палка его отлетела в сторону, а волк стал рваться в жестокой ярости. Не поняв еще, что произошло, я выстрелил в это серое свирепое существо. Зверь упал, продолжая биться. Я перезарядил ружье и побежал к Стёпину. Он быстро-быстро отползал в сторону, пятная кровью снег.

Волк уже затихал, лежа на боку. В последний раз он поднял голову, взглянул на меня, как показалось, благодарно и опрокинулся, показывая светлое брюхо.

— Лошадь, лошадь дава-ай!.. — простонал Стёпин, пытаясь подняться. — Ползада отхватил, злодей!

Я увидел окровавленный подол его полушубка и кинулся к лыжам.

С трудом подогнав дрожащего от страха коня к поляне, я помог Стёпину влезть в сани, и мерин рванулся назад, будто за ним погнались живые волки.

В деревне выяснилось, что у заготовителя оторван изрядный кусок ягодицы, и его увезли в райцентр, в больницу.

... Лежа дома на печке, я вновь и вновь воссоздавал в памяти картину волчьего конца, почти все переживая заново, хотя и без жуткой остроты, и окончательно утвердился в мыслях, что в природе все много-много сложнее, чем кажется на первый взгляд, что жить в ней нужно осторожно, без зла и жестокости, с пытливым умом и добрым сердцем...

Не счесть проведенных с тех пор охот, давших мне духовную стойкость, здоровье, творческую энергию и много-много счастливых моментов, и я благодарен тому тайному зову, который возник в моей душе в далеком-далеком детстве.

НА ПРОМЫСЛЕ

Охотник проснулся без будильника, как всегда, по привычке — рано. За маленьким единственным окном зимовья еще не было и намека на утро. Плотная темнота стояла за двойными рамами окна, между которыми желтел мох с кисточками кроваво-красных ягод калины. Мороз обметал края стекол льдистым синеватым налетом, проникнув даже в зимовье. Охотник почувствовал это босыми ногами, высунув их из-под одеяла. Загруженная с вечера корявыми пеньками железная печка остыла, но некоторое тепло от тех сгоревших за ночь чурбаков еще осталось. Ладно срубленное из просушенной сосны, поставленное на мох, зимовье как бы хранило запас летнего тепла, и стены его никогда не были холодными.

Внизу, под нарами, уловив легкое движение хозяина и угадав по каким-то им известным признакам, что он проснулся, позевывали собаки.

Охотник поднялся, посмотрел на ходики, ритмично чакающие в тишине, и стал одеваться. На колышках висели просушившиеся бродни. Он надел их на плотный носок и прямо в свитере, прихватив лишь шапку, толкнул наружную дверь. За небольшой, короткой пристройкой в виде маленьких сеней открылся выход. Матово забелел за ним снег. Чувствуя охвативший его мороз, охотник нырнул за угол зимовья.

Высоко и остро стояли вокруг темные деревья, опыленные недавним снегом. В промежутках между ними мерцали блестящие звезды, чернели лоскутки неба. Тишина давила на уши и тревожила, поднимаемая какие-то неосознанные чувства. Набрал из поленницы сухих дров, охотник вернулся в зимовье.

Печурка разгорелась быстро, весело заиграла огненными бликами на грубом полу из горбылей. Охотник поставил на нее чайник и кастрюлю с остатками вечерней еды. Под столом, на полке, стоял омедненный таз с мешаниной из овсяной крупы и рубленых беличьих тушек. Охотник вытянул его и позвал собак. Не торопясь, с достоинством подошли к еде четыре крупные лайки, стали спокойно есть, не стараясь опережать друг друга. Хозяин даже не следил за ними: он знал, что у собак всегда порядок — ни одна из них не посмеет жить за счет другой, не будет стараться урвать для себя кусок побольше и послаще. Так они воспитаны.

За окном все темнела ночь, гулял мороз и висела беспробудная тишина. Неторопливо и основательно позавтракав, охотник стал готовить задел на ужин: намыл лосятины, начистил картошки, лука... Не забыл про варево и для собак. Все это он залил водой.

Окно зимовья чуть-чуть посветлело. С неохотой, со злом уходила морозная ночь из урманов. Теперь охотник начал готовиться в дорогу: проверил карабин, патроны, снаряжение, положил в заплечный мешок-понягу еду и небольшой термос с горячим чаем, котелок... Не забыл он проверить и лыжи — основное средство передвижения в малоснежье. Это позже, когда в леса набьет сугробы и собаки не смогут бегать, снарядит охотник свой мото-снегоход — новую технику в промысле — и перейдет на добычу ловушками, а пока лучше лыж, подбитых камусом, ничего еще не придумали.

Подперев двери батожком, охотник вышел на утрамбованную возле зимовья площадку. Над тайгой повис свет, как бы раздумывая, опускаться ему в эти холодные заснеженные леса или нет. Там, наверху, возможно, и гулял ветер, а понизу стылый воздух был неподвижным, стерильно-чистым, остро-холодным, и тишина чутко сторожила укутанные снегом деревья.

Собаки ждали охотника, расположившись полукругом, и когда он двинул лыжи по снегу, азартно устремились вперед.

Леса, леса и леса... На добрую сотню верст в округе не только без человеческого жилья, но и без единой человеческой души. Жуть берет от одной мысли об этом...

Долго и упорно шел охотник через пихтачи, пока одна из собак не подала голос. К ней устремились и все остальные, и

тишина отступила, зазвенела собачьим лаем. Охотник снял с плеча карабин и заторопился на призыв своих верных помощников. Белку он заметил высоко, но маленькая пулякка достала ее и там.

Солнце обметало краснотой макушки леса, небо поголубело, мороз подобрел —верху потек короткий зимний день, а внизу, в сплошном хаосе заснеженных сучьев и валежника, еще прятались сумеречные тени.

Снова залаяли собаки, и снова бег до захлёба в морозном воздухе, до пожара в груди и ломоты в висках, притом глаз да глаз нужен, ловкая осторожность: случись чего — и никто не поможет, даже собаки. И так — весь день, к тому же охотник не только идет по лесным крепям, но и читает тайгу, отмечая в ней все мало-мальские изменения. А если повезет, если собаки наткнутся на след соболя, и вовсе не до отдыха, не до сна, не до знакомых троп. Уведет хитрый зверек туда, куда сроду не забредешь из любопытства или из расчета на весому удачу. И выложатся за ним и охотник, и собаки, и добро, если не напрасно, а то и впустую пройдет та запарка: соболю малейшую оплошность человека или собак чувствует и уйдет, только моргни.

Промысловая охота — занятие не для слабых, а для отчаянных, опытных, знающих природу трудяг, и нет в тайге людей, равных охотникам-промысловикам, как нет кого-либо выше профессионала в любом деле. И не каждый человек может стать промысловиком — особые данные нужны: выносливость, смелость, доброта... Да и тайга не примет любого: в ней не заиграешь, не забалуешь. И именно охотник-профессионал никогда не убьет ненужного ему зверя, птицу, никогда не напакотит в природе, потому что без нее он безработный, а без работы человек жить не может.

К ночи, в сумерках, усталый охотник увидел свое зимовье и обрадовался: его ждало тепло и сладкий отдых.

Опять кружком расселись усталые собаки на утоптанной площадке возле зимовья. Охотник с трудом, с темными всполохами в глазах, нагнулся, снял лыжи, обстукал их друг о дружку и сунулся в сени. Холод метнулся вместе с ним в зимовье, нырнул под нары. Нырнули туда, на сухое сено, и собаки. Чувствуя, как отходит задубелое на морозе лицо, охотник снял карабин, мешок-понягу и расправил плечи. Показалось, что вместе со всем этим он снял и сковывающую его усталость. Забить печку дровами — минутное дело, и скоро буйные огоньки замелькали в круглых дырочках дверки. Приготовленное варево — и себе, и собакам — охотник тут же поставил на железку. Окна задернулись непроглядной тем-

нотой, и хозяин зажег лампу. Весь запас продуктов и вещей он забросил в зимовье еще с осени, по чернотропу, часть вертолетом, а часть на лошади. Ведь жить ему в тайге не месяц и не два, а почти четыре, с редким выходом к людям.

Пока нагревалась печь, устаивалось тепло, охотник почистил карабин, расправил на пяльцах добытые шкурки. Зверьков промысловик обрабатывал сразу в тайге, на месте, пока были теплыми. Они хотя и небольшие, а лишнюю тяжесть таскать ни к чему. Да и легче так их обеливать, качественнее, и собакам поддержка — тушки. На них еды не наносишься: в адском движении по чащобам и лишняя иголка в тягость.

С теплом пришли вкусные запахи еды. Ох как хочется в это время есть охотнику! Но всему свой черед: сперва надо накормить собак — верных помощников и друзей-защитников. С ними охотник не только делит все, но и разговаривает, и собаки по интонации голоса, выражению глаз, мимике, жестам понимают хозяина, а уж он их — тем более.

— Кто у нас сегодня отличился? — спрашивает охотник, намешав в тазе варево.

И к тазу подойдет только та собака, которая по общему признанию всех остальных и хозяина заслужила первенство в дневном промысле. И собаки, и охотник о том знают точно. Тут не схитришь. И лучшая на прошедший день собака ест из тазика одна, как говорят, до отвала. Ест и уходит под нары.

— Кто еще у нас здорово поработал? — снова спрашивает охотник.

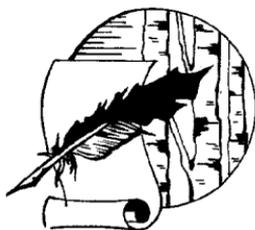
Переглядывание, топтание на месте, и тогда хозяин, видя их замешательство, называет имя достойной. И она ест одна и досыта. А уж после подходят к тазу с едой остальные.

Садится за стол и охотник, ест спокойно, неторопливо, умеренно. Часть еды он оставляет на утро.

Ночь за окном густеет до земляной черноты. Даже ближних деревьев не видно. Пора на отдых. Раным-рано снова вставать, снова повторять привычное. Одно в этом деле неповторимо — сам промысел. Каков он будет на следующий день? Что ждет охотника в глухих таежных лесах? А не блеснет ли удивительной шубкой соболь? Ко всему надо быть готовым, даже к ночевке в тайге, на снегу, у костра.

Спят собаки, развалившись, кто пластом, кто на спине, дергаются, взвизгивают во сне. Гасит лампу охотник и лезет на нары, на мягкую постель. Он один на огромную округу. Но с ним верные помощники — собаки, без которых человеку в тайге не прожить.

Ночь течет за окном. Ходики отсчитывают время.

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

СКВОЗЬ БОЛЬ И СТРАХ

* * *

Летящий ангел прошлой ночью
Своим крылом
Легонько тронул колокольчик
У входа в дом.
А мне, прикрывшей плотно двери,
И невдомёк,
Что всем нечаянным потерям
Уж кончен срок;
И то, что виделось туманным
Сквозь боль и страх,
Так неожиданно и странно
Легло в ногах...

* * *

Зашёл, как будто между делом,
Одно с другим едва связав.
О, как смешно и неумело
Свои я прятала глаза!

Как по-предательски безбожно,
Ровняя с сонмищем глупцов,
На твой вопрос неосторожный
Зарделось вдруг моё лицо.

Какая страшная досада —
Обезоружена опять!
Тебе хватило только взгляда,
Чтоб всё, конечно же, понять...

По четырём её углам
Твоё лицо, как Божий лик.
Но этот храм...
 Но этот храм
К моим молитвам не привык.

* * *

Она вошла в уснувший дом
Под крик усталой птицы,
Скользнув бесформенным пятном
По тёмным половицам;
Заполнив разом пустоту,
Смешала блики, тени,
Часы, минуты, суету
Дробящихся мгновений...
Коснулась рук моих лучом
И в памяти постылой
Накрыла белым полотном
Всё то,
 что было...

* * *

Свой порядок наводя,
Третий день на даче
Постоянного дождя
Реки, не иначе!

Облаков молочный цвет,
Как позавчерашний, —
И поры удачней нет
Для хлопот домашних...

Но в уютной суете
Беготни и смеха
Всё дела в руках не те —
Шутки да потеха.

И, забывшись, мы опять
Будем вечер длинный
В разговорах коротать
У окна в каминной...

* * *

Вечер вдвоём до обидного мал...
Много ли может быть счастья?
Он, уходя, мне вчера целовал
Синие жилки запястий;

И, расставанья предчувствуя страх,
Голосом на полутоне
Что-то шептал с поволокой в глазах,
Не отпуская ладони.

В муках серьёзно и громко спросил
С жадной прямого ответа,
Но отвечать ему не было сил,
Как и молчать об этом...

ИЮНЬ

Сестре Любе

По Воздвиженке
до Арбата
в разговорах с тобой
идти,
улыбаясь, как каждый пятый,
всем, случившимся на пути, —
и знакомым
и незнакомым —
бессознательно...
Просто так!
Не замкнётся
кольцом Садовым
наш неровный,
но лёгкий шаг:
в тонких платьях
из льна и ситца
в переулках кружить,
бежать,
в окнах частых на миг
двоиться,
вскользь поглядывая
на статью.
И томительно вдруг,
по-детски

раскалённый кляня эфир,
на скамейке
времён советских
с наслаждением есть
пломбир.

ЗОЕ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Было ли?

Было! И не было сном...

Знаю,

за трусость в бою

Ты не простила б,

и чувствую в том

Крепкую волю твою.

Смерти

действительно, девочка,

нет!

Видишь — мы рядом стоим;

В каменной строгости

твой силуэт

Кажется всем живым.

Ровная поступь, как прежде,

легка.

Помня, что нам по пути,

Хочется,

тронув тебя за рукав,

Вместе с тобою идти.

Но между нами,

как пропасть, легла,

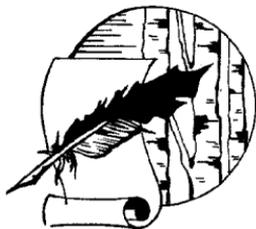
В вечности слава твой лик,

Непреходящая

тяжкая мгла

С чётностью алых гвоздик.

г. Кострома

Бати БАЛКИЗОВ

В ПОРЫВЕ К СВЕТУ

ПСАТХА*

Нам было тесно во дворе,
Когда играли в «кошки-мышки».
Мать хлеб давала детворе,
Всем, бегавшим со мной, мальчишкам.

Отвлёкшись от домашних дел,
Смотрела, как нас «леший носит».
А я, кусок свой, не доев,
В пылу игры
На землю бросил.

Крик мамы
Вдруг меня настиг:
— Что ты наделал?
Псатха плачет..
Я содрогнулся в тот же миг
И подавил восторг ребячий.

Смутившись,
Что мой жест нелеп,
Не умаляя грех словами,
Я просто, молча, поднял хлеб,
Обдул его
И отдал маме.

Немало лет
Прошло с тех пор,
Но каждый раз перед едою
Мне мамин слышится укор:
«Хлеб — Псатха,
Будь его достоин!»

* Псатха — ангел, покровитель души (*адыг.*)

* * *

Остерегаюсь гнева и проклятий,
Потока брани, что из уст течёт.
Душе язык ругательств неприятен.
Сильней огня проклятье душу жжёт.

Я видел тех,
Кого сразило слово,
Как молнией,
Обуглило за миг.
Был повод для возмездия такого,
Но всё равно
Мне стало жалко их.

Лишь доброту сокровищем считаю,
А ненависть людская —
Боль моя!
Когда я людям радость доставляю,
То радуюсь от этого и я.

Когда в честь дружбы
Произносят тосты,
Я счастлив слышать голоса людей,
Тогда вокруг
Все — братья, а не гости,
А братство всех нас делает сильней!

ПУШКИН

Я его вспоминаю с любовью,
Будто видел воочию, знал,
И сидел у его изголовья,
Когда Пушкин от ран умирал.

Потому что,
Как горец отважный,
Выше жизни поставил он честь,
И пошёл против своры продажной,
Чтобы грязные сплетни пресечь.

Но поэт был посланником Феба.
Для поэзии чужд пистолет.
Упавал он на промысел неба,
А убийца —
На «бронезилет»...

У ничтожества промахи редки,
Гонор бестии неумолим,
Был убийца надменным и метким,
И земля не разверзлась под ним.

Если б Пушкин не вышел к барьеру,
То, наверное, жизнь бы продлил,
Может, даже улучшил карьеру,
Только б в памяти горцев не жил...

...Я его вспоминаю с любовью,
Будто видел воочию, знал,
И сидел у его изголовья,
Когда Пушкин от ран умирал.

* * *

Мы, люди — душа и сознание мира,
Глаза и язык.
Мы творим вдохновенно.
Подвластны нам краски и звонкая лира...
Мы сами являемся целой Вселенной.

Но, вместе с добром,
Зло рождается нами.
Враждуя, готовы пролить реки крови.
И если когда-нибудь мира не станет,
То лишь человек будет в этом виновен.

* * *

Тех великих людей,
Что до нашего времени жили,
Хоронили которых
Под горькие слёзы страны,
Мы, живущие ныне,
Тревожим бездушно в могиле,
Хоть ушедшим пенять
За ошибки свои не должны.

Что прошло, то прошло.
Не тревожьте прошедшего всеу.
Мы должны быть мудрей
И понять, что они не смогли.

Ну а тот, кто сейчас
С мертвецами в могилах воюет,
Не мыслитель, а червь,
Выгрызающий недра земли.

8 МАРТА

Наряды в этот день пестрят,
Бурлит с утра людской поток.
А вот балкарка Жансурат
Надела траурный платок.

Не радостно сегодня ей,
В душе народный плач звучит
О днях,
Когда с землёй своей
Народ решили разлучить.

Кавказ тогда осиротел.
Слух разрывал собачий вой.
Какую душу вождь имел,
Что гнал людей
С земли родной?

Неужто виноваты все?
Зачем позорить весь народ?
Но догматической косе
Не до сомнений...
Всех сечёт!

По тем балкарцам, что лежат
Вдали от горских деревень,
И носит траур Жансурат
В Международный женский день.

СПИТ РЕБЁНОК

Спит ребёнок
В детской колыбели,
Сладко улыбается во сне.
Что за грёзы сердцем овладели?
Этой тайны не узнать родне.

Может,
Мир приснился небывалый,
В сказках не описанный ещё,
И под нежным
Сонным покрывалом
Жизнь совсем безоблачно течёт?

Там, наверно,
Не бывает грусти,
Только — радость,
Только — доброта,
Самые возвышенные чувства
Окружают спящего всегда?

Злу во сны младенца
Не пробиться,
И затмить виденья не дано.
Малым детям
Мир безгрешный снится,
Позабытый взрослыми давно.

ОТЕЦ, ЯВИСЬ В МОЁ ВОСПОМИНАНЬЕ

Боль от потери
Жизнь моя не лечит,
Кровоточит сиротское сознание.
Чтоб стало на душе немного легче,
Отец, явись в моё воспоминание.

Хоть я уже не в возрасте мальчишки,
Трудны мои житейские скитанья,
Как у реки,
Порой бурливы слишком...
Отец, вернись в моё воспоминание.

Лишь став отцом,
Поймёшь отца советы.
Мне не хватает твоего вниманья
И слов,
Что сердцем любящим согреты.
Отец, явись в моё воспоминание.

Я до сих пор завидую соседу,
Что говорит:
«Отец не позволяет...»
Явись хоть в сон,
Со мною побеседуй.
Так сильно сердце этого желает.

Я дорожил фамилией и званьем.
Мне пред тобой оправдываться не в чем.
Отец, явись в моё воспоминанье
И по-отцовски обними за плечи.

* * *

Чтоб люди позабыли про напасти,
Поведаю блуждающим во мгле,
Что самое большое в жизни счастье —
Стать честным человеком на земле.

И, если хоть кому-то мы поможем,
Кто сам не может справиться с бедой,
Мы в мире милосердие умножим,
Украшим жизнь своею добротой.

Когда в порыве к свету мы едины,
То это и зовётся красотой,
И мы тогда уже непобедимы
Ни смертью, ни корыстью, ни войной.

О, если бы мы к правде все стремились,
Не возвращали зло между собой,
Аллах,
К прозревшим проявляя милость,
Построил бы
Великий рай земной.

* * *

Тебя уносило теченьем реки,
На помощь никто не спешил,
Как будто настигли проклятья, грехи,
За то, что неправедно жил.

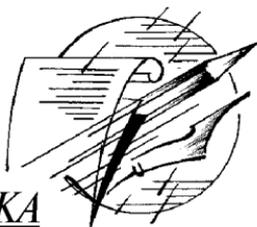
Хотя я считался тобою врагом,
Но бросил верёвку тебе,
Чтоб ты вновь почувствовал
Твердь берегов,
Смог что-то осмыслить в судьбе.
Ты выбрался, спасся
И слёз не скрывал,
На мир по-иному взглянул —
Вражды уничтожил
Бушующий вал.
И я с облегченьем вздохнул.

Перевёл с кабардинского Валерий ЛАТЫНИН

СТРАНА ИММИГРАНТОВ

Когда президент США Джон Кеннеди написал книгу «Нация иммигрантов», посвященную истории своей страны, то это было понятно. Действительно, в США, равно как в Канаде, Австралии, Аргентине и еще в некоторых странах подавляющее большинство жителей являются иммигрантами или потомками иммигрантов. Но Россия явно не относится к категории подобных стран, ведь подавляющее большинство всех жителей исторической России, это — потомки тех, кто жил на ее территории, по крайней мере, со времени сложения основных этносов. И все же многие этносы исторической России действительно возникли как иммигрантские диаспоры. При этом в силу ряда обстоятельств экономическое, политическое или культурное влияние этих диаспор было значительным, во многом превосходя долю этих диаспор в составе населения России. Итак, все же **Россия также и страна иммигрантов.**

Россия во многие века была весьма притягательной страной для переселенцев из разных стран. Наличие огромного количества свободных земель, возможность сделать карьеру благодаря

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

особенностям сословного строя России, религиозная терпимость — все это делало Россию страной больших надежд для очень многих иностранцев.

Известно, что в XVIII веке в Российскую империю переселилось более 100 тысяч иностранных колонистов. В XIX веке прибыли, по меньшей мере, еще 2 900 тысяч переселенцев. И за 1900—1914 годы в Россию прибывали по 100 тысяч иммигрантов в год, всего за эти годы — 1 млн. 250 тысяч человек! В целом за 1762—1913 годы общее количество прибывших в Россию на постоянное местожительство составило, по далеко не совершенным и точным подсчетам, 4,2 миллиона человек. Эта цифра лишь немного уступала количеству эмигрантов, выехавших из России за рубеж. В советские времена, несмотря на пресловутый «железный занавес», в страну продолжали прибывать иностранцы.

Только на рубеже XX—XXI веков, когда игнорировать проблемы, вызванные массовым притоком в Российскую Федерацию жителей бывших республик СССР, стало невозможно, ученые «вдруг» выяснили, что по количеству жителей, родившихся за пределами страны, РФ оказалась на втором месте в мире после США.

И всё же всё не столь однозначно. С одной стороны, употреблять термин «иммиграция» (от лат. *Immigro* — «вселяюсь») для обозначения переселения в РФ жителей прежних советских республик, будет некорректным. Да и в древние времена невозможно было бы считать иммигрантами малороссов и белорусов, переселявшихся из Великого княжества Литовского в Московское царство. А кем считать татар из Казанского ханства, которые в XV — первой половине XVI веках перебирались на службу в Москву? С активной помощью этих служилых татар и их потомков Казань была присоединена к России, после чего казанские татары в России уже не могут считаться диаспорой. Аналогичная ситуация с грузинами, переселявшимися в Россию, по меньшей мере, с XV века. Грузинская иммиграция была довольно значительной не только по количеству, но и, если можно так выразиться, по качеству. Среди переселившихся в Россию грузин были цари, уроженцы едва ли не всех аристократических родов, священнослужители всех рангов, ученые и поэты, ремесленники и торговцы. Именно в Москве в 1703 году началось печатание книг на грузинском языке. В 8 храмах Москвы в 1730-х гг. служили грузинские священники. Большое количество грузин жили в Астрахани, на Северном Кавказе. И в конце XVIII—начале XIX века русские генералы грузинского происхождения — Цициановы, Баратовы, Андронниковы, Орбелиани, Аргутинские, Багратион-Мухранские, Тархан-Моуратовы, и др. — покоряли для России Кавказ.

Запутывает исследователя то обстоятельство, что, во-первых, часть диаспор возникла в результате переселения не в Россию, а в другие страны, оказавшиеся в составе России. Так, например, из евреев, переселившихся в Польшу, Литву и Молдавию, возникла огромная по численности и вкладу во многие сферы жизни еврейская диаспора России. После раздела Речи Посполитой Россия, почти не имевшая «своих» евреев, внезапно стала страной, в которой находилась половина евреев мира. Второй сложностью для исследователя будет то обстоятельство, что иммиграция в Россию нередко носила характер воссоединения с частью своего этноса. Именно такой характер носили переселения армян на российский Кавказ, или переселение румын, жителей прежнего Молдавского княжества, в Бессарабскую губернию России. А считать ли за иммигрантов переселенцев поневоле, вроде оставшихся в России военнопленных?

И, наконец, в России не было, и вплоть до сего дня нет четкого юридического понятия иммигранта. Было понятие «иностранец», но оно могло обозначать и временно находящегося на территории России зарубежного туриста (в советские и постсоветские времена это стало единственным содержанием понятия «иностранец»), и постоянно проживающего в стране иностранного подданного, и потомков этого иностранного подданного. Предки этих «иностранцев» могли уже несколько поколений иметь российское гражданство, но все равно во всяких официальных бумагах они рассматривались как «иностранцы». В Российской империи существовало правовое понятие «колонист» для обозначения иностранных переселенцев, живших в особых селениях. Но статус «колонист», который в принципе обозначал иммигранта и его прямых потомков, сводился только к землевладению на особом праве. Колонист, не занимавшийся сельским хозяйством в колонии, юридически колонистом не считался.

Таким образом, чтобы изучить зарубежную иммиграцию в Россию, придется отдельно рассматривать историю каждой пришедшей этнической общины, поскольку какой либо общей истории иммиграции создать будет затруднительно.

Иноземные жители Киевской Руси

В нашу страну иностранцы переселялись издавна. Не касаясь древних викингов, вспомним, что сразу после Крещения Руси в страну стали прибывать византийцы (не только византийские греки, но и южные славяне, и уроженцы Ближнего Востока). Священнослужители, иконописцы, врачи,

квалифицированные ремесленники из Византии были, как можно судить по упоминаниям в летописях, достаточно многочисленными в древнерусских городах. Византийцы были единоверцами русских, и поэтому быстро ассимилировались. Прибывали на Русь армяне, причем в ряде городов возникли достаточно большие армянские общины. Так, в летописном рассказе о «безмездном враче» Агапите говорится об интригах против него армянского врача, лечившего Владимира Мономаха, а также многочисленных армянах в Киеве.

На Руси в качестве наемников проживали X—XI веках скандинавы, которых традиционно называли словом «варяги». Поскольку на Руси еще долго существовала кровная месть, узаконенная в «Русской Правде», то именно варягов использовали для «грязной» работы в виде наемных убийц. Впрочем, по мере появления государственности в Скандинавии в середине XI века, приток искателей приключений из этих земель прекратился.

Также на Русь переселялись целыми племенами отдельные кочевые народы степи, создавшие племенной союз «черных клобуков», расселенных на рубеже, который должны были оборонять, напоминая федератов Древнего Рима.

Но на Русь приезжали, в основном, правда, на время, с торговыми целями, также и из католических стран Европы. Некоторые западноевропейцы оставались на Руси навсегда, принимая православие. Так, некий Антоний Римлянин (1067—1147) основал в Новгороде Антониев монастырь, один из самых значительных на Русском Севере. Впрочем, некоторые иноземцы вполне могли на Руси открыто исповедовать свою веру. Так, в Киеве в 1228 году существовала католическая церковь ордена доминиканцев. Так же католические церкви были в Новгороде, в Смоленске (упомянута в договоре 1229 году). Во время осады Смоленска монголо-татарами Меркурий Смоленский, родом из Моравии, доблестно сражался с неприятелем, перебив множество врагов, в том числе и некоего «исполина» (вражеского богатыря высокого рода). Меркурий, павший в бою, был причислен Православной церковью к лику святых.

Галицкий князь Даниил даже проводил настоящую политику привлечения иммигрантов в свои владения. Желая заселить только что основанный им город Холм, Даниил, по словам Ипатьевской летописи «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и серебру».

В общем, выходцы из самых разных земель были хорошо известны Киевской Руси. Благочестивые авторы Печерско-

го Патерика с умилением описывали, как монахи Киево-Печерской Лавры вели богословские споры с «латинянами» (католиками), армянами и иудеями.

В Москву через железный занавес

В эпоху ордынского ига на Русь бежали, спасаясь от Батыея, волжские булгары. В период возвышения Москвы XIV—XV веков на русских землях не вели статистику прибывающих иностранцев, но их приток был немалым. В основном в поднимающуюся страну устремлялись татары, составившие вскоре половину русской аристократии. После упадка и падения Византии на Русь прибывали многие уроженцы земель прежней Византии. Среди них особенно прославился приехавший в Москву в 1517 году Михаил Триволис (1470—1556), известный как Максим Грек, причисленный к лику святых. Прибывали также и «фряги» — западноевропейцы, в основном итальянцы. Именно «фряги» Аристотель Фиораванти, Алевиз Новый, и ряд других построили комплекс Московского Кремля, а также ряд храмов и фортификационных сооружений. Стараясь не допустить излишних контактов москвичей с иноверными «фрягами», власти поселили их в отдельных слободах. Так возникли существующие и в наши дни города Фрязино, Фрязево, деревня Фряново в Подмоскovie.

В XVI веке власти России понимали, что страна за века татарского ига сильно отстала от европейских стран. Дабы наверстать упущенное, царь Иван Грозный пытался уже не просто привлекать в Россию отдельных специалистов, но и начал масштабную вербовку зарубежных специалистов самых разных специализаций. Агент царя Ганс Шлитте в 1548 году сумел завербовать в Германии сразу 300 человек, среди которых, помимо ремесленников, было 4 теолога, 4 медика, 2 юриста, 4 аптекаря, 5 толмачей. Однако соседи России прекрасно понимали, что столь значительный приток квалифицированных кадров сразу усилит нашу страну, и поэтому возвели вокруг России плотный железный занавес. Это было сделать тем легче, что Россия не имела выхода к морю, и все пути из Западной Европы в Россию шли через земли Ливонского Ордена. Ливонцы прекрасно понимали, что усиление России вызовет стремление ее утвердиться на берегах Балтийского моря, что будет означать ликвидацию Ордена. Поэтому преодолеть этот железный занавес спутникам Шлитте не удалось, все они были брошены в Ливонии в тюрьму. Один из завербованных Шлитте ремесленник по фамилии Ганц пытался самостоятельно дойти до русского рубежа, но почти

на самой границе был схвачен ливонцами и казнен. Судьбы Шлитте и его людей стали одним из главных поводов к Ливонской войне 1558-1583 гг.

Разумеется, отдельные иностранцы из Западной Европы, которых обычно называли «немцами», независимо от того, из какой страны они прибыли, в Московском царстве присутствовали постоянно. Иноземец Бомелий был личным медиком Ивана Грозного, Генрих Штаден служил в опричниках. Иван Грозный пытался создать на Балтике флот, причем, в отличие от Петра I, который имел судоверфи и подготовленных моряков еще до войны за море, Грозный нанял датского корсара Кристиана Роде, который в 1570 году активно действовал на морских путях, базируясь на порты Дании. Однако на эскадре Роде не было ни одного русского.

Смута начала XVII столетия и несколько десятилетий восстановления на время затормозили иммиграцию из Европы. Впрочем, в Россию в царствование Михаила Федоровича Романова переселились калмыки, которые стали первым российским этносом переселенческого происхождения. Калмыки на особых правах кочевали в пограничных степях, получали государево жалование и обязаны были нести постоянную службу царю и новому Отечеству.

Одновременно большое количество «черкасов» (малороссов) активно заселяли часть Дикого Поля, ставшую Слободской Украиной. Продолжали переселяться «старые знакомые» из земель прежней Византии. В русскую аристократию влились роды Ховриных (Комниных), Траханиотовых (Тарханиот), происходившие из византийской аристократии. Греки братья Лихуды в конце XVII века руководили Славяно-греко-латинской академией. Высшие церковные должности по-прежнему занимали многочисленные греки.

Армяне также продолжали прибывать в хорошо знакомые им русские земли. Уже в начале XV века в Москве существовала большая армянская община. При Иване Грозном армяне были поселены в Белом городе Москвы и пользовались налоговыми льготами. Милость царя, вероятно, была обусловлена не только деловыми качествами армян, но и их лояльностью России. Так, при осаде Казани русскими войсками проживавшие в этом городе армяне отказались сражаться против русских единоверцев, за что многие из них были замучены татарами. В следующем веке армяне в России имели многие привилегии. Так, в 1667 году армянским купцам даровались права свободной торговли на водном пути от Астрахани до Архангельска.

Неудивительно, что в XVII веке происходила большая иммиграция армян из стран Ближнего Востока. Особенно

много осело их в Астрахани, где были свои храмы, школы, суд, гостиницы. В московском Китай-городе действовала армянская церковь, а всего прихожан армяно-григорианской церкви в столице прожило 2 тысячи человек. Именно армяне в основном вели торговлю России с Востоком по Волге. Шелк, ткани, красители, благородные металлы, драгоценные камни — все это везли в Россию в основном армянские купцы. В XVIII веке в Астрахани возникла всероссийская епархия армяно-григорианской церкви.

Немало было в Астрахани и грузин. Два грузинских царя — Вахтанг VI и Теймураз II были похоронены в Успенском соборе Астрахани.

Там же, в Астрахани, постоянно проживала большая община персидских и индийских купцов. В 1649 году в Астрахани возник особый Индийский двор — обнесенный стеной квартал, где были лавки и жилые помещения индийских купцов, и даже храм бога Вишну. Индийцы в восточной торговле России занимали второе место после армян. Среди астраханских индийцев были крупные предприниматели, ведущие дела на тысячи рублей. В XVIII веке, по мере распада Ирана и начала захвата Индии англичанами персидская и индийская община в Астрахани стала постепенно сливаться с местным населением. Многие индийцы женились на местных татарках. Потомков от этих браков называли агрыжанами (вероятно, от тюркского — оглы», то есть сын). Только в 1840 годах российские власти конфисковали как выморочное последнее имущество индийской компании в Астрахани.

С 30-х гг. XVII века Москва вновь стала привлекать специалистов из Западной Европы. «Железный занавес» немного ослабел из-за разногласий в Европе, где разразилась Тридцатилетняя война. Поскольку соседи и главные соперники России — Польша и Швеция воевали друг с другом, стало возможным, поддержав шведов, а также единомысленные им протестантские государства, получить некоторый доступ к западным специалистам. Большинство иностранцев были военными, которые помогали создавать т.н. «полки иностранного строя». Но специалисты других областей также были нужны Москве. Голландец Андрей Виниус в 1632 году в Туле построил первые металлургические и оружейные заводы. Шотландец Христофор Галовой (по-английски его имя было Christopher Galloway) в 1625 году руководил установкой Кремлевских курантов. Все аптекари и большинство врачей в России XVII века были «немцами». В 1643 году в Москве проживало 400 семей немцев (без учета принявших православие). К концу столетия их было уже так много, что они

заселяли знаменитую Немецкую Слободу Кукуй в Москве. Это был настоящий немецкий городок с двумя лютеранскими кирхами и католическим костелом. Впрочем, «немцы» встречались по всей России. Путешественник из Германии Олеарий в Астрахани встретил православного монаха, родом австрийца, разводившего виноград. В Якутске первым русским воеводой в 1649—1652 гг. был Дмитрий Францбеков из балтийских немцев.

Русские смотрели на иностранцев с любопытством и опаской. Иноземцы разбирались в науках, которые тогда еще были малодоступными для русских. Но иноземцы были еретиками, и поэтому с ними старались без нужды не общаться. Власти требовали от иноземцев, что бы они жили только вместе с другими иноземцами. Но естественная ассимиляция все равно происходило. Во втором поколении иноземцы уже становились вполне русскими. Многие иноземцы переходили в православие, тем более, что это приветствовалось царем и церковью. При царе Алексее Михайловиче выплачивали специальное жалование «за крещение» для желавших принять православие иностранцев. Так, поручик получал за крещение сначала 25 рублей, затем 20 и 15 рублей (большие деньги по тем временам). Иноземные офицеры более высокого чина получали еще больше. Так, крестившийся вместе с женой, сыном и двумя дочерьми в 1649 году подполковник Эткин получил 60 рублей, жена — 30, дети — по 10 рублей. Также способствовали ассимиляции смешанные браки, а учитывая, что большинство приехавших в Россию были мужчины, русская жена, дети и многочисленные русские свойственники быстро способствовали обрусению служилых иноземцев.

Принятие православия означало полное уравнивание в правах и открывало для иностранцев возможности быстрой карьеры. Сыновья этих «немцев» уже ничем не отличались по своему быту от русских. Так, Афанасий фон Визин (Фонвизин), предок знаменитого драматурга, имел придворный чин стольника и был воеводой в Самаре. Шотландский наемник Георг (Джордж) Лермонт в 1613 году сражался в рядах польского войска, вторгшегося в Россию, но перешел на сторону русских и за ратные подвиги на русской службе был пожалован царем Михаилом Федоровичем Романовым вотчинами под Костромой. Потомки Лермонта быстро обрусели, перешли в православие и стали чисто русскими по духу людям. Великий русский поэт Михаил Юрьевич был потомком Георга Лермонта в 8-м колене.

Посетивший Москву в правление царевны Софьи некий Шлейзинг отмечал, что в России есть «старые немцы», давно

прибывшие и даже родившиеся в России и почти ничего немецкого не сохранившие, и «новые немцы», то есть иммигранты в современном смысле слова. Среди «старых немцев» были ревностные защитники русской старины, так что не стоит удивляться наличию среди противников петровских реформ стрелецкого командира Ивана Циклера, руководителя одного их заговоров против царя.

Евреи в Западной Руси

В другой Руси — Великом княжестве Литовском, а затем и Речи Посполитой, также происходили миграционные процессы. В XIV веке обширные территории прежнего Галицкого княжества, обезлюдившие после татарского нашествия, начали заселяться спускавшимися в Карпатских гор романоязычными влахами. В результате, между Восточными Карпатами и Днестром сложилось Молдавское княжество. Зато другая часть влахов, расселившихся среди русин, сама ославянилась.

В XIV—XV веках самые западные земли Руси, завоеванные Польшей испытали польскую и немецкую колонизацию. Польские переселенцы в основном были рыцарями, получавшими от короля владения в Галиции, так что их численность была невелика, но зато поляки стали на шесть веков господствующим народом. В пределы Польского королевства с XI века переселялись немецкие колонисты. Правда, до самых восточных земель Польского королевства — Галиции, добрались только в основном купцы и ремесленники, осевшие в городах.

Самой же большой и известной диаспорой в западнорусских землях стали евреи. С еврейми все просто, и даже говорить о времени их появления на Руси сложно. Во всяком случае, иудеи из Хазарии (чаще всего не еврейского происхождения) были известны в Киевской Руси издревле. Первое упоминание города Киева в письменных источниках, датированное X веком, найдено в синагоге Каира и является письмом еврейской общины Киева с просьбой помочь единомерцу. Общины кенааним (буквально — «жители страны Ханаан»), то есть иудеев хазарского происхождения, говоривших на древнерусском языке в X—XIII веках известны также в Чернигове, Перемышле, Владимире-Волынском.

Но все же «настоящие» евреи, т.н. ашкеназы, появились на Руси позднее. В XIV веке в Польшу и союзное с ней Великое княжество Литовское стали прибывать евреи из Германии, проживавшие там со времен Римской империи. Они говорили на языке идиш (диалекте немецкого) и имели свою

литургическую традицию, отличавшуюся от религиозных ритуалов восточных иудеев, в том числе и кенааним. Польский король Казимир даровал евреям многочисленные льготы, дал определенный правовой статус людей, зависящих от короля, а не местных феодалов, общинное самоуправление и право заниматься торговлей. Это привело к быстрому притоку евреев в Польшу, и одновременно к наполнению королевской казны. Это произвело впечатление на литовского князя Витовта, который в 1388—1389 гг. даровал похожие привилегии евреям в своих владениях. В результате земли Великого княжества Литовского и Галиции к XVI веку стали центром всего европейского еврейства. Еврейское население увеличилось в несколько раз. Ашкеназы быстро ассимилировали в своей среде малочисленных кенааним, и именно ашкеназ, говоривший на идише, с немецкой фамилией, своими обрядами и образом жизни стал соответствовать понятию «российский еврей». Впрочем, российскими они стали только в конце XVIII века, после разделов Польши. Пока же современные Литва, Белоруссия, Украина покрылись многочисленными еврейскими местечками (поскольку религия запрещает иудею возделывать «землю изгнания», то евреи не занимались сельским хозяйством). В городах Великого княжества Литовского евреи также составляли значительную долю населения. Впрочем, по мере упадка Польши города все больше стали напоминать местечки как по населению, так и быту своих жителей. В местечках шла своя жизнь со своими мелкими, местечковыми проблемами и страстями. Здесь существовали свои школы и иешивы (иудейские религиозные школы). Евреи занимались различными ремеслами, ростовщичеством, держали шинки и корчмы. Именно в таком социальном положении они, не сходя с места, оказались российскими подданными. Впрочем, евреи — всегда особый случай. Литература о еврействе в России огромна, и поэтому обойдемся без еврейского вопроса, что бы не потерять сюжетную линию.

Колонисты: начало массовой иммиграции

Но вернемся в Великороссию. В эпоху петровских реформ количество иноземцев в России увеличилось в разы, достигнув примерно 10 тысяч человек. 16 апреля 1702 года Петром был издан манифест с приглашением иностранцам поселяться в городах России. Петр покровительствовал иностранцам, видя в них не только технических специалистов, но и людей, которые в России поневоле будут ему преданы и поддержат его

реформы. Кроме того, от иноземца для карьеры уже не требовался переход в православие. Понятно, что в скором времени в России началось настоящее немецкое засилье, особенно в правление Анны Иоанновны (1730—1740), когда немцы из Курляндского герцогства занимали почти все значимые государственные посты. Но, заметим, сама Курляндия благодаря тому, что ее герцогом сделался фаворит русской императрицы Бирон, а значительная часть рыцарства служила в России, превратилась в страну — сателлит, в 1795 году добровольно присоединившуюся к Российской империи.

И, тем не менее, при Петре Великом и его первых преемниках число переселившихся в Россию иностранцев было не так велико, как могло показаться из-за их влияния. В принципе, иностранные специалисты при Петре не отличались от «фрягов» XV века или «служилых иноземцев» времен царствования его отца. По-настоящему организованная иммиграция в Россию началась при дочери Петра Елизавете (1741—1761). Желая закрепить за Россией пустынные земли в степном юге, на землях возникающей Новороссии, императрица пригласила к их освоению балканских славян. Заметим, что требовались уже не просто определенное количество технических специалистов, а большое количество настоящих колонистов, готовых возделывать землю. Балканские славяне, и ранее переселялись в Россию, еще вместе с византийцами в первые века христианства на Русь. Еще в конце XIV века митрополитом русской церкви был Киприан, родом серб или болгарин. В XV веке на Руси жил и работал Пахомий Логофет, или Серб. Автор составитель житий святых и переводов. Хорват Юрий Крижанич (1618—1683) ознакомил русских с европейской политической мыслью. Среди сподвижников Петра I были несколько братьев Милорадовичей из Сербии, его дипломатом был Савва Рагузинский, родом из Дубровника, флотоводцами Петра были черногорец Матвей Змаевич и хорват Иван Боцис. В 1723 году из Австрии в Россию переселился в полном составе сербский гусарский полк Ивана Албанца, который был поселен в районе крепости Тор (ныне город Славянск). Правда, массовая сербская колонизация началась три десятилетия спустя.

Императорским Указом от 11 января 1752 года сербам, желавшим переселиться в Россию, были пожалованы земли на стыке будущих Луганщины и Донетчины, получившие название Славяносербии. На эти земли переселились воины сербских гусарских полков, принявшие русское подданство, которыми командовали Иван Шевич и Райко Прерадович. Они осели между реками Луганью и Бахмутом (Бахмуткой),

на южном берегу Северского Донца, на границе с областью Войска Донского. Сербские гусары образовали здесь особую автономную область, подчиненную непосредственно Сенату и Военной коллегии Российской империи.

Одновременно происходило переселение сербов на территорию нынешней Кировоградской области Украины. Эта область получила название Новая Сербия (или Новосербия). Организатором переселения сербов стал бывший австрийский офицер, серб по происхождению, Иван Хорват. Сербы поселились в опасном месте, соседствуя с Польшей, Крымским ханством, и вечно склонным к бунту Запорожьем. Понятно, что Иван Хорват был обеспокоен защитой поселенцев. Он в 1754 году построил крепость святой Елизаветы. Впрочем, уже вскоре, после побед в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг., и разделов Польши Новая Сербия утратила военное значение, превратившись в ряд сельских уездов Екатеринославской губернии, а крепость Святой Елизаветы стала уездным городом Елисаветград.

Помимо сербов, среди переселенцев были весьма многочисленные молдаване и уроженцы других балканских стран, а также масса своих русских беглых крепостных, выдававших себя за сербов, дабы получить законный паспорт.

В целом опыт привлечения крестьян-колонистов оказался весьма удачным. Сербы быстро распахали отведенные им земли, завели скотоводство и виноградарство. Для того времени еще более важным было то обстоятельство, что сербы были не только пахарями, но и воинами. Они сами обороняли свои земли, активно участвовали в войнах России. Уже через несколько лет после переселения в Россию сербские гусары сражались в Семилетней войне, участвуя во взятии Берлина. Особенно отличились сербские гусары в войнах против своих исконных врагов — турок. Кстати, сербы, прекрасно знавшие турецкий язык и мусульманские обычаи, сыграли огромную роль в русской разведке.

Но в скором времени, как раз после побед над турками и выхода России к Черному морю, Новая Сербия и Славяносербия оказались обычными уездами в Новороссии. Сербы быстро ассимилировались среди местных крестьян. Офицеры сербского происхождения влились в состав российского дворянства, дав России много славных военных деятелей, среди которых был один из создателей Черноморского флота Марк Войнович, герой Отечественной войны 1812 года Михаил Милорадович и даже фаворит Екатерины II Семен Зорич. Но именно благодаря столь быстрой и полной интегрированности в высшее сословие империи потомки сербских офицеров обрусели.

Впрочем, поток «задунайских переселенцев» с Балкан продолжался. Но о нем чуть позже, что бы не нарушать хронологию.

Немцы России — самая известная иммигрантская община

Еще более масштабная иммиграция с Запада началась в 1763 года, когда в Россию прибыли первые немецкие колонисты. Они были приглашены в Россию Екатериной II. Если ранее немцы были в России представлены военными, ремесленниками, техниками и другими городскими профессиями, а также прибалтийскими баронами, то теперь в Россию поехали крестьяне, чтобы заниматься на новой Родине привычным крестьянским делом. Успехи сербской военно-крестьянской колонизации в Новороссии не могли не привести российское правительство к мысли использовать зарубежных переселенцев в освоении почти пустых, но зато плодородных земель за Волгой.

После издания Екатериной II в 1762 г. Манифеста «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу», и в 1763 г. — «Манифеста о дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться, в которых губерниях они пожелают, и дарованных им правам», в Россию начали переселяться жители различных областей Германии, а также шведы, голландцы, швейцарцы, которых, впрочем, от немцев не отличали.

Желавших отправиться в Россию в Германии нашлось много. В тогдашней Германии быстро росло население, при сохранении прежнего размера пахотных земель, что вызвало появление огромного количества безземельных крестьян. В конфессионально раздробленной Германии обычным делом были преследования по религиозному признаку. Только что завершилась Семилетняя война, очень опустошившая страну, зато немцы в ходе этой войны узнали о России и русских, и то, что они узнали, вызвало у них уважение.

Льготы, которые обещали колонистам, также сыграли свою роль в привлечении новых российских подданных. Среди льгот было, в частности, такие: проездные и транспортные расходы брало на себя российское правительство, в зависимости от пола и возраста колонисты получали суточные. Они получали свободу вероисповедания. Им была обещана финансовая поддержка (беспроцентный кредит сроком на десять лет для строительства дома, приобретения скота и сельхозоборудования. Колонисты получали разрешение

на автономное поселение, и им было гарантировано местное самоуправление. На несколько лет колонисты освобождались от всякой пошрины, налогов, обработок, оброков. Приезжие городские купцы и ремесленники освобождались от налогов на пять лет, а колонисты, поселившиеся на новых неосвоенных землях, — на тридцать лет. В манифесте колонистам и их потомкам было обещано полностью и бессрочно освобождение от военной службы.

Как видим, весьма благоприятные условия. Так что для российских вербовщиков особые трудности представляла только одна проблема — не допустить переселения в Россию лиц, не имевших профессии и семьи. Принимались только семейные колонисты, имеющие детей. Холостые должны были подтвердить свое намерение создать семью. Конечно, полностью соблюсти эти условия было затруднительно, среди колонистов попадались самые разные люди. Некоторые немецкие путешественники по России конца XVIII века весьма нелестно отзывались о встреченных им соотечественниках, но в целом отбор колонистов был проведен грамотно, и Россия действительно получила большое количество ценных рабочих рук и неглупых голов.

Власти германских государств, опасаясь вообще остаться без подданных, всячески препятствовали выезду в Россию, запрещали деятельность вербовщиков (локаторов), так что некоторым немцам приходилось пробираться в Россию нелегально. Несколько тысяч уже завербованных потенциальных колонистов так и не смогли выехать в Россию из-за противодействия властей.

Группы завербованных стекались из разных мест Германии в порты отправки — в основном, в Гамбург, откуда по мере формирования партий, отплывали в Петербург. Затем зарегистрированных и принявших присягу на верность императрице и новому Отечеству переселенцев передавали в руки специально нанятых ямщиков и отправляли обозами от Ладоги чрез Тихвинский посад до реки Сомины и далее на кораблях вниз по Волге до самого Саратова.

Немцы селились отдельными поселениями с особым статусом — колониями. В приложении к манифесту от 19 марта 1764 года был издан Колониальный устав. В нем указывалось количество колоний, которые необходимо было создать, и оговаривались размеры индивидуальных наделов. Также были регламентированы полномочия по владению землей. Согласно законам предписывалось выделить на каждые 100 семей по округу диаметром от 60 до 70 верст (1 верста = 1,067 км). Каждой семье полагалось выделить по 30 десятин наследственной

аренды. Землю нельзя при этом продавать, делить и сдавать в аренду. Она остается собственностью общины

Колонистов целенаправленно направляли в Поволжье, в Саратовскую губернию, хотя часть из них селись в Петербурге и его окрестностях, и в целом по России. Создание колоний на Волге шло по нарастающей: в 1765 г. — 12 колоний, в 1766 г. — 21, в 1767 г. — 67. По данным переписи колонистов в 1769 г., в 105 колониях на Волге между Саратовом и Камышином проживало 6,5 тысячи семей, что составляло 23,2 тыс. человек. В 1774 году в Саратовской губернии проживали уже около 32 тысяч колонистов, еще 700 немцев, получивших права колонистов, осели в Петербургской губернии.

Колонисты происходили из разных регионов Германии. На Волге — 28% колонистов были из Рейнской области, 17% — из Гессена, 17% — из Пруссии, из Эльзаса и Баварии — 7%, Саксония — 13%, Вюртемберг и Баден — 10%. Обычно в одной колонии колонисты селились по вероисповеданию. Большинство, примерно 2/3 колонистов, были лютеранами, примерно — 25% — католиками, остальные относились к различным протестантским сектам. Среди сект выделялись проповедующие пацифизм меннониты. Большинство меннонитов, кстати, были голландцами. Они были довольно многочисленными, составляя около 7% всех колонистов. Еще были реформаты (кальвинисты), среди которых было немало французских гугенотов, впрочем, сильно онемеченных за столетие жизни в Германии еще до переселения в Россию. Были также «моравские братья» (в основном онемеченные чехи), и еще баптисты, адвентисты и другие мелкие секты.

Колонисты отличались высокой рождаемостью (10 и более детей в семье было чем-то естественным), и при этом имели более низкую смертность, чем русские и большинство других народов России. Результатом стал быстрый рост немецкого населения России. Если в 1760 году российских немцев было 50 тысяч, (причем большинство из них проживали в недавно присоединенной Прибалтике), то к концу царствования Екатерины II, в 1796 году, их численность утроилась, достигнув 148 тысяч. К 1914 году в Поволжье проживали 605 тысяч колонистов.

Но многие колонисты проживали за пределами Поволжья. Поскольку быстро растущему населению колоний уже не хватало земли, то уже в начале XIX века стали появляться «дочерние» колонии волжских немцев в Оренбургской губернии, на Северном Кавказе, Сибири.

Но как раз в это время, в начале XIX столетия, кроме волжских немцев появляется еще одна колонистская группа —

немцы Новороссии, которая была частью новой волны иммигрантов в только что присоединенный к России край. Наряду с немцами в Новороссию прибывали также «задунайские переселенцы».

Первые немецкие колонисты появились в Новороссии, недалеко от Екатеринослава, еще в 1790 году, еще даже до окончания русско-турецкой войны 1787—1791 гг. На опустевшем после разгрома Запорожской Сечи поселились миролюбивые пацифисты меннониты.

Массовая немецкая колонизация Новороссии началась только с 1804 года, при Александре I. По Указу от 20 февраля 1804 года в Россию приглашались колонисты, причем предпочтение оказывалось зажиточным и опытным земледельцам. Всего с 1803 по 1823 год в трех причерноморских губерниях и Бессарабии было образовано 159 поселений-колоний, объединенных в колонистские округа. В общей сложности в Причерноморье иммигрировало около 70 тыс. колонистов, прежде всего из Вюртемберга, Пруссии и Бадена. Заметную роль играла меннонитская колонизация. В отличие от Поволжья территория расселения причерноморских немцев не занимала одного сплошного массива. Именно это обстоятельство привело к тому, что в отличие от волжских колонистов, немцы Новороссии не были столь замкнуты и легче обрусевали. Хотя в Новороссию прибыло вдвое больше колонистов, чем в Поволжье, но общая численность немцев Новороссии была меньше поволжских именно по причине ассимиляции части колонистов русского юга. По религиозной принадлежности южнорусские колонисты делились на католиков (около 35%), меннонитов (20%), лютеран и др. протестантские конфессии (45%). Говорили новороссийские немцы на южнонемецких диалектах, в том числе на швабском, почему нередко всех немцев Причерноморья называли швабами.

Так же как и среди волжских немцев, численность колонистов Новороссии быстро росла, достигнув к 1914 году 527 тысяч человек. При этом новороссийские немцы также переселялись по многим областям Российской империи, создавая «дочерние» колонии на Кавказе, Туркестане и Сибири.

В 1815 году в России появилась еще одна категория немцев — польские немцы. По результатам Венского конгресса в состав Российской империи в качестве автономного образования вошло Царство Польское, на землях которого со времен Средневековья проживали колонисты, предки которых прибывали в Польшу еще с XII—XIII веков. В период польских восстаний немцы сохраняли неколебимую лояль-

ность России. Кроме того, среди немцев было много квалифицированных ремесленников и крупных предпринимателей. Власти империи ценили немецких колонистов в Польше выше, чем польское шляхетство. Уже в 1816 году правительство Царства Польского издало распоряжение о приглашении «полезных иностранцев» на жительство. Политика по привлечению иностранцев получила свое логическое завершение в Законе об иммиграции от 18 сентября 1820 года. Особое внимание уделялось привлечению рабочей силы и мастеров из Силезии, Саксонии и Богемии для суконных и полотняных мануфактур. Благодаря немецкой иммиграции быстро поднялся промышленный район Лодзи, который стал центром текстильной промышленности России. Немцы составляли в Лодзи половину населения (еще треть населения составляли лодзинские евреи, говорившие на немецком языке и на идиш, и только 15% лодзинцев были полякам). Лишь в конце XIX века, по мере притока на заработки в город польских крестьян, а также постепенного перехода на польский язык части немецкого и еврейского населения Лодзь стала приобретать характер польского города. В целом же по Царству Польскому немецкое население насчитывало к 1914 году 550 тысяч человек, что составляло 22,5% жителей тогдашней Польши.

Через столетие после прибытия колонистов на Волгу сложилась последняя группа немцев в России — волынские немцы. Строго говоря, эти немцы не имели статуса колонистов и считались крестьянами-арендаторами земель польского дворянства Волынской губернии. В 1860-х гг., сразу после усмирения очередного польского восстания 1863 года, в ходе которого местные немцы поддерживали правительственные усилия, российские власти стали только поощрять расселение в губернии немцев, считая, что они окажут культурное воздействие на местных украинцев. Плотность населения на Волыни была высока, целинных земель, как в Поволжье веком раньше, здесь не было, так что власти надеялись не на поднятие целинных земель, а на культуртрегерскую миссию грамотных, обладающих капиталами и технологиями переселенцев. Численность немцев в губернии действительно стала расти очень быстро, и согласно переписи 1897 г. на Волыни проживало уже 171 тыс. немцев или 5,7% населения губернии. В Житомирском уезде они составляли 20%, в Луцком — 12% от общей численности населения. Большинство переселенцев составляли выходцы из польских губерний, меньшая часть прибыла из Пруссии и Австрии. Согласно данным переписи немецкое население Волыни в 1897 году

насчитывало 172 330 человек, которые в то время жили в 550 селах. К 1914 году число волыньских немцев превысило 200 тысяч человек.

И, наконец, помимо аристократии из Прибалтики и колонистов, многие российские немцы не имели особого статуса, проживая по разным городам империи, почему обычно их так и называли — «городские немцы». Эта категория иммигрантов была очень «старой», поскольку к ним можно относить немецких мастеров, прибывших в Россию еще при Иване Грозном, и при этом постоянно пополняемой вплоть до начала XX века. Самое главное, эта категория западноевропейцев была наиболее подвержена ассимиляции. Неудивительно, что численность городских немцев постепенно сокращалась и в абсолютных, и в относительных цифрах.

В целом же по России численность немцев возросла к 1914 году до 2448 тысяч человек, что составляла 1,4% всех жителей Российской империи. На деле прирост был еще более значительным, учитывая ассимиляцию и начавшуюся с 1870-х гг. эмиграцию русских немцев. Причиной начавшейся эмиграции потомков иммигрантов были отмена особого статуса колонистов в 1871 году, распространение на них всеобщей воинской повинности (что очень болезненно восприняли пацифистские секты), определенное недоверие к немцам со стороны властей, (так, 1887 г. правительство Александра III предприняло выселение немцев из пограничных районов) и другие факторы привели к тому, что началась эмиграция немцев из России за океан. При этом мало кто возвращался в фатерлянд, на историческую родину. Всего в США, Канаде и Аргентине к 1914 году проживало более 200 тысяч немцев из России.

Задунайские переселенцы

Результатами победоносных войн с турками стало не только присоединение причерноморских земель, но и прибытие на новые русские территории бывших турецко-подданных христиан самого разного этнического происхождения. В России их называли «задунайскими переселенцами», поскольку они действительно перебирались в Россию из-за этой великой реки. Будучи единоверцам русских, ненавидя турок, обладая умением заниматься сельским хозяйством в условиях засушливых районов, «задунайцы» стали заметной и быстрорастущей категорией населения новоприсоединенных земель. Многие, хотя далеко не все «задунайцы» получили статус колонистов, напоминающий статус немцев Повол-

жья. Собственно, немецкие колонисты Новороссии и пришедшие из-за Дуная православные имели практически одинаковые льготы. Однако большинство переселенцев из числа христиан Османской империи в Россию прибывали самостоятельно, часто нигде не регистрировались, селились в деревнях и городах Новороссии смешанно с русскими, и поэтому точное их число осталось неизвестно. При этом еще более запутывало то обстоятельство, что статус колонистов получили крымские греки, насильно переселенные в 1778 году в Мариуполь. Правда, крымские греки к тому моменту еще не были российскими подданными. Но зато права колонистов получили евреи, ставшие российскими подданными после разделов Польши, и перебравшиеся в Новороссию.

Первыми в Новороссии с Балкан переселились греки, которые участвовали во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. на стороне России и после окончания которой были поселены по Южному берегу Крыма с центром в Балаклаве. Они составили особую этническую группу — балаклавских греков.

Еще в ходе этой войны, в 1773 году, целое болгарское село Флатарь, расположенное недалеко от Силистры, численностью в 400 семей, переселилось в Россию. Приток из-за Дуная все нарастал, и в октябре 1801 года императорским указом на «задунайских переселенцев» были распространены некоторые льготы. К этому времени число задунайцев исчислялось десятками тысяч. Правитель Новороссии герцог А. Ришелье назвал болгарских переселенцев «бесподобными» за их умение трудиться на земле в местном климате (немецких же колонистов Ришелье назвал «несносными» за их постоянные жалобы).

После русско-турецкой войны 1806—1812 гг. поток переселенцев из-за Дуная стал особенно большим. Поскольку присоединенная к России по результатам этой войны Бессарабия была весьма пустынным краем, особенно Буджак — южная степная часть провинции, то российские власти направили основной поток «задунайцев» в Бессарабию. Среди задунайцев преобладали болгары (среди которых в то время не выделяли особый народ — гагаузов), греки, а также некогда ушедшие в Турцию запорожцы.

Заметим, что не только болгары, но и сами молдаване в немалой степени были переселенцами в Бессарабии, хотя та исторически была частью Молдавского княжества. В целом, южная часть Бессарабской губернии для переселенцев из-за Дуная стала примерно тем, чем была Саратовская губерния для немецких колонистов — местом наибольшего скопления колонистов, составляющих весьма заметную часть населения.

Колонисты с Балкан имели единый статус, но вообще не представляли собой единого целого. Даже в одной колонии вперемешку проживали греки, болгары, гагаузы, молдаване, при этом, в отличие от немецких колонистов, разговаривали колонисты в основном по-русски. Причина понятна: греки говорили на различных взаимонепонимаемых диалектах, гагаузы говорили на своем языке, болгары еще не имели литературного языка (в болгарских школах преподавание велось на церковнославянском). Правда, почти все задунайские переселенцы были неграмотные и православные. Это единственное, что их объединяло.

Наконец, учет задунайских переселенцев велся очень приблизительно. Учитывались только служившие в русской армии, а простые переселенцы, особенно не получившие права колонистов, вообще не учитывались. Полный учет въезда и выезда в России начался только в 1828 году, но в Новороссии учета почти не было. Войны с турками, эпидемии моровой язвы также оказывали воздействие на численность колонистов. В 1818 году учтенных болгарских переселенцев (вместе с которыми учитывали и гагаузов) было 27 тысяч человек. После удачной для России Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в Бессарабию переехали еще 25 тыс. болгар и гагаузов. К 1844 году болгары составляли 3,3 % населения Новороссии.

После поражения в Крымской войне Россия на время (до 1878 года) утратила небольшую часть южной Бессарабии. Эта территория отошла к Молдавскому княжеству, вассальному государству Османской империи. На этой территории оказалась почти половина болгарских колоний. Молдавские правители моментально лишили болгарских колонистов всех привилегий, обложили налогами и начали насильно забирать болгар в свою армию. В ответ на выступления болгар власти княжества ввели в пределы колоний свои войска, установив настоящий военно-оккупационный режим. Последствием был массовый выезд болгар в Россию, принявший особенно массовый характер в 1861—1863 гг. Как раз в эти годы российское правительство приступило к земледельческой колонизации приазовских степей, в Бердянском и Мелитопольских уездах Таврической губернии. Ранее в этих степях кочевали ногайцы, но в начале 60-х гг. XIX века ногайцы, вместе с частью крымских татар, выехали в Турцию. Власти губернии сочли, что болгары, имевшие хорошую репутацию земледельцев и садоводов, вполне смогут превратить степи в житницу. Именно поэтому Приазовье и было предложено сделать районом болгарской колонизации. Выезжавших из Молдавского княжества бывшим российским под-

данным болгарского происхождения правительство выделило 214 тыс. десятин земли. Однако молдавское правительство чинило болгарским эмигрантам всяческие препоны. Поэтому первые переселенцы были вынуждены переходить границу нелегально, и лишь в октябре 1861 года им были выданы паспорта. В Северном Приазовье болгары из Бессарабии основали 34 колонии. При этом, помимо «старых» российских болгар из южной Бессарабии прибывали на берег Азовского моря и болгары из Болгарии. К концу 1863 года в Бердянском и Мелитопольском уездах насчитывалось уже 5500 болгарских семейств. Каждая семья получила ссуду на обустройство — по 125 рублей, снабжение хлебом на каждого члена семьи до первого урожая, а главное — по 50 десятин земли.

Ученый-славист Николай Державин в своём труде «Болгарские колонии в России», увидевшем свет в 1914 году, выделял приазовские колонии, как наиболее сохранившие национальные традиции и обычаи. Он связывал это с расположением болгарских поселений в близости друг к другу и замкнутостью. В то же время соседство болгарских колоний с немецкими и украинскими поселениями повлияло на стиль одежды, постройки жилищ.

В 1897 году в новороссийских губерниях болгар насчитывалось 170 тысяч, из них в Бессарабии проживали 103 тысячи болгар, что составляло 5,3% населения губернии.

В 1869 году в Новороссию прибыло некоторое количество чехов. Они основали поселение Чехоград (ныне — Новгородковка), недалеко от Мелитополя. В начале XX века некоторые чехи из Чехограда переехали на новые земли в Сибирь, под Омск, где основали три деревни. Чехи селились также в Крыму и на Дальнем Востоке.

Иммиграция христиан из Османской империи, главным образом греков и армян, продолжалась вплоть до 1914 года. Впрочем, некоторое количество греков из Синопа и Трапезунда прибывали в причерноморские города еще в 1920-х гг. На сегодня иммигрантские диаспоры Новороссии представлены гагаузами, болгарами, греками. Зато почти исчезли в бурях XX века немцы Причерноморья.

Революционеры и контрреволюционеры

В Россию прибывали также политические беженцы, спасшиеся от преследований. Собственно, уже в числе «немцев» XVII века, прибывших в Московское государство, были французские гугеноты и шотландские якобиты (сторонники свернутой династии Стюартов). В XVIII столетии, как уже

говорилось, среди немцев, селившихся в Поволжье и Новороссии, были члены гонимых сект, в частности, меннониты и моравские братья.

«Настоящими» политэмигрантами в России стали французские роялисты, бежавшие от террора Французской революции. По некоторым оценкам, между 1789 и 1792 годами в России жило 10 000 французов. Известна острота одного дипломата: «В России французы падают с неба, как насекомые в жарких странах». Большинство французов работали учителями и гувернерами в семьях. По мере развертывания революционного террора поток эмигрантов из Франции стал нарастать. В России проживал претендент на престол, граф Прованский, будущий Людовик XVIII. Впрочем, на всякий случай, чтобы не портить отношения с Францией, графа Прованского держали не в столице, а в Митаве, центре только что присоединенной Курляндии, да и то недолго. В 1797 году на русскую службу был взят в полном составе корпус принца Конде, сформированный из французских роялистов, сражавшийся против республики. Корпус имел в своих рядах 4320 человек, в том числе 355 генералов и офицеров самого аристократического происхождения, но без учета многочисленной свиты принцев и дворян. Впрочем, этот корпус уже в следующем году отправился на войну, где сражался как подразделение русской армии в верховьях Рейна в кампании 1799 года. Победы Суворова в Италии и Швейцарии как-то оставили за скобками для историков действия русской армии на других фронтах.

В целом французских роялистов в России было немного, поскольку основная их часть пребывала в странах, соседствующих с Францией. Но зато, если можно так выразиться, французские эмигранты в России относились к самым родовитым семьям, и, что было особенно важно, служили России верой и правдой, как положено аристократам. Российские власти, привлекая эмигрантов к себе на службу, вместе с тем совсем не желали их натурализации в России, так как полагали, что после реставрации во Франции монархии эти вернувшиеся в свою страну люди будут опорой российского влияния.

Среди наиболее известных роялистов в России были Арман Ришелье, один из основателей Одессы, губернатор Новороссии и Бессарабии 1804—1815 гг., Александр Ланжерон, сменивший его на посту генерал-губернатора в 1815—1823 гг., генерал Эммиэль де Сен-При, служивший в русской армии в войнах с турками и Наполеоном, погибший под русским знаменем в 1814 году. Иван Иванович (Жан-Батист) де Траверсе был морским министром России в 1811—1828 гг.

Помимо французов, в числе роялистских эмигрантов в России оказались и представители других европейских стран. Так, голландец Логгин Гейден, после захвата Голландии французскими республиканцами, принял русское подданство и вплоть до смерти, на протяжении 55 лет служил русскому флоту.

Столетие спустя сама Россия пережила свою великую революцию, которая вызвала не только белую эмиграцию, но и приток в Советскую Россию сторонников нового общества. Помимо идейных революционеров, рассматривающих пребывание в стране победившего социализма как подготовку к революции в своих странах, в СССР прибывали и иностранные специалисты, сыгравшие немалую роль в индустриализации. Следует заметить, что иностранцам в СССР не доверяли, старались не допускать особо тесных контактов с местным населением и не хотели слишком долгого пребывания их в стране. Понятно, что численность иностранцев была небольшой.

Еще в конце Гражданской войны в ряде европейских стран развернулось движение за переселение в Советскую Россию. Самый значительный приток стихийных иммигрантов дали США и Канада — более 10 тыс. человек с сентября 1920 до сентября 1921 г. Среди них было множество реэмигрантов — бывших российских подданных. В 1922—1927 гг. главным координирующим органом стала Постоянная комиссия СТО (Совет труда и обороны) СССР по урегулированию иммиграции, куда направлялись ходатайства желающих приехать в СССР. За 1923—1926 гг. в Комиссию обратилось 429 тыс. чел. За время своей деятельности Комиссия СТО разрешила въезд 10 676 иммигрантам. Приезжавшие со своей техникой, оборудованием, капиталом создавали на выделенных им землях коммуны, артели, товарищества. К середине 1926 года в СССР существовало 30 иностранных сельскохозяйственных коммун и артелей — на Северном Кавказе, в Поволжье, Подмоскowie и на Украине. Численность рабочей иммиграции в СССР в 20-х гг. составила более 20 тыс. человек.

Иммиграция в СССР из стран Европы и США достигла наибольших масштабов в годы первой пятилетки (1928—1932). Иностранные специалисты и эксперты участвовали в проектировании и реализации практически всех крупнейших строек пятилетки. Большинство приехало из Германии и США. В СССР в 1932—1933 гг. находилось примерно 20 тыс. специалистов и рабочих из стран Запада (вместе с членами семей — свыше 40 тыс.).

В начале 30-х гг. в СССР, в основном в «Красную Финляндию» — Карело-Финскую республику, перешло свыше 12 тысяч финнов.

В годы второй пятилетки (1933—1937) масштабы применения иностранной рабочей силы резко сокращаются. Количество вернувшихся в свои страны иностранцев превысило въехавших в СССР. К началу 1937 большая часть иностранных рабочих и специалистов покинули СССР.

После Гражданской войны в Испании (1936—1939) в СССР оказались 4299 испанцев, из них 2895 детей, уехавших без родителей. Многие из этих испанцев уже вскоре сражались за свою новую Родину против своих знакомых противников — фашистов.

В самом конце 40-х гг. гражданская война в Греции завершилась массовой эмиграцией греков в Советский Союз. Политических эмигрантов приняли южные территории бывшего Союза, в частности Узбекистан, где были размещены почти 12 тыс. греков из Греции. Специально для них построили 14 жилых городков, как правило, недалеко от тех предприятий, на которых предстояло работать. Постепенно греческие политэмигранты обживались на новом месте, заключали браки (из которых 60% вне своей общины). Их численность благодаря естественному приросту возросла к 70-м гг до 14 тысяч. Но после распада СССР и усиления дискриминации в независимых государствах Средней Азии греки стали возвращаться в Грецию.

Наконец, последней по времени возникновения община политических эмигрантов сложилась лишь в начале 90-х гг. XX века. Речь идет об уроженцах Афганистана, оставшихся или перебравшихся в Россию после падения режима Наджибуллы. Собственно, афганцы самых разных национальностей получали образование в СССР начиная с 20-х гг. Особенно много учащихся из Афганистана стало после установления в этой стране прокоммунистического режима и ввода советских войск в эту страну в конце 1979 года. Однако афганцы в СССР вовсе не считались (да и сами не считали себя) эмигрантами. По мере получения образования все они отправлялись на родину. Таким образом, в СССР проходила постоянная ротация афганцев, которые слишком надолго в нашей стране не задерживались. Но после распада СССР и отказа правительства Ельцина помогать афганским властям многолетняя гражданская война в Афганистане закончилась победой исламистов. В условиях репрессий, развернувшихся в Афганистане не только против сторонников прежнего прокоммунистического режима, но и вообще людей с «немусульманским» образованием многие учащиеся в постсоветских странах афганцы предпочли не возвращаться домой. Многие военные и чиновники прежней афганской власти

бежали в Россию. В итоге, к середине 90-х годов в России оказалась самая образованная часть афганской элиты. В ельцинской России они также оказались чуждыми, и многие афганцы в дальнейшем перебрались в другие страны. Сегодня активисты афганского сообщества в России оценивают общую численность афганцев в РФ в диапазоне от 50 тыс. до 150 тыс. человек. Подобный разброс в цифрах объясняется как текучестью состава диаспоры, так и тем, что сам Афганистан был многонациональной страной, и многие афганские таджики и узбеки учитываются не по стране происхождения, а по этнической принадлежности.

Иммигранты поневоле

Еще одним источником пополнения населения России иностранцами были, как ни странно, войны. Многие иноземцы, оказавшиеся в русском плену, по окончании войн в силу многих причин оставались в России. Так, последствием Ливонской войны стала масса иммигрантов поневоле — военнопленных. Многие ливонские рыцари, литовские шляхтичи, ландскнехты армии Стефана Батория, в московском плену были устроены по специальности. Их направили сражаться с татарами в южных степях. Из пленных литвинов состояла значительная часть русского войска, отправленного в Сибирь после Ермака. Неудивительно, что многие из них после окончания войны в 1583 году не захотели возвращаться на родину. Известно о существовании в Москве в 1591 году, то есть через 8 лет после окончания войны двух иноземных слобод — Ругодивской и Юрьевской, в которых жили пленные ливонцы.

Подобную судьбу разделили многие пленные шведы периода Северной войны 1700-21 гг., оставшиеся в России. Свыше 23 000 шведских солдат попали в плен в России, из них вернулись домой только 5 000. Некоторые из попавших в русский плен воинов Карла XII достигли больших высот на царской службе, сделав научную и дипломатическую карьеру. Так, Лорентц Ланге по заданию царя осуществил восемь дипломатических поездок в Китай. Бывший шведский артиллерист Юхан Густав Ренат, оказавшийся в плену у калмыков, составил одну из первых и лучших карт Центральной Азии с «кочующим» озером Лобнор. Филипп Юхан фон Штраленберг, также из войска Карла XII, был первым, кто зарисовал на карте восточноазиатское побережье России. Штраленберг все же вернулся на родину, где он скончался в нищете.

Весьма показательна судьба военнопленных Великой армии Наполеона 1812 года. На 1 января 1813 года, по данным Министерства юстиции Российской империи, в стране пленных насчитывалось более 216 тыс. К середине 1814 года примерно 60 тыс. из них приняли русское подданство. Постепенно они женились на местных красавицах, создавали целые деревни на Витебщине и Смоленщине, многие оставались жить в городах. Известно, что последним ветераном наполеоновской Великой армии был Жан-Батист Савен, принявший после войны российское гражданство и умерший в 1894 году в Саратове в возрасте более 100 лет. Потомками французских пленных был Виктор Дандевиль, ставший генералом от инфантерии. В 1862 году он был назначен на пост атамана Уральского казачьего войска, а чуть позже начальником Туркестанского военного округа. Сыном пленного француза и литовской крестьянки был композитор и музыкальный критик, вдохновитель «Могучей кучки», а заодно военным инженером Цезарь Кюи.

Наконец, после Победы в Великой Отечественной войне находившиеся в лагерях военнопленных некоторые немецкие специалисты стали консультантами и экспертами советских специалистов в разных областях промышленности. Впрочем, уже с лета 1945 года советские органы стали привлекать к работам немецких ученых, оказавшихся в советской оккупационной зоне Германии. Хотя основные сливки с немецких ученых сняли США, все же ряд немецких ученых трудился на благо СССР. Депортированные специалисты работали на 31 предприятии 9 советских министерств. С учетом членов семей количество немецких специалистов в СССР, по подсчетам С. Чертопруда, автора книги «Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева», доходило до 200 тысяч человек. Большинство из них уехали на родину в 50-х гг, но некоторые остались в СССР, пополнив ряды иммигрантов поневоле.

Гастарбайтеры из Вьетнама

В конце XX века СССР стал привлекать к себе также и иностранных рабочих на непрестижные работы. Собственно, на различных «великих стройках коммунизма» еще в 30-е годы трудились антифашисты и политэмигранты. Но по-настоящему труд гастарбайтеров в СССР стал применяться только с 1981 года, и были ими вьетнамцы. Они же и стали единственной российской диаспорой, образованной гастарбайтерами. Собственно, вьетнамские коммунисты были в Со-

ветской России еще с 20-х гг, первые вьетнамские студенты прибыли еще в 1950 году. Но как постоянно пребывающие в нашей стране рабочие вьетнамцы появились лишь после заключения в 1981 г. договора между СССР и СРВ о направлении вьетнамских граждан в Советский Союз для получения профессионального образования и работы. К студентам и дипломатическим работникам добавились вьетнамские рабочие.

Вьетнамские рабочие стали появляться практически во всех городах СССР. Таким образом, руководство СРВ пыталось решить проблему безработицы. В СРВ было создано управление по международному сотрудничеству в области труда, которое занималось экспортом рабочей силы в страны Восточной Европы и СССР. Вьетнамцы считались временно проживающими иностранцами, и власти старались всех их отправить на родину после окончания контракта. Но после 1991 года многие вьетнамцы смогли остаться в России, хотя немало из них уже десятилетиями проживает в России юридически нелегально. Одновременно в Россию стали прибывать вьетнамские предприниматели, студенты, которые, считаясь иностранцами, давно живут и работают в стране. По сравнению с советскими временами вьетнамцам стало значительно проще остаться в России на всю жизнь. Например, существует целый ряд вьетнамских фирм, которые за определенную плату вписывают земляков в штат своих служащих, тем самым легализуя их положение. Многие вьетнамцы оформляют свои документы как участники международного обмена студентами, затем путем платы вузу, сохраняют положение. Количественно национальная вьетнамская диаспора насчитывает около 100 тыс. человек. Более половины обосновались в Москве, остальные — в крупных городах. Официально же, согласно переписи 2010 года, в РФ проживают лишь 14 тысяч вьетнамцев.

Иммиграция на Российский Кавказ

Кавказ — это перешеек между двумя морями, который всегда был котлом, в котором постоянно сливались одни, дробились другие народы. Миграции, ассимиляции, распространение вероучений, войны — все это способствовало тому, что Кавказ является едва ли самой «пестрой» в этническом плане областью на Земном шаре. Добавим также, что для многих этносов Кавказа до сих пор характерно кланово-племенное деление, территориальные землячества, религиозная пестрота, так что даже среди этносов с ярко выраженным

самосознанием, все равно подспудно тлеют внутренние противоречия, суть которых просто непонятна для многих исследователей. При этом два века тому назад, когда началось присоединение Кавказа к России, этническая карта региона была совсем не такой, как сегодня. Иммиграция в кавказские области Российской империи внесли серьезные изменения в этническую карту Кавказа.

Самым значительным из иммиграционных процессов на Кавказе являлась масштабная репатриация армян на свою историческую родину. К началу XIX века на своих землях проживала лишь незначительная часть армянского этноса, причем только в Нагорном Карабахе у армян была государственность в виде небольшого зависимого от Персии княжества, остальные армяне на своей земле были угнетенным национальным и религиозным меньшинством. Основная же часть армян была рассеяна по всему миру.

На территории, которую ныне занимает Республика Армения к моменту присоединения ее к России в 1828 году, проживали лишь около 100 тысяч армян. Собственно, российская Армения была прежним Эриванским и Нахичеванским ханствами, и составляла лишь небольшую часть исторической Армении. Но уже сам факт, что часть Армении оказалась во власти христианского государства (в котором армянская диаспора издавна была весьма многочисленна и влиятельна), стало началом возрождения армян как этноса. В 1828 году была создана Армянская область со столицей в Эривани (Ереване) — автономная единица в составе России. Армян в момент создания области было лишь 80 тысяч человек, что составляло чуть больше половины населения (вторая половина — полукочевое мусульманское население, говорящее на различных тюркских языках). В самой Эривани с округой армян было лишь 20% жителей. Но уже сразу же с создания Армянской области началась массовая иммиграция (правильнее сказать, репатриация, то есть возвращение на историческую родину) армян. Впрочем, армяне переселились не только в Армянскую область, но и селились по всему российскому Кавказу. Через три десятилетия, к 1859 году, на Кавказе проживало уже 500 тысяч армян, большинство которых переселились из Ирана и Османской империи. Армяне составляли большинство населения Тифлиса и Баку, а также весьма значительную часть жителей большинства городов Закавказья и Северного Кавказа. Переселения продолжались и во второй половине XIX века. Многие армяне из Турции переселялись теперь в города Черноморского по-

бережья Кавказа, а также на Кубань. По переписи 1897 года в России по империи в целом проживало 2,2 миллиона армян. За 70 лет (1828—1897) увеличение в 22 раза! При это на территории, которая занимает в наши дни Республика Армения, проживало лишь немного больше 800 тысяч человек.

Но и в XX веке армяне продолжали переселяться в Россию. В годы Первой мировой войны турецкие армяне пережили страшный геноцид, в ходе которого погибла половина армянского этноса и была полностью «зачищена» от армян вся территория исторической Армении, кроме ее восточной, российской части. Погибло бы гораздо больше армян, если бы не наступление русской армии на Кавказском фронте, предпринятое именно с целью спасения армянского населения. Почти четверть турецких армян, 375 тысяч человек, были спасены в результате этого наступления. Однако распад Российской империи и гражданская война, которая на Кавказе приняла форму дикой взаимной резни, привели к гибели многих российских армян вместе с частью только что спасенных армян турецких. В созданной в 1920 году советской Армянской советской республике проживал 1 миллион жителей. Но в результате высокой рождаемости, переселения в «свою» республику армян из других регионов СССР и продолжавшейся репатриации зарубежных армян число жителей Армянской ССР возросло с 1320 тысяч человек в 1940 году до 3515 тысяч в 1988 году! В СССР в целом армяне были 8-м по численности народом, насчитывая в масштабе всей страны 4623 тысячи человек.

Но если армяне в значительной степени «возвращались» на свою прежнюю Родину, то «чисто» иммигрантской общиной может считаться еще один кавказский этнос — ассирийцы (в советские времена их называли «айсорами»). Прямые потомки древнего народа, создавшего сильное государство, развитую цивилизацию, древнюю письменность с богатыми историко-литературными памятниками, принявшие христианство еще в I веке, ассирийцы в основном проживают на своей исконной Родине, в северной части современного Ирака. Утратившие свою государственность еще в 605 году до н.э., ассирийцы сохраняли свою культуру, в основном базирующуюся на несторианском направлении христианства. За 27 веков жизни под властью иноземцев ассирийцы неоднократно подвергались притеснениям и геноциду. В 1828 году часть ассирийцев (вместе с добровольно принявшими подданство России жителями Восточной Армении)

навсегда поселилась в Закавказье, среди армян, через которых и познакомилась с русскими.

Вторая волна ассирийских иммигрантов (точнее, беженцев) пришла на годы Перовой мировой войны. В 1915 году турецкие власти начали масштабное уничтожение ассирийцев, наряду с армянами и другими своими христианскими подданными. Тогда погибла значительная часть древнего ассирийского народа. Но некоторым ассирийцам все же удалось добраться до русских войск Кавказского фронта и найти убежище в России. Но, впрочем, грянувшая революция и Гражданская война привели к тому, что ассирийцы из огня угодили в полымя. Многие ассирийцы в России погибли, некоторые в России долго не задержались, перебравшись в другие страны. Оставшиеся ассирийцы численностью около 30 тысяч человек стали обычными советскими людьми. Советские власти в отношении ассирийцев проводили политику «коренизации». Правда, проблему создавало то, что у ассирийцев в СССР отсутствовала своя этническая территория, к тому же большинство «новых» ассирийцев, из числа беженцев времен Первой мировой войны, осели в городах. Поскольку большинство ассирийцев не имели никакой городской профессии и в первое время почти не владели русским языком, то своего рода «специализацией» ассирийцев стала уличная чистка обуви — профессии, не требующая квалификации и позволяющая знать язык местного населения на самом низком уровне. Впрочем, довольно быстро из числа ассирийцев вышли многие ученые, врачи, военные.

В 1930 году в Москве состоялся Всесоюзный съезд ассирийцев. Он принял решение о «переселении из городов на землю». Для ассирийцев были открыты начальные и средние школы, где преподавание родного языка велось по учебнику Георгия Арсаниса. В 1930-х гг. многие ассирийцы, особенно проживавшие в Грузии, подверглись репрессиям.

Третья волна ассирийской иммиграции пришлось на вторую половину 40-х гг., когда в СССР устремились тысячи ассирийцев из Ирана. Напомним, что в 1941—1946 гг. советские войска находись в Иране, осуществляя, вместе с Великобританией и США контроль над этой страной. Но осенью 1946 году советские войска Иран оставили. Вместе с уходящей армией в СССР устремились тысячи иранских ассирийцев, резонно опасавшихся за свою жизнь, ведь мусульманские фанатики обещали им устроить такую же резню, как это сделали турки в 1915 году. Но в 1949—1950 гг. ассирийцы вновь стали жертвами репрессий. Их обвинили в шпионаже и депортировали из Закавказья. Малочисленные ассирийцы оказались рассеяны по всей стране.

В советские времена религия, которая в значительной степени определяла идентичность ассирийцев, утратила прежнее значение. Тем не менее самая молодая иммигрантская диаспора России из самого древнего в мире народа заняла довольно почетное место в нашем обществе. Среди ассирийцев довольно много людей с высшим образованием, ассирийцы представлены в бизнесе. Всего в странах СНГ ассирийцев примерно 30 тысяч. По данным переписи населения 2002 года, в Российской Федерации было 13 649 ассирийцев. 7762 из них (56,9% всех ассирийцев) указали ассирийский язык как родной. Учитывая, что подавляющее большинство российских ассирийцев живет в мегаполисах, и лишь небольшое число относится к сельским жителям в Краснодарском крае, подобное сохранение родного языка не может не удивлять.

В Закавказье под крыло Российской империи переселялись также курды. Они прибывали сюда на протяжении всего XIX века. В основном, учитывая, что сами курды были разделены на племена и кланы, а также исповедовали различные религии, точное число курдов из общего числа российских подданных сосчитать было сложно. В 1923 году в Азербайджане была создана Курдская автономия (т.н. «Красный Курдистан») со столицей в Лачине. Красный Курдистан стал первой курдской административно-территориальной единицей в мире, и одно только это обстоятельство должно было привлечь симпатии курдов к Советскому государству.

Красный Курдистан отделил территорию Нагорного Карабаха от собственно Армянской республики. Понятно, что курды и были предназначены стать стенкой между армянами и азербайджанцами. В силу этого курды испытали много невзгод, на которые ни в СССР, ни тем более в «цивилизованном мире» внимания не обращал. Курдская автономия была упразднена уже в 1930 году. После упразднения автономии курдов старались ассимилировать в каждой из трех закавказских республик. В 1937 году курды были выселены из Армении и Азербайджана, в 1944 году — из Грузии. Новым местом расселения курдов стали Казахстан и Средняя Азия. После 1956 года курды получили право вернуться в родные места, но закавказские власти упорно старались не пустить курдов обратно. Вернувшиеся курды не могли не только вернуть свои прежние дома, но и получить прописку и устроиться на работу. В 1989 году в СССР проживали 152 тысячи курдов. Фактически курдов гораздо больше, поскольку многие из них записаны азербайджанцами или армянами.

Еще одним этносом переселенческого происхождения на Кавказе являются греки. Собственно, греки селились на Чер-

номорском побережье Кавказа еще в античные времена. Но за многие века, особенно после турецких завоеваний греческое население Кавказа исчезло в результате ассимиляции. Значительное греческое население, оторванное от собственно Греции, проживало на юго-восточном берегу Черного моря, где некогда находилось древнее Понтийское царство. Неслучайно этих греков называли понтийскими, или понти. Понтийцы оторванные от основного этнического греческого массива еще с конца античности, испытали очень сильное восточное, в первую очередь, турецкое влияние. В результате у понтийцев образовалась своя, достаточно своеобразная культура. Поскольку большинство переселенцев на российский Кавказ действительно были понтийцами, то так стали называть и всех кавказских греков, хотя это и не вполне корректно. Помимо понтийцев в Россию прибывали и греки из глубинной области Малой Азии, известной как Каппадокия, которые также говорили на своем отдельном диалекте. Наконец, многие малоазийские греки, чей быт был сильно отуречен, говорили на турецком языке. Их обычно называли «урумы» (то есть «ромей» по-турецки).

Еще в конце XVIII века некоторое количество греков-рудокопов из глубин Малой Азии действительно перебрались из Эрзерумского пашалыка Османской империи на территорию нынешней Армении. Но сразу после установления на Кавказе твердой власти Российской империи масса бывших турецко-подданных греков устремились в новые российские владения. Власти империи видели в греках своих единоверцев, ценили их деловые качества, и поэтому только поощряли греческую иммиграцию. Уже в 1810 году в Тифлисе был создан специальный «Комитет по переселению христиан из Турции на Кавказ». Уже в 1813 году в Грузии поселилось 120 дворов (их учитывали именно так) греков. После окончания русско-персидской и русско-турецких войн 1826—1829 гг. многие христиане восточной части Малой Азии, помогавшие русской армии, предпочли уйти вместе с ней в пределы России. Греков ушло 42 тысячи. Большинство из них расселились в Грузии, где уже в 1831 году ими были основаны 18 селений.

Чуть позднее, примерно с 60-х гг. XIX века греки из Трапезунда и Синопа стали селиться в Сухуме и городах Северного Кавказа. После массового исхода ногайцев и черкесов с Северного Кавказа остались заброшенными многие земли в благодатном крае современного Ставрополя. Правительством, наряду с организацией переселения из центральной России, поощряло также переселение христиан из Османс-

кой империи. В конце 1861 года император Александр II приказывает создать особый комитет из министров: военного, финансов и государственных имуществ по переселенцам. И уже с весны 1862 года греческие переселенцы начали прибывать в Ставропольскую губернию. Одновременно греки начали активно селиться (вместе с русскими, немцами и чехами) в Абхазии.

Наконец, после присоединения в 1878 году к России территорий современной Аджарии и Карской области сюда также стали прибывать греки. Согласно всероссийской переписи населения 1897 года, в Закавказье проживали 43,8 тысячи греков (всего в Российской империи проживало 187 тысяч греков-ромеев и 23 тысячи греков, говоривших на крымскотатарском языке). Однако учитывались лишь те греки, которые считали своим родным греческий язык. Зато турецкоговорящие урумы, а также некоторое количество обрусевших греков не были учтены как греки. Помимо продолжавшейся иммиграции, греческая диаспора быстро росла за счет высокой рождаемости. Так, в Горийском уезде греческие семьи имели в среднем 9 детей, больше, чем у всех других этносов. В целом греки показали себя весьма оборотистыми торговцами, именно они организовали производство табака, кстати, именно греки в Аджарии в 1911 году начали заниматься чаеводством.

В годы Первой мировой войны в Закавказье устремились многие беженцы-христиане, спасавшиеся от турецкого геноцида. Наряду с армянами и ассирийцами тысячи понтийских греков оказались в Закавказье. Впрочем, точный учет в условиях хаоса войны и начавшейся революции просто не мог быть осуществлен. Между тем на Кавказе в 1918—1921 гг. шла всеобщая резня (современные историки называют это «периодом существования независимых республик Южного Кавказа»). Греки Кавказа оказались одинаково чуждым всем противоборствующим сторонам. Особенно несладко пришлось грекам Карской области, вновь захваченной турками. Численность погибших греков исчислялась тысячами. Многие из них бежали в другие страны, в том числе и в Грецию, хотя для понтийцев и тем более урумов балканская страна вовсе не была этнической родиной. В Грецию бежали 78 тысяч греков, из них 60 тысяч — из Карской области. Впрочем, в это самое время на советский Кавказ бежали многие греки из Трапезунда и восточной части Малой Азии, спасаясь от турок.

На Северном Кавказе, несмотря на все ожесточения Гражданской войны, положение греков было лучше. Согласно

переписи 1926 года, на Северном Кавказе греков насчитывалось 60 тысяч, причем в Новороссийске и Сочи они составляли около 10 % населения. Примерно столько же — 57 тысяч греков проживало в Закавказье.

В 20—30 е. гг. XX века советские греки имели национальные районы и сельсоветы, музеи, школы, газеты и издательства. Языком преподавания и делопроизводства стала димотика — разговорный новогреческий язык балканской Греции. Понтийцы и тем более урумы этот язык совершенно не понимали, что, впрочем, советские власти не волновало. Главным для советских греков в два предвоенных десятилетия было усвоение ими общегреческой идентичности. Ранее мариупольские, балаклавские, одесские и понтийские греки совершенно не чувствовали единства. Теперь же они считались официальной статистикой и в значительной степени стали считать себя одним народом.

Но уже в 1937—1939 гг. образование было переведено на русский язык, многие деятели культуры из греков были репрессированы. В 1942 и 1949 гг. кавказские греки были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. После 1956 года многие из них вернулись на Кавказ. Всех греков в СССР в 1989 году насчитывалось 358 тысяч, из них в Грузии (вместе с Абхазией) проживали 100 тысяч.

Между тем, после распада СССР в Грузии резко усилилась дискриминация негрузинского населения республики. Одновременно в 1992—1993 гг. шла ожесточенная война в Абхазии. Все это вызвало массовый исход греков из Закавказья. Часть из них уехала в Грецию, большая часть — в РФ.

Впрочем, помимо закавказских понтийцев в нашу страну прибыла еще одна греческая волна, на сей раз из собственно Греции. Но прибыла эта волна в основном в Среднюю Азию.

В середине Азии

Обширный регион между Каспийским морем и Китаем, населенный в основном тюркскими народами (отчего ранее назывался Туркестаном), в советские времена обычно называвшийся Средней Азией, был присоединен к Российской империи между 1864—1881 гг. Несколько ранее были присоединены территории современного Казахстана. Весь этот регион представлял собой сочетание древнейших земледельческих цивилизаций в оазисах и речных долинах вместе с кочевыми народами в степях и пустынях. К середине XIX века, к моменту присоединения к России, эти земли переживали многовековой упадок, вызванный как последствиями кочевых втор-

жений, так и изменением торговых путей, что почти прервало караванную торговлю. Перед российской властью встала проблема хозяйственного развития новоприсоединенных территорий, что привело к многочисленным реформам, значительно облегчившим жизнь местным подданным. В результате буквально с первых лет утверждения русской власти Средняя Азия стала испытывать приток иммигрантов из окрестных земель. Собственно, в основном в Русский Туркестан переселялись представители тех этносов, которые имели там своих соплеменников — туркмены из Ирана, афганские таджики, казахи и киргизы из китайских владений. В новый город Ашхабад, основанном в 1882 году на месте туркменского аула, с первых лет существования селились многочисленные персы, сторонники секты бахаи, подвергавшиеся на родине преследования. В 1901 году персы составляли треть населения Ашхабада, являясь самой крупной этнической группой в городе.

В 1860—1880-х гг. в среднеазиатские владения России устремились беженцы — уйгуры и дунгане (китайцы-мусульмане) из китайской провинции Синьцзян. В этой провинции местное мусульманское население, в основном уйгуры, относящиеся тюркам, а также дунгане, принявшие ислам китайцы неоднократно поднимали восстания против китайских властей, которые безжалостно подавлялись. В 1871 году русские войска заняли город уйгурский Кульджу, формально принадлежавший Китаю, но контролировавшийся местными повстанцами. Россия владела Кульджей 10 лет, за это время ликвидировав в Кульдже рабство, создав школы, благоустроив город. В 1881 году на основании договора Кульджа была возвращена Цинскому Китаю. Население, изъявившее желание перейти в подданство России и переселиться в Казахстан и Среднюю Азию, переходило под управление русских властей, и в течение года должно было перебраться в пределы Российской империи. Соответственно жители, пожелавшие остаться в крае, вновь поступали под власть Китая. Несмотря на действия цинских властей по удержанию населения в крае в переходный период, объявление о передаче Илийского края Китаю повергло его неханьское большинство в шоковое состояние. Массы народа осаждали представителей Канцелярии по Кульджинским делам, добиваясь от них разрешения на переселение в пределы России. Чуть ли не все перевозочные средства местной русской казны и населения были мобилизованы отвечавшим за переселение подполковником Изразцовым, однако и их не хватило, чтобы перевезти всех желающих переселиться в русские пределы. Организованное переселение, после того как стало известно

о времени ухода из Кульджи русских войск, по свидетельству русских чиновников, превратилось «в поголовное бегство». Сотни тысяч семей, оставляя дома, хозяйство, возделанные упорным, многолетним трудом поля, огороды, захватив лишь носильные вещи, порой с маленькими детьми на руках, переходили на левый берег реки Или и устремлялись в пределы России, ища укрытия и спасения. Переселившись в Семиречье, уйгуры основали город Жаркент и около 90 кишлаков, и 4 слободы в городе Верном (современной Алма-Ате).

Новая иммиграция уйгуров в Среднюю Азию произошла в 1962 году, когда тысячи уйгуров, спасаясь от голода, вызванного провалом «Большого скачка» в Китае, перешли советскую среднеазиатскую границу. Аналогичные переселения происходили и позднее, в 70-е годы. В результате численность уйгуров советских среднеазиатских республиках достигла 262 тысячи человек.

Вместе с уйгурами в Россию уходили дунгане, говорившие по-китайски представители весьма своеобразного этноса, возникшего в результате смешанных браков различных мусульманских народов с китайцами. В 1989 году в СССР, в основном в Киргизии, проживали 69 тысяч дунган. В современной Киргизии благодаря высокой рождаемости дунгане численно увеличились за полвека с 1959 по 2009 гг. в 5 раз.

Наконец, в Среднюю Азию в середине XX века прибыла еще одна иммигрантская группа, на сей раз вовсе не из соседней, а из весьма далекой страны — Греции, о судьбе которой уже говорилось выше.

На самом Дальнем Востоке

На Дальнем Востоке русские поселенцы довольно быстро встретились с переселенцами из соседних азиатских стран — Кореи и Китая.

До присоединения Приморья к России корейцы здесь не проживали, появляясь в крае лишь эпизодически. В соответствии с Пекинским договором 1860 г., к России отошла обширная территория по правому берегу Амура и к востоку от р. Усури, появилась общая граница с Кореей. В самой Корее к этому времени безземелье, обнищание крестьянских масс, тяжелое налоговое бремя привели к тому, что тысячи корейцев были готовы эмигрировать, несмотря на то, что самовольный выезд из страны тогда карался смертной казнью и осуждался народными традициями. Первые корейские крестьяне поселились в январе 1864 года в Посьетском участке Приморской области, и стали заниматься огородничеством.

Приток корейцев в край быстро увеличивался. Самое крупное массовое переселение корейцев произошло в конце 1869 — начале 1870 гг., когда из-за большого голода в Корее на российскую территорию перешло 6,5 тыс. корейцев. Отношение русских властей к переселенцам из Кореи было гуманным — корейцам предоставляли на первое время продукты питания, семена, разрешали вспахивать максимальное количество земли.

Со временем многие из корейцев стали принимать православие, чему способствовало создание церковно-приходских школ для детей корейцев. Вскоре пустившие здесь корни корейцы начинают принимать русское подданство. В 1882 году корейцев в России насчитывалось 10,1 тыс. чел., в 1892 г. — 16,5 тыс. чел., из них русское подданство приняли 12,9 тыс. чел. Перепись населения 1897 г. зарегистрировала в Приморье 24,5 тыс. чел., в целом по Дальнему Востоку — примерно 30 тыс. чел.

Эмиграция корейцев на русский Дальний Восток усилилась после 1905 года, после установления Японией протектората над Кореей. В 1907 г. их численность в Приморье составляет 46,4 тыс. чел., в 1910 г. — 51 тыс. чел.

С самого начала корейская колонизация в Приморье носила земледельческий характер. Трудолюбивые корейские крестьяне занимались рисоводством, некоторые из них профессионально занимались рыболовством и добычей морепродуктов.

Третья волна иммиграции корейцев в Приморье началась в годы Гражданской войны и первые годы Советской власти. В 1920-е гг., пользуясь прозрачностью границ, корейцы устремились на советские территории. В 1926 году при проведении Всесоюзной переписи по всему Дальневосточному краю таких иммигрантов насчитывается 168 009 человек. В начале 20-х гг. в Приморье проживало примерно 50 тыс. корейцев, причем 67% из них являлись иностранными подданными. Это создавало для них и для местной администрации определённые трудности.

Первоначально советская национальная политика была для корейцев благоприятна. В 1925—1926 гг. открылись корейское отделение при Владивостокском госуниверситете, 138 пунктов по ликвидации неграмотности. В 1931 г. во Владивостоке открылся корейский пединститут с четырьмя факультетами. Работали также национальный учительский институт и педагогический рабфак с общим числом учащихся более 800 человек. В середине 30-х годов в Приморье на корейском языке издавались несколько газет, журналов. Во Вла-

дивостоке открылись национальный драматический театр и корейский музыкально-драматический театр.

В 1937 году властями была осуществлена тотальная депортация корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. К 25 октября 1937г. корейцы были выселены из всех дальневосточных районов. Общая численность депортированных составляла 171 781 чел. (36 442 семьи).

В результате этого корейцы потеряли не только свою новую родину на русском Дальнем Востоке, не только привычный уклад жизни, но также право говорить на родном языке, соблюдать традиции.

Лишь в середине 1950-х годов, после отмены ограничений в гражданских правах, корейцам было разрешено вернуться на Дальний Восток, но немногие воспользовались этим. Большинство корейцев оставались в Средней Азии, часть переехала в Центральную Россию.

В начале XXI века 20 тысяч корейцев проживали в Приморском крае, ещё 35 тысяч корейцев проживают на Сахалине. Корейцы Сахалина оказались на южной части острова между 1905 и 1945 годами. Они были завезены в качестве дешевой рабсилы японцами, оккупировавшими после победы в русско-японской войне Южный Сахалин. После освобождения Сахалина в 1945 году советские власти долгое время не могли решить, как относиться к корейцам. В отличие от выселенных поголовно японцев, сахалинские корейцы были угнетенным меньшинством, настроенным вполне просоветски. Долгое время сахалинские корейцы были лицами без гражданства, некоторые приняли гражданство КНДР. Лишь в конце 60-х гг. сахалинские корейцы стали гражданами СССР.

Зато на Дальнем Востоке появились «новые» корейцы из КНДР (Северной Кореи). В 1970-1980-е гг. на Дальний Восток в Хабаровский край стали привлекаться северокорейские лесорубы. Правда, все они жили в своих поселках, работали вахтовым методом и, отработав строго определённое количество времени, уезжали себе на родину.

В 1989 году в СССР проживали 438 тысяч корейцев.

Китайская иммиграция началась в 1870-е гг. и связана с привлечением китайцев на казённые работы. До 1878 г. действовал запрет китайских властей на перемещение населения за пределы страны из-за политики изоляционизма. С активным освоением русскими восточных территорий китайцев стали привлекать на сезонные работы в добывающей промышленности. В Приморском крае в 1890 году насчитывалось 6,2 тыс. человек, в 1894 г. — 9,4 тыс. человек. В конце 1890-х гг. их было уже около 30 тыс. человек. Всего числен-

ность китайцев на Дальнем Востоке к началу XX в. составляла 250 тысяч человек. В основном их привлекали сезонные заработки, поэтому прибывало втрое больше людей, чем оставалось в течение всего года на российской территории.

В отличие от корейской, миграция из Китая была в основном временной. Основу миграционного потока составляли отходники, прибывавшие в край на заработки. Мужчины составляли среди них 98%. Большинство из них к зиме возвращались на родину, некоторые оставались на 2—3 года. Постоянно в крае находилось до 80—90 тыс. китайцев. Многие китайцы проникали в край нелегально. Большинство не имели никакой квалификации и могли использоваться лишь в качестве чернорабочих, прислуги, затем шли мелкие торговцы, кустари-одиночки, огородники, охотники, искатели женьшеня; многие занимались рыболовством, добычей трепангов, крабов, моллюсков. Одной из самых многочисленных групп китайцев в Приморье были рабочие. К 1910 г. китайские рабочие уже составляли почти половину всех рабочих, занятых в разных отраслях в крае. Основная масса китайских рабочих (до 80%) была занята на строительных работах, а также в золотодобыче. Китайские иммигранты оседали почти исключительно в городах, образуя специфические китайские кварталы.

Китайцы, живя своей общиной, по существу были изолированы от русского населения и властей. В большинстве своем они были неграмотны и к тому же не знали русского языка. Характерной особенностью внутренней жизни китайской общины было создание легальных и тайных обществ и союзов. Китайцы жили по своим законам, не подчиняясь русской администрации. Весь Уссурийский край для удобства управления они разделили на округа, во главе которых стояли китайцы.

Обеспокоенные российские власти стали принимать меры по ограничению притока китайцев и интеграции китайцев в российскую жизнь. В 1883 г. был принят закон о подсудности китайцев русским судам. С 1885 г. был введён порядок выдачи китайцам специальных русских «билетов» (видов) на жительство в пределах Приморской области. В 1886 году был введён запрет на расселение иностранцев в приграничных местностях, а в 1892 году последовало лишение иностранцев права приобретения недвижимости в Амурской и Приморской областях. В 1897 г. на русском Дальнем Востоке было запрещено китайское самоуправление, и китайцы стали жить на основании общероссийских законов. Указом от 1910 года запрещалось использовать их труд на государствен-

ных предприятиях. Надо отдать должное администраторам Российской империи, которые постарались не допустить утраты Дальним Востоком своего русского этнического лица, не ссорясь при этом с Китаем.

В годы Гражданской войны многие китайцы уехали на родину. Впрочем, победившие большевики, при всём своём интернационализме, сохранили опасения царских властей перед китайской иммиграцией. В 1926 году китайцев на советском Дальнем Востоке было 72 тысячи человек. Во Владивостоке в те годы издавалось пять газет на китайском языке.

В 20-х гг. большевики проводили политику замены иностранной рабочей силы, поощряя реэмиграцию китайцев. К 1937 г. в Приморье оставалось около 10 тыс. китайцев. Именно они и подверглись в этом году поголовной депортации на родину. В 1938 г. китайская община прекратила своё существование на территории советского Приморья.

Сохранилась китайская диаспора в Европейской России, насчитывавшая 38 527 человек.

После падения Советской системы началось новое нашествие китайцев на российский Дальний Восток. В 1992 году начался безвизовый обмен между Россией и Китаем, который через два года был прекращён. Однако за 1992—1993 гг. число китайцев на Дальнем Востоке возросло примерно с 2 тыс. до 50—100 тыс. человек. Безвизовый обмен не был подготовлен законодательно и повлёк массу административных и правовых проблем. В 1994 г. был введён иммиграционный контроль, безвизовыми остались только служебные и туристические поездки. В условиях, когда граница уже не на замке, китайская иммиграция продолжается.

Точную численность китайских иммигрантов не может дать ни одно российское ведомство. Ясно только, что счет идёт на десятки, если не на сотни тысяч человек. Как и в своё первое пришествие, китайская диаспора представляет собой государство в государстве, подчиняясь только своим законам и своим лидерам.

Впрочем, есть и некоторые изменения в качественном составе иммигрантов. Помимо малообразованных мелких торговцев, ремесленников, чернорабочих и строителей, в дальневосточные районы из Китая устремляются представители крупных компаний, предприниматели и руководители предприятий, высококвалифицированные специалисты.

Однако всех китайских иммигрантов объединяет исключительно потребительский интерес к ресурсам Дальнего Востока. В сферу их интересов не входит развитие производ-

ства на Дальнем Востоке, они не намерены способствовать росту экономического потенциала России на её восточных территориях. Китайская сторона не ведёт прямого инвестирования в экономику Дальнего Востока и не проявляет активности в разработке каких-либо крупномасштабных совместных проектов на региональном уровне, а сосредоточивается на осуществлении программ, способствующих увеличению в первую очередь экспорта китайской продукции на российский рынок.

Но основная часть мигрантов концентрируется не на Дальнем Востоке, а в европейской части страны. По официальным данным, уже в 2005 г. в столице было занято порядка 150 тыс. легализованных и около 30 тыс. нелегализованных мигрантов из КНР. Достоверная статистика о численности китайцев, постоянно проживающих либо занятых сезонными работами в сельских районах, отсутствует. Считается, что общее количество китайцев, легально и нелегально проживающих в России, можно оценить в 400—600 тысяч человек. С одной стороны, это не так уж и много, учитывая, что в США китайцев 4 млн., в Канаде — полтора миллиона, Великобритании и Франции — по полмиллиона. Но эти страны не граничат с Китаем. Правда, проблемы у стран с большой китайской диаспорой весьма похожи.

Там, где есть три китайца, есть и «триада» — китайская мафия. В настоящее время размах китайской организованной преступности весьма велик, хотя из стремлений не портить отношения с важнейшим партнером БРИКС, российские власти не склонны приводить соответствующую статистику. Между тем, поразительное стремление идти навстречу китайцам (чего стоят одни предложения сдавать китайцам землю в аренду или нытье наших «экспертов» о том, что только китайские иммигранты могут восполнить демографический кризис в России) может быть объяснено только элементарным подкупом нашего чиновничества. Итак, на сегодняшний день китайская диаспора самая быстрорастущая и наименее интегрированную в русскую жизнь. Последнее, впрочем, относится вообще к китайцам во всем мире, которые живут в своих чайна-таунах, подчиняясь своим законам и своим начальникам, учатся в своих школах, производят, продают и потребляют изделия своих предприятий, и даже в последнее успокоение находят на своих кладбищах. Впрочем, именно замкнутостью китайской диаспоры, что вызвало по отношению к ней вполне справедливые подозрения, и объяснялись антикитайские меры российской администрации на Даль-

нем Востоке столетие назад и тотальной депортацией китайцев при Сталине. Но сейчас времена политкорректности и мультикультурализма...

Некоторые выводы

Как видим, иностранцы, навсегда связавшие свою судьбу с Россией, проживали в ней на протяжении всей истории. В основном иммигранты служили России честно. При этом в России отсутствовала какая-либо единая политика к иммигрантам. Приглашения колонистов в Новороссию и в Поволжье все же были проявлением частных случаев. Заметим, что власти предрежащие государства Российского все же относились к иностранцам с определенным недоверием. Наибольшее недоверие вызвали евреи и китайцы, и поэтому желание избавиться от этих диаспор было присуще всем правителям, независимо от политического режима и социально-экономической системы. Немцы считались абсолютно лояльными вплоть до объединения Германии под эгидой агрессивной Пруссии, В результате в царствование Александра III впервые началась некоторая борьба с немецким засильем. Впрочем, немцы есть немцы, и в подавляющем большинстве они были совершенно лояльны стране проживания. Именно лояльность самодержавию и привела к тому, что в советское время немцам пришлось испытать множество невзгод, в том числе и насильственную депортацию из Поволжья. Репрессии в отношении греков, ассирийцев, курдов, корейцев были просто произволом. Наконец, переселенческие диаспоры отличались также более высокой склонности к эмиграции.

И все же советские этносы переселенческого происхождения были весьма крупными по численности. В 1989 году в СССР проживали 285 742 511 жителей всех национальностей. При этом среди советских граждан были немцы (2 млн.), евреи (1млн. 378 тыс.), корейцы (438 тыс.), болгары (372 тыс.), греки (358 тыс.), цыгане (262 тыс.), гагаузы (197 тыс.), калмыки (173 тыс.), курды (152 тыс.), персы (40 тыс.), ассирийцы (26 тыс.). Фактически к переселенческим диаспорам, как уже отмечалось, относилась значительная часть армян, часть молдаван, переселившихся в российскую Бессарабию.

С другой стороны, примерно 60 тысяч мариупольских греков, прямых потомков античных переселенцев в Крыму, никак нельзя отнести к иммигрантам. Кроме того, весьма часто демографы к числу некоренных национальностей России относят также поляков и финнов. Но поляки в России вовсе не были иммигрантами, а просто российскими гражданами,

переселившимися из одной части государства в другое. Финны в подавляющем большинстве являются финнами-ингерманландцами, то есть жителями современной Ленинградской области, поселившимися здесь еще в XVII веке. Только некоторое количество советских финнов является потомками иммигрантов 20—30-х гг. XX века.

Политику в отношении иммиграции российские власти от Владимира Красно Солнышко до Владимира Путина проводили в целом очень осторожную и взвешенную. Привлекались специалисты, включая военных, крестьяне-колонисты, умеющие обрабатывать землю, и лишь в самом конце XX века — гастарбайтеры для работы на заводах. Причем трудно увидеть в этих интуитивных действиях какую-то определенную политику, ведь даже приглашение немцев в Поволжье было разовым действием. Сам факт отсутствия в российском законодательстве во все эпохи четкого определения иммигранта и его правового статуса является тому подтверждением.

И все же в определенные моменты истории представители пришлых этносов неожиданно получали в России огромное значение. Правда, в основном на очень короткий срок. Это происходило тогда, когда властям предрешавшим срочно требовалось некоторое квалифицированное меньшинство, способное проводить в жизнь мероприятия, идущие вразрез с мнением этнического большинства. Такими квалифицированными меньшинствами были в Московском государстве в XV—XVI веках татары, когда многочисленные «царевичи» из обломков Орды поступали «под высокую руку» царя и были его опорой в деле «собираения земель». Таким же меньшинством были немцы в период петербургской империи. Большевики в первые два десятилетия свой власти откровенно опирались на евреев, из которых состояла основная масса совслужащих, и латышей, «специализацией» которых были армия и карательные структуры. Впрочем, в конце 30-х гг. Сталин основательно зачистил старую советскую элиту из меньшинств, за что до сих пор его так ненавидят разные «общечеловеки». Заметим, что тогда же из СССР были выдворены опасные диаспоры типа китайцев, а между 1937—1949 гг.; практически все диаспоры были переселены из пограничных территорий в глубь страны. После Сталина какая-либо осознанная политика в отношении иммиграции оставалась традиционной, то есть отсутствовала как таковая.

Единственный раз, когда проводилось целенаправленное привлечение иммигрантов, — были «дикие 90-е», когда правительство Ельцина, естественно, по рекомендациям своих

американских советников, делало все, что бы подорвать этническое единство исторической России. С этой целью намеренно были созданы условия по «выталкиванию» из России специалистов и ученых, которым создавали невыносимые условия дома при пропаганде выезда за рубеж; социальная политика работала на истребление населения не хуже гитлеровских зондеркоманд, одновременно были брошены на произвол судьбы десятки миллионов русских по крови или по языку и культуре людей в т.н. «ближнем зарубежье». При этом широко были распахнуты двери для прибытия в Россию людей чужой культуры. Расчет делался на «замещающую иммиграцию», призванную заменить испорченное великим прошлым и социализмом население. Для выкачивания сырья вполне можно было использовать гастарбайтеров, жить наши олигархи надеялись где-нибудь в «цивилизованных странах», и поэтому для недопущения возможности русского реванша и ввозились чужеземцы.

Кстати, не надо думать, что эти проблемы были только перед Россией. Заселение стран Европы огромной массой пришельцев со всех материков, «латиноамериканизация» США, однозначно свидетельствует о том, что сильные мира сего стремятся подорвать сопротивление глобализации в самих западных странах именно путем замещающей иммиграции. Заметим, что основная масса пришельцев в странах Запада вовсе не гастарбайтеры, то есть рабочие, а лица, живущие на пособия, то есть, в конце концов, сидящие на шее местного коренного населения. Заметим, что массовая безработица вовсе не останавливает поток цветных иммигрантов в Европу, а власти, вместо поощрения рождаемости коренного населения, ведут борьбу за «права» извращенцев.

Россия, к счастью, в отличие от многих стран Европы, в иммигрантской проблеме не достигла «точки невозврата». Коренное население преобладает абсолютно. Но это не значит, что все в порядке и ни о чем не надо беспокоиться. В начале XXI века проблема иммиграции и иммигрантских этнических диаспор стала одной из важнейших проблем бытия России как страны.

ЗЁРНЫШКИ

ЗЕМЛЯ РАЗБЛИЗИЛАСЬ

Пока в парикмахерском кресле матери делали причёску, её сынишка не знал, куда себя деть. Стулья, на которые его посадили, вскоре надоели. Он и ложился на них по-всякому, и залазил между ножек, и позволял себе в обуви взбираться на мягкие сиденья и прыгать оттуда. Но тут вошла незнакомая женщина. Он так обрадовался ей, что вмиг примостился рядом и заговорил:

— Безблатный сыр бывает в сыроловке.

Усмехнувшись, женщина поправила:

— Бесплатный. От слова плата, платить.

— Нет, безблатный, — упорствовал мальчишка.

— Тогда что ж такое блат?

— Ну, это когда свои.

— Хых... Впрочем... — Но договорить ей не довелось. Мальчишке не терпелось высказаться самому:

— А дядя Сеня «Мерседес-джип» купил. Бээмвэшку разбил, ремонтировать не стал. У него деньги куры

ПРОЗА

кляют... Мы ходим вокруг дома, у нас во дворе земля разблизилась, трубы будут укладывать... А маме дядя Сеня «мерина» подарил.

— Лошадь, что ли? — поинтересовалась женщина.

Фи, лошадь! — рассмеялся мальчишка. — «Мерседес шестисотый». А вы что, не знали, что его «мерином» называют?.. Все знают, а вы почему-то не знаете? — продолжал он удивляться.

— Хороший у вас родственник.

Родственник — а это кто? — вытаращив глаза, озадачился собеседник.

— Вот ты говоришь «дядя», значит, мамин или папин брат, — объяснила женщина.

— И опять вы ничего не знаете! Дядя Сеня — мамин друг. Он нам квартиру купил. Мы жили с бабушкой, а он...

Мать тут же его окоротила:

— Вла-а-дик! Разболтался!

А парикмахерша, обернувшись, спросила у женщины:

— Вы ко мне по записи?

— Какая еще записка? Вижу, вывеска, вот и зашла постричься.

— С улицы я не принимаю.

Женщина в недоумении замешкалась. Последовало напутствие парикмахерши:

— Здесь тебе не парк отдыха... Расселась...

Женщина потом долго шла по городу. Она уже не глядела ни на какие вывески. Лишь время от времени бормотала себе под нос: «Земля разблизилась... Разблизилась...».

ИГРА В «КЛАССИКИ»

Блаженная теплынь. Распахнуты окна. В черёмуховой мари бражничает душа. Хочется всего на свете. Хорошо. Слышно, на асфальте дети играют в «классики». Им тоже хорошо. Но наше, взрослое, «хорошо» их не волнует. Они настроены на игру. Давно скрылось солнце, а день уходить не желает. Вечерет медленно, незаметно. И детские голоса, и эта весенняя благодать кажутся неразделимыми, существующими друг для друга.

Вздрагиваешь, когда вдруг врывается крик: «Дура! Кто так толкает?.. Дура, ты шёчкой, не носком туфли, шёчкой! Вот, дура, заронила!» Нравоучения продолжают, куда-то деваются все лишние слова, остаются лишь эти: «Дура!.. Дура!..» Уже не слышно девчоночьих прыжков. И «классик» — пус-

тая баночка из-под сапожной ваксы — не издает своей жестяной песни, из клетки в клетку не уводит за собой ловкие детские ножонки. «Дура!.. Дура!..» — Лиза, девочка из восьмого подъезда, явилась учить сверстниц, как, по её мнению, нужно правильно играть. Разумеется, никакой игры уже нет, идет учёба.

Вот уже и настоящая ночь воцаряется. В темноте властный женский голос зовёт: «Ли-и-за-а! До-омой!»

Наступает долгая тишина, будто жизнь навсегда кончилась.

Эх, Лиза, Лиза: сама не поиграла и другим не позволила.

А может, и мы, взрослые, вот также играем в «классики», не живём без оглядки, а только учим себя и других, как надо жить.

САГА О ГРАЧАХ

Лишь на двух тополях колония грачей многоэтажно и вприпрыжку понастроила уйму гнезд. Поблизости росли такие же тополя и прочие деревья, гожие для гнездовья, однако чёрным крылатым поселенцам они чем-то не приглянулись. Хотя было время, когда грачи обживались всюду. А вот второй год кряду по какому-то птичьему уговору выбор был ограничен только этим местом.

И всё-таки случилось нарушение. Колония уже выхаживала галдевших крикливых птенцов, а какая-то грачиная пара в одиночестве решила обзавестись гнездом на совершенно свободном тополе. Вскоре началось насиживание кладки. Грач-хозяин подолгу отсутствовал, занимался добычей. Когда он прилетал, усаживаясь на ближайшие ветки, грачиха вставала с кладки, выпрыгивала на край гнезда, как в полете, расправляла крылья, в передышке освобождалась от перегрева. Уж чем там, но грач подолгу кормил её, будто малого будущего грачонка, из клюва в клюв.

А за нарушением последовало крушение. Грачи тучей налетели, подняли невообразимый гам. Дескать, ишь вы, вы делились, единоличники, сами себе хозяева. Натё вам! Живите как все!... Хватило мгновения: порушили, раздергали гнездо. Земля под деревом окрасилась кровавым месивом насиженных яиц.

Но этим дело не кончилось. Через несколько дней грачиная пара понесла ветки для строительства гнезда уже на другом дереве, ещё более удалившись от общего скопища. Печально лишь, что лето было на исходе.

ЧТО ТАКОЕ КОЛХОЗ?

Внучка-школьница, встретив в книжке незнакомое слово, спросила бабушку:

— А что такое колхоз?

— Ну, это когда объединяются. У одних есть корова, у других козочка, у третьих лошадка — вот их и объединяют. Совместно за ними ухаживают, каждый может пить от коровы и от козы молоко, а на лошадке пахать общую землю.

Восхищенная ликующая внучка бежит к деду:

— Дедушка, представляешь, колхоз — это когда чью-то козочку и чью-то коровку объединяют. Молоко пей — хочешь, козье, хочешь, коровье. И лошадка общая.

Долго не мудрствуя, дед внёс свои коррективы:

— Сперва отбирают, потом уж объединяют. К примеру, твоего попугая Прошку, а у кого-то есть кошка или хомячок — вот чтобы с ними могли играть все кому захочется, их нужно поначалу отобрать.

— Фиг! Фиг! Прошечку никому не отдам! — взбунтовалась внучка.

ЖАРКИМ ДНЁМ

Давно было. Не только на городских улицах, но и в помещении железнодорожного вокзала появились чудо-автоматы. За небольшие копейки поили они жаждущий люд газированной водой.

Не чуя под собой ног после долгих магазинных очередей, с приобретенной поклажей в мешках к пригородному поезду прибрели две сельские молодухи. Молодухи этикие курбастенькие, основательно упитанные. Несмотря на жару, на каждой из них сыто, по живому лоснились теплые плюшевые кофты, должно быть, купили и на радости не захотели упрячивать их в мешки к прочему хозяйственному чебур-хобуру. На головах поверх платков этажами высились кепки-восьмиклинки: своим мужикам, братьям, деверям, малым сорванцам — не частая обнова на смену закожанелым от давней носки бессменным картузам. Проходя по вокзалу в поисках, где бы можно было на время притулиться, а то и присесть, заинтересовались диковинным самобранным измышлением.

— Хрость, читай, што там написано.

— Дак с сиропом три копейки, без сиропа одна копейка.

— Ну, мы с тобой не барыни, штоб с сиропом. Давай без сиропа.

Выпили по граненому стакану и замерли, прислушиваясь к упругому колкому духу, заполнившему все дыхание.

— Мань, давай либо ишшо по стаканчику?

— Ды не, Хрось, будя. Она ж на газу, ишшо разорвётъ.

СОВЕСТЬ СПАТЬ НЕ ДАСТ

После недавнего ремонта вновь отказал электроприбор. Мастер, ранее чинивший его, всполошился и тут же приступил к обследованию. Уяснив, в чём дело, сообщил:

— Моя вина. Исправлю.

— Что ж вы так откровенно, — удивился клиент. — Могли бы что-нибудь иное придумать.

— Совесть спать не даст, — сухо ответил мастер.

Вот бы нашим правителям да такую совесть.

ГРЕХ — ДУМАТЬ ПЛОХО

В трамвае подростки о чём-то шумно говорили, и уж очень подозрительно обступив старушку, не отходили от неё. Потом она хватилась денег и заплакала. Не удержался, стал совестить ребят: это ж они опростали бабушкин карман, не зря же поблизости вертелись. Слава Богу, нашлась пропажа! Деньги обнаружили за пазухой, старушка думала как лучше, спрятала подальше — и забыла.

Выхожу из трамвая, а там оказываются те же ребята. Направляюсь домой, ан нет, дорогу мне преграждают. За навет грозят расплатой. Обращаюсь за помощью к прохожим и слышу: «Никто тебя не защитит».

До расплаты дело не дошло: вовремя проснулся.

Ба! Да это же не просто сон, а вешее указание. Купил как-то арбуз и пока дома не взвесил, думал, что меня не меньше чем на полкилограмма обманули. За арбуз, однако, не взяли ничего лишнего, а в душе стало сумрачно, и покупка уже не радовала.

Теперь вот последовало разъяснение моему поступку. Грех к людям нехорошо относиться, и не меньший грех — думать о них плохо.

НА ПРИВЯЗИ

В колхозе внедряли модный хозяйственный приём: на бригадный подряд отдали полторы сотни телят и целое клеверное поле. Снабдили немалыми финансами.

По полю были забиты колья, и телята оказались на привязи. Думалось: ладно, кончится клевер на одном месте, перебьём кол на другое — и вся забота. По осени останется лишь суммировать привесы и посчитать прибыль.

Но пока проматывали финансы, про телят не вспоминали. А они в кругу, насколько дозволя верёвка, съели всё до последней былинки, с землёю пополам выгрызли паутинки корешков. В предсмертных муках, лёжа, из последних сил высунутым языком тянулись к зеленому цветущему клеверу, на который почти у самого носа садились весёлые беззаботные птички. Среди оазиса привязь обернулась лобным местом.

Сдаётся, многие из нас тоже на своеобразной привязи. При окрестном вроде бы родном богатстве мы посажены на мизерную пенсию: околеть не околеешь, но жизни невзвидишь.

СТОЯ НА КОЛЕНЯХ

В далеком от Москвы областном центре проводилось большое писательское мероприятие, на котором главным «генералом» был популярный литературный мэтр. В президиуме он показался ненадолго. И к этому отнеслись с пониманием: накануне он перенёс тяжелую операцию. С пониманием отнеслись и к тому, что уезжал он раньше времени. В таком положении долгая командировка — не под силу.

Полностью было оплачено купе «СВ», пошли навстречу его желанию — ехать без попутчика. Попрощаться с ним перед дорогой явился областной писательский начальник. Как и подобает провинциалу, в дверь он постучал тихо, просительно. Постоял, подождал и напомнил о себе уже погромче. Затем решился: открыл дверь. И чуть было, не наступил на московского гостя.

Купе было завалено коробками, громоздкими бумажными упаковками. Стоя на коленях, хозяин купе вскрывал очередную коробку, вынимал оттуда хрустальную вазу или салатницу, внимательно оглядывал, аккуратно возвращал в коробку и опускал в открытый рундук. Местный хрустальный завод, судя по всему, не досчитался многих своих музейных экспонатов. Областное начальство не устояло перед знаменитым литератором, одарило по-царски.

Провинциальный писательский начальник незаметно задвинул дверь на место. А, сойдя на землю, в первой же забегаловке мстительно напился.

В том же месяце центральные газеты сообщили, что после тяжелой болезни скончался имярек. Под некрологом подписи самых известных в стране людей.

Господи, прости нас.

РАССКАЗ ШОФЕРА

Аж в самую Москву пригнал машины на ремонт. Мастерские в центре, на виду у Кремля. А очередь... Передо мной ярославские шофера вторую неделю «загорают» без движения, смеются: «Снимай квартиру и на полгода перевози семью». На проходной не пускают: «Приема нет. Запись через десять дней». Говорю: «Да мне не по поводу ремонта, мне к главному инженеру». «А-а, к Виталию Григорьевичу?».

На третьем этаже отыскал кабинет этого самого Виталия Григорьевича, зашел. Он роется в ящиках стола и оттуда гудит: «Записи на ремонт нет...» В общем, известная песенка: занимай очередь и жди. Ну, а я этак, между прочим, завел свою песню, мол, приехал не абы откуда, а со спиртзавода. Гляжу, голова появилась над столом, и взгляд явно заинтересованный. Достаяю две фляжки, специальные такие, чтобы под одеждой незаметно прилегали к телу, в каждой по три литра. Прошу инженера дать пустую посуду. Кстати, в ящиках, в которых он рылся, нашлись бутылки, куда и слил спирт. «Завгару, — спрашивает, — найдется?» Отвечаю, что и завгар в обиде не останется. Не прошло и полчаса, как мои машины стояли уже в боксах для ремонта.

Как и велено было, приехал через пять дней. Пока по точкам разнес спирт, пока оформил документы, машины мои успели покрасить и просушить. Надо же, без меня не красили, ждали, чтобы я собственноручно колер выбрал.

ТРОХЫМ

Трохым, начальник пионерского лагеря, лег спать. А снаружи сильно шумел пионерчик. Жена послала начальника утихомирить непослушного пионерчика. Вышел Трохым, держа в руке собранные на боку трусы:

— Ты шо горканыш? У-у, идиёт, — поднес руки к носу пионерчика.

Трусы опали наземь.

— Звиняйтэ, — кивнул он в сторону столпившихся воспитательниц. А пионерчику отпустил подзатыльник: — Сгинь вид мэня.

КОЗОЧКА И КОЗЁЛ

Пока работал, все откладывал свою задумку. Случилось несчастье: заболел — и с первой же пенсии купил молочную козочку на завод. Как малого ребенка, выпоил из соски, приспособил к душистой травке, к зеленому листику, боясь авитаминоза, кормил тертой морковкой.

Выросла козочка. Радовала неугомонными проказами. А то вдруг сникла, отказываясь есть, жалобно блеяла. Догадался, в чем дело: привез в багажнике козла. Выпутал его из мешка, поставил на землю. А он озверел да и только, как саданул ее рогами под бок. Козочка закувыркалась по двору, самостоятельно подняться не смогла. Еще один такой удар — и, пиши, пропало. Спрятал ее в вольер. Железные сетки по бокам и сверху от коршуна и от сорок берегли куриные выводки, теперь вот годились для козочки. Забилась она, бедняга, в дальний угол, дрожит, словно перед убоим.

Сын в отпуск из армии прибыл, собрался пойти к товарищам погулять, пришлось провожать до ворот. Козел набрасывался на него, как на врага, и хворостины не боялся. Вернувшись домой, сын ползком по крыше добирался до крыльца, так как у калитки был сбит с ног.

Поутру картина не изменилась. Козочка по-прежнему жалась в углу от страха, за ночь глаз не сомкнула. Козел носился по двору, никого из домашних за порог не выпускал. От греха подальше, вынужден был срочно увезти его.

Хотите — верьте, хотите — нет, но козочка наша принесла трех козляток: двух девочек-красатулечек и мальчика, сорванца в папашу.

ПОЯСОК ИЗ МАМИНОГО СУНДУКА

За время войны мамин сундук опростался до испода: что сами сбыли в обмен на съестное, что прилипло к чужим рукам. Семь месяцев без хозяев — стоял фронт, немцы на топку полхаты сломали. Приходится удивляться, как это еще сундук остался цел. Среди немногих вещей сохранился и старинный поясок. Три красно-желто-синих шерстяных полоски, обшитых сверкающим разноцветным бисером, производили небывалое впечатление. Будто недосягаемую, небесную радугу каким-то божественным образом из горней выси опустили прямо перед тобой для близкого разглядывания и душевного любования.

В сундук имела доступ только мама, она даже взрослых моих сестер туда не пускала, обо мне и говорить нечего. Но и в закрытом сундуке, стоило лишь подумать, тот волшебный пояс перед глазами без труда предстал живым игристым ручейком. Несмотря на то, что место расположения его нередко менялось, на спор я мог бы даже сказать, тугим или рыхлым колечком он свернут и в каком углу находится в данный момент.

Пояс мама берегла, мне позволяла разве что подержать его в руках, когда ей зачем-нибудь приходилось лезть в сундук. Чтобы обрядиться в пояс — и речи не было. Но как-то мама всё же сжалась надо мной.

— Потеряешь, домой не приходи, — напутствовала она и поверх рубахи дважды обернула меня пояском, чтобы махровые концы лишком не болтались. — Батя-покойник, царство небесное, никуда больше, только в церкву по праздникам надевал, а ты вот — на побегушки. Ох, Господи...

Вначале то и дело спохватывался, нащупывая пояс, боялся не обнаружить его на месте. Затем — как отрубил. Вспомнил о нем, когда вернулся домой. Лап, лап — а пояса нет. Рванул из хаты да бегом по дороге. Из школы шел, валтузился с ребятами, точно где-нибудь обронил. Лишь бы никто не подобрал, а от меня он никуда не денется, как миленький, найдется. В прошлом году, когда еще шла война, вот так же пришлось искать утерянное школьное перышко для ручки. Брат с Дальнего Востока прислал мне его в письме — военном треугольнике. На обструганную палочку привязал его нитками, и этой ручкой, макая в чернила, я с друзьями учился писать первые слова. Тогда по дороге трава росла побольше теперешней, и то углядел пропажу. А пояс — не палочка с перышком, пояс — вон какой, не тут-то ему затеряться.

Но нынешнее искание оказалось тщетным. Трехкилометровую дорогу прочесал несколько раз — все без толку. Под вечер решил прекратить поиски. Пока с работы никто еще не пришел, забрался на печку, с глаз подальше, надеясь побыстрее заснуть и отодвинуть суровое неминуемое объяснение. Как же я жалел, что не знал ни одной молитвы, шептал лишь отдельные обрывки из божественных маминых причитаний. Молитвенные слова перемешивались с жалостью к маме, как она, бедняга, будет переживать неожиданную потерю. То, что мне достанется мокрой веревки — не в счет, заслужил. При немцах в оккупацию пояс уцелел, дороже и красивее вещи у мамы не было — и на тебе, родной сын хуже врага оказался.

Тревога разбудила меня чуть свет. Скоро мама начнет растапливать печку, и настанет мой час расплаты. Наверное,

лучше будет, если незаметно лыгнуть из дома, где-нибудь проболтаться день, а там — что Бог даст.

Спал я всегда неугомонно, старший брат нередко вынужден был будить тумаками, когда от моего брыкания иного сладу не было. И в эту беспокойную ночь я умудрился вывинтиться из рубахи, голяком лежал на почти остывших кирпичиках. Стал одергивать рубаху и пальцами наткнулся на жесткий жгут на животе. Не вздрогнул, не сообразил сразу. И нехотя, лишь бы удостовериться, что там мешало, заглянул под рубаху.

— И-и! — по-звериному взвыл от радости.

Брат испуганно сел рядом:

— Что? Что? — до конца не проснувшись, бормотал он.

А мне теперь было все нипочем, потому и ляпнул, не задумываясь:

— Кирпичи... обжегся.

— Чё брешешь, печь холодная, — не раскрывая глаз, брат повалился на подушку.

ЖИТЬ ХОЧУ

В три года девочке предлагали операцию на сердце. Мать была категорически против: «Резать не дам».

В четырнадцать лет об операции речь уже не идет: девочка при смерти. Мать в слезах:

— Доченька, родная моя, прости. Это я тебе жить не дала... Прости, доченька.

А девочка в ответ:

— Это ты меня прости. Это я тебе жить не дала: со мною всё по больницам и по больницам.

Прощались несколько часов.

Врач подошла со шприцем. Мать затрясла головой:

— Не нужно. Зачем ей мучиться?

Девочка открыла глаза:

— Нет, мамочка. Пусть делают все, что нужно. Я жить хочу.

ОТКУДА ЧЕЛОВЕК БЕРЁТСЯ

Жорик, не отвлекаясь, просмотрел телевизионную передачу о наследственных заболеваниях. Что-то он понял из профессорских рассуждений, так как заважничал перед матерью:

— Я теперь знаю, откуда человек берется.

Мать, занятая стиркой, подумала, что он увидел какую-нибудь недетскую сцену, и с опаской спросила:

— Ну и откуда же?

— Из клетки, — гордо ответил сын.

— Из той, что ли, где хомячок сидит?

— Нет, из другой, из малюсенькой... Когда хромосомы перепутают, можно заболеть. А когда не доложат хромосомы, в нормальную школу не возьмут. Мам, а меня в нормальную школу примут?

— Примут, примут, — и сына, и себя успокоила мать.

РАССКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РАЙИСПОЛКОМА

А у лесничего, надо сказать, и собака же была! Бурды седые, сама ширококорылая, громадная. Случись, не только волка, но и быка завалил. На моего предшественника похожа.

Когда съезжалось начальство, волкодав служил навряде пропускного бюро. Становился у двери и, словно для своей собачьей бухгалтерии, считал гостей. Компанию он знал, никого не трогал. Если кто оказывался у лесника впервые, следовал спокойный хозяйский наказ: «Свой!» И этого было достаточно на все времена.

Однажды завсельхозотделом щелкнул псину по носу. Лесник выставил на стол вареных раков. Собака вела себя невозмутимо, но стояла вблизи, не сводила со стола глаз. Завсельхозотделом шаловливо и тюкнул ее щелчком. Тогда она никак не отреагировала.

А через год чуть не загрызла своего обидчика. Я же говорю, на моего предшественника похожа.

ВРЕМЕНА ЧЕЛОВЕКА

Ребёнок времени не ощущает. Он пребывает в собственных физиологических потребностях. Время, как таковое, находится где-то позади, там ждёт своего часа, пока же его вроде бы и не существует.

Первые сигналы от него начинают поступать в юности. Но оно всё ещё далеко за спиной. А так хочется ускорить движение, оказаться за далёким, как вечность, порогом восемнадцатилетия, ведь взрослые чего только себе не позволяют, а ты не смей, ты в ежовых рукавицах родителей и учителей.

Ну а у взрослого времечко рядом. Живёшь необременительно, и любой груз — по силе. Идёшь и идёшь, зная, что не

собьёшься с шага. И окружают тебя сплошь свои, почти что родные люди.

Затем настает период, когда вдруг замечаешь: время отдаляется, как бы за него не хватался, оно убегает вперёд уже с незнакомыми, в сущности, чужими для тебя людьми.

...А по осени, будто снова в детстве, на огородах спокойно дымят соблазнительные костры, далеко и сладко пахнет палой ботвой. Над утомлённой рожалой землёй в просветленном воздухе в вечность плывут голубые заманчивые дали...

Господи, Ты отпустил мне короткое время, и оттого, должно быть, позволил так остро полюбить жизнь.

ПЕТУХИ С ОБМОРОЖЕННЫМИ НОГАМИ

Среди немногого, что в памяти сохранилось об отце, — два эпизода долго и на все лады смаковались на хуторском таборе.

На базар отец вывел продавать корову. Явился какой-то мужичок — и давай куражиться. То вымя маловато, то рога слишком остры, то шерсть давно скобёлки не видала. Вошёл в раж вплоть до того, что и коровьи копыта чем-то не понравились. Явно с издёвкой спрашивает у отца:

— Ну, а молока на забелку хоть даёт?

Отец в долгу не остался:

— И так съешь.

Получив достойный ответ, незадачливый купец нырнул в толпу, мол, я не я, и хата не моя.

В другом случае отец «разыграл» деревенских баб. Сидел он, сапожничал. По какому-то поводу две женщины зашли в хату. О чем-то покаялись с мамой и наладились уходить. А отец, не поднимая глаз от своих сапожных дел, как бы между прочим, вроде бы безадресно сообщил:

— Из Воронежа в Германию гонят курей. Курочки еще ничего, вынесли дорогу, а петухи, как один, лапы обморозили. Холода-то — вон какие. И путь — неблизкий, дён десять ходу, не меньше. Нынче остановились на Красном хуторе, тех-то петухов раздадут бесплатно, не пропадать же добру. К вечеру, а может, завтра с утра погонят курей дальше, надо спешить в Германию. Задержка, считай, из-за квелых обмороженных петухов.

Бабы наострились:

— Ой, Коляй, ты и сбрешь — недорого возьмёшь.

— Чё мне брехать? Вот обтяжку кончу, мешок в подмышку, и сам помчусь, — отец набрал в губы щепоть кленовых гвоздей и торопливо принялся прибивать на колодке кожаную обтяжку.

Мама пока совестила отца да пока догадалась сказать бабам про розыгрыш, те уже немалым гуртом оказались в поле и далеким клубком катились по снегу. Запыхавшись, еле догнала их. Да еще труда стоило разуверить баб в неправде.

ЧЕЛОВЕК С ПОМОЙНЫМ ВЕДРОМ

Нередко услышишь: «А Иван Иваныча — того... Попрут с должности, вроде хапнул слишком много». Или: «Ты уж смотри, никому не говори, я тебе — по секрету: Николая Петровича скоро уйдут, вот увидишь... Ну и что, что только выбрали. Он же алкоголик, приглядишься, харя всегда пьяная». Или: «Эта Софья Лазаревна изображала из себя благородную, кто бы подумал, что при живом муже...» В ловких руках подобный пасьянс раскладывается легко, косточки перемиваются с наслаждением. Человек с помойным ведром неистощим на варианты и чувствует себя истым праведником. Под шепоток плеснуть в спину нечистотами, под любым видом запустить гадкий слушок — его и мёдом не корми, благо, помойное ведро всегда при себе, а зловония более чем достаточно, надолго и на всех хватит.

Не без греха, иной раз не заметишь, как и сам воспользуешься помойным ведром. А всего-то и нужно: сообщили тебе гадость, похорони её тут же, не заражай других.

УСЮДУ МУЖИКИ...

По телевизору мама смотрит чеховского «Егеря». В свои сто лет всё, что она видит на экране, воспринимает буквально, невыдуманно, словно это происходит где-то рядом, не дальше соседней квартиры по лестничной площадке. А там, на экране, куражливый мужичонка изгаляется над женщиной. Не замечая гадких слов в свой адрес, женщина с раскрытым жаждущим сердцем подступает к суженому в поисках хоть какого-то отзвука на человеколюбие, но все тщетно... Мама плачет:

— Усюду мужики над бабами издеваются.

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

Будучи студентом, ездил на целину в Казахстан убирать урожай. На заработанные деньги впервые в жизни купил себе наручные часы. И надо же, разбил стекло.

Получив отремонтированные часы у словоохотливого пожилого еврея, обнаружил, что стекло свободно вращается, значит, и пыль, и вода внутрь проникнут за милую душу. Попросил:

— Стекло маловато, смажьте хоть клеем, часы ведь пылевлагонепроницаемые.

Часовой мастер безропотно крутнул по периметру стекла обмакнутым во что-то пальцем и, глядя на меня поверх очков, сказал:

— Запомните, молодой человек, если я вам хорошо сделаю, вы ко мне со своими часами больше не придёте. А без работы оставаться я не хочу.

Услышанное откровение, помнится, поразило меня. А потом пришлось привыкнуть, так как каждый день встречаешься с вещами, исполненными по тому самому рецепту.

ДЕД ГУРЕЙ И КОТ МАТЮША

У деда Гурей и у кота Матюши стариковский возраст. Гурей трудно ходить, по собственной охоте он бы порой с места не тронулся. В лучшем случае вынес бы табуретку на волю, часок-другой посидел на солнышке, если бы не Матюша. Кот, бывало, нагуляется ночью — недосуг поесть илилизать рыцарские раны, валится в молодецком сне. А теперь, когда отпала тяга к ночному баловству, взял изноровку булгачить чуть свет. Будто от боли, что есть мочи, такой мятеж устраивает, что не до сна, от тревоги впору хвататься за нитроглицерин. Дед Гурей попробовал как-то переждать, авось Матюша побуйствует и уgomонится. Куда там уgomонится, орал часа два, словно заведенный, пока у деда не сдали нервы. С тех пор перестал противиться: кота не переборешь. Стоило встать с дивана, как хитрован Матюша оказывался в углу около удочек, тем самым, давая понять, ради чего понадобилась эта побудка. Пока в ногах не было сбоя, кот у деда был вроде компаньона: один ловит, другой употребляет. Пристрастил к рыбе, а теперь рад бы на попятную, да кто научит, как это сделать.

Когда удочки оказываются в руках у деда, Матюша тут же затихает, мол, к чему теперь гвалт. И до калитки неотступно следует за Гуреем. А тот с раздражением бурчит:

— Бандит... С тобой и в гробу покоя не будет.

В открытую калитку кот вышмыгивает между дедовых ног, но получает окорот:

— Ты-то — куда?... Жди дома. За хозяина оставайся ... Через дорогу не ходи: машины носятся, нето собьют, ты теперь такой же, как и я, без внимания.

Дедовы слова кот будто и впрямь понимает: хоть и без желания, однако разворачивается и идет в глубь двора. Хвост, дыбырком вверх, что сухая палка, не шевельнется.

— Ишь, недоложен бандит, — усмехается Гурей и успокоенный отправляется на промысел.

Вдвоём оно бы веселей было, но кот в последнее время стал помехой. Самому обуздать десяток шагов, что в гору подняться, а тут он то и дело садится, жалобно мяучит: останавливайся, жди, пока к нему вернуться силы, или, что ещё нагляднее, бери на руки.

...С рыбалки Гурей возвращался, неотвязно думая, как бы этот поход не стал последним. И на берегу пробыл вроде не дольше обычного, а ухондокался без меры. Словно чужие, груженные ноги переставлять мочи не было.

А Матюша встретил деда далеко от дома. Надо же, не побоялся, пересёк и дорогу с машинами, и парк перед школой, где полно шкодливой детворы, всегда норовившей хоть что-нибудь да швырнуть ему вслед. Кот перед дедом возник до испуга внезапно. В нахолодавшую дедову грудь будто кпятком плеснули. От внезапного тепла, от непривычно приятной боли слёзы застлали глаза:

— Бан-ди-ит... Ры-ы-бки хочешь... Есть, есть рыбка. Набузуешься вволю.

Гурей заторопился. Отвыкшие от спешки старческие ноги запутались, заскоргыкали на ровном месте. Но затем шаг сам собою наладился, и всё внимание теперь направлено было на то, как Матюша, следуя позади, лобышкой подталкивал деда в пятки, дескать, не тяни время, сколько еще ждать твою рыбку.

НАКОНЕЦ-ТО ПОВЕЗЛО

Цыганисто-смуглый, непоседливый дедок Никишка Смоляной за лето усыхал до явственных костей. А необутые его ноги с потрескавшимися пятками не страшились ни навозной хляби, ни колкой стерни. Над ним подтрунивали: мол, дед экономит на обуви — глядишь, скоро на манер ребятишек без штанов станет бегать. Никишка сверкал радостными глазами:

— Сказано, человек создан из праха, стал быть, из земли. Чего ж я буду от той-то земли отгораживаться?.. А ноги — что ноги? Помыл — и все дела.

Босым он ходил от снега и до снега. Чем всегда удивлял сельчан. А тут, что называется, выпрыгнул из себя: бросил

свою бабу, ушёл к другой, такой же по возрасту старухе. По этому поводу кто над ним только не издевался. А Никишка, словно радовался каждой подковырке, всякому по-детски наивно объяснял:

— С прежней бабушкой прожил пятьдесят лет с гаком. И что видал? Ей коли хорошо, коли плохо — все молчком. И не знаешь: не то жарко, не то холодно. Как на том свете. А теперь я хоть всласть поцеловался.

ПЕТУШИНАЯ СЛЕПОТА

Давние пенсионеры при встрече разжалобились.

— Замучила гипертония.

— А у меня, если б одна твоя гипертония, а ещё и мерцалка.

— Геморрой.

— И у меня.

— Дивертикул.

— И у меня.

Чем богат один, то и у другого в избытке. Соревноваться можно долго: хворей накопилось, что годов за плечами.

— А ещё признаюсь, у меня склероз всего организма, — уж после этого, казалось, крыть нечем.

Но замешательство продлилось недолго, у напарника в глазах засверкала не окончательно угасшая дерзкая плоть:

— Петушиная болезнь...

— Куриная слепота, что ли?

— Не-э, не куриная. Петушиная слепота. Это когда петух куриц не замечает.

Такой поворот в разговоре собеседник воспринял как личную обиду:

— Думал, ты о серьёзном, а ты, словно мальчишка.

Он сплонул в сердцах и, не подав руки на прощанье, ушёл решительно, будто навсегда.

ТЫ У МЕНЯ ПОЛУЧИЛСЯ

Работавший в команде скульптора Вячеслава Клыкова Владимир Русаков рассказывал, как ездил повидаться с умирающей бабушкой. Родственники при живой ещё старушке в открытую заняты были дележом наследства. А он в барахольной оргии не участвовал. Бабушка напоследок сказала: «Вова, ты у меня получился». После похорон взял себе лишь семейную икону, на которую никто из родственников не позарился.

НАШЛИ В КАПУСТЕ

Бабушка наблюдает с балкона за четырёхлетним Ромой. А тот, ухватившись за макушку, мочалит, выкручивает из земли недавно посаженое деревце. Оказавшаяся поблизости женщина пытается остановить неразумное деяние. С балкона окрик:

— Женщина! Женщина! Идите своей дорогой. Что он такого делает? Он же ребёнок.

Первый снег. И такой обильный. Малышня катает глыбы, строит снеговиков. Отлучается домой за морковками для носа, чем-то чёрным обозначает глаза. Должно быть, из дедушкиных запасов одно из творений обрягается даже в широкополюю фетровую шляпу... Из школы возвращается Рома и кидается в бой без правил: с наскоку ногами рушит, превращает в бесформенное месиво то, что создавалось для красоты.

— Рома! Рома! Надень рукавицы... Подвяжи шапку..

Бабушка, как всегда, не спускает с внука глаз. Заботится.

Женщина, на глазах которой несколько лет тому назад Рома курочил деревце, стала свидетельницей и другого случая. Спортивно окрепший Рома что-то мороковал с отодранными досками на скамейке перед подъездом. Женщина обрадовалась:

— Молодец, исправляешь.

— Не-э, не исправляю. Я хочу, чтоб кто-нибудь вернулся.

— Рома, кто это тебя там обижает? — откуда-то сверху вопрошает бабушка.

В живучих родительских сказках для детей часто упоминается капуста. Дескать, там до поры до времени находятся желанные дитяти. Вот и Рома, это уж точно, обрёл себя в нравственно уродливой бабушкиной капусте.

СОН В РУКУ

Непредвиденно довелось пообщаться с попавшим в наши места столичным писателем. Овеянный и осенённый почестями, Н. М., вместе с тем, оказался очень простым дружелюбным человеком. В гостиничном номере долгое время мы провели за приятной беседой. Он не скрывал, что я ему понравился. О себе умолчу. Н. М., как тогда говорили, Боль-

шой Писатель. На моём месте каждый счёл бы за счастье побывать в его компании.

Как и условились, на его имя я отослал в журнал новую повесть. Авторитет главного редактора, кем являлся Н. М., давал хорошие надежды. Он ведь заверял, что даст команду, чтобы рукопись попала к нему в руки, и опубликует её без проволочек.

Стал ждать. Недели, месяцы улетали и улетали. Закрадывалась думка: уж не обидел ли чем высокого московского гостя? Так я в друзья не навязывался, ни о чём не просил, он сам предложил напечататься в его журнале.

И случился сон. В тёмной ночной Москве встречается человек:

— Ты — к ЭН ЭМ? А бутылку прихватил?

— Ну, как же к ЭН ЭМ и без бутылки. Знаю, знаю.

На редакционном столе остатки трапезы. В окна брезжит жиденький свет — под утро. Уставшие люди. Они меня видят и не видят.

— Мне — к ЭН ЭМ. Где он?

Спрашивают:

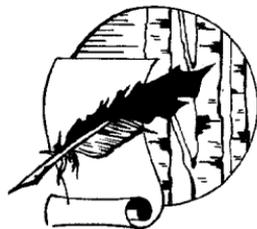
— А в чём, собственно, дело?

— Хотел узнать насчёт рукописи.

О-о, это мы и без ЭН ЭМ обойдёмся... Вот, смотри. — На столе, я только тут обратил внимание, лежал лист бумаги. Сдвинули с него начатую консервную банку с килькой в томате и ещё какие-то объедки. — Ищи себя.

Лист был разлинован, как график дежурств, по числам месяца. Отыскал свою фамилию и на середине листа в закрашенном квадрате, прочитал: «Заголовок оставить. Текст сократить до трёх строчек».

Вскоре за подписью какого-то литсотрудника получил из журнала письмо с лаконичным ответом: «Повесть нуждается в значительном сокращении».

СТИХИ
ПОЭТОВ ДОНБАССА

Андрей НЕСТЕРОВ

* * *

Ну что, Санёк, до дна за братьев наших,
В бою каргу с косою повидавших...
А помнишь, брат, как ты под Хрящеватым
Витька ташил... Враг жёстко сыпал «Градом»,
Горело небо, и земля пылала,
Тела вокруг на части разрывало,
А вы ползли... И истекая кровью,
Твердил Витёк: «Не выжить нам с тобою.
Я не жилец, оставь меня, спасайся...»
Ракета... рядом... вспышка... звуки вальса...
Очнулся... цел... крик радостный комбата:
«А вы с Витьком везучие ребята!»...
...Ну что, давай до дна, за тех, кто выжил,
Кто под огнём из круга ада вышел...

* * *

Как-будто больше не о чем писать...
Война поэтам вытоптала душу,
И рвётся болью новый стих наружу,
Взбивая в пену яркой строчки гладь.

Но всё же, в этом огненном аду
Господь судил нам для чего-то выжить,
Наверное, чтоб стали люди ближе,
Любовью одолели бы беду.

ЛНР

Екатерина ЛАЗАРЕВА

* * *

Печально нам в изгнании с тобой.
Мы русские в России иностранцы.
Взметнется в небо за окном собор
В бегущих сполохах золотых протуберанцев.
Бессмысленной войны из крови и золы,
Чужих идей невольные адепты,
Мы дома «москали» в России мы «хохлы»
Изгой —беженцы в сочувствие одеты.
О, Новороссия, каков твой тайный смысл,
На плаху положившая младенцев?
Ты ль Божий промысел, Его благая мысль?
Иль в адский жертвенник внесенное поленце?

* * *

Малороссия. Новороссия.
Русь-страдалица, отзовись.
Ты ль на плаху невинных бросила?
Вопль трагический режет высь.
Поослепли, славяне-братушки?
Дружка дружку пошли убивать,
Чтоб жирела на ваших смертушках
Жидовинов гнилая рать.
Над церквушкой, огнем разрушенной,
Стонет колокол: «Помоги.
Топчут землю исконно русскую
Чужеземные сапоги».
И лопочут не по украински,
Не с московским-то говорком,
С европейской, поди, окраинки
«Барзо прошу», «шнелле», «ком-ком».
Да неужто вам любо души
За «зеленые» продавать?
В тучах «сотни небесные» кружат,
Света белого не видать.
Плач и скрежет зубов повсюду,
А Господь покаяния ждет.
Малороссия, Новороссия,
Русь в преддверии...
Царь грядет?..

ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

...у кого буде влада,
у того будуть ключі від раю,
Іван Плющ

У времени оранжевый окрас
От сумрачных идей запахло гарью
И жажда власти снова без прикрас,
Хоть «face» её под благостной вуалью.

Идёт игра с народом в поддавки,
Все партии расписаны по нотам:
Дискантом «наши», басом «чужаки»
«Нейтралы» проговаривают что-то.

Игра на деньги: тот сорвет «джек-пот»,
Кому ключи достанутся от рая.
И лишь ленивый и немой не врёт,
И в зареве кричит воронья стая.

И нет любви. Есть ненависть и злость,
И пепел душ, смываемый слезами.
Вчерашние друзья страдают врозь,
В угоду власти, сделавшись врагами.

У времени оранжевый окрас.
Кому ключи достанутся от рая?
Украино-матушка, ты помолись за нас,
Грехи непонимания прощая.

ЛНР

Сергей ТИМШИН

* * *

Что-то в мире пошло не по вечному Божьему кругу,
И кровавые маки цветут под жужжание пуль,
Лепестки осыпая в февральскую стылую вьюгу,
И в растаявший март, и в отцветший плодовый июль.
Будто Землю несёт не по заданной Солнцем орбите,
И осколками звёзды, срываясь, летят с высоты
В неродившийся август... И в ходе безумных событий
Среди трав и грибов вырастают в Донбассе кресты.

Время злое пришло на славянские земли святые —
Из заморских краёв поставляется смертный подкорм!
И пронзают насквозь материнское сердце России
Украинская боль и российская братская скорбь...

ДНР

Богдана НЕЩЕРЕТ (9 лет)

* * *

Горит Донбасс, в слезах Донбасс,
Пылают наши степи.
Рыдает мать, жена в слезах,
И гибнут наши дети.
Идет нацист, ползет орда,
Сметая все живое.
Прости нас, матушка-земля.
За что творят такое?
Не покорить врагам Донбасс,
Народ не станет на колени!
И будет МИР, и будет МАТЬ,
И будут бегать дети!

г. Алчевск, ЛНР

Александр ГУБЕНКО

* * *

Июльский вечер. Солнце на закате.
Вокруг — покой. Блаженство. Тишина.
Но тут — огонь! И громовым раскатом
На мирный край обрушилась война!
Дрожит земля, отсвет играет в лужах.
В посёлке — горе! Крики. Слезы. Кровь.
Загробный ад! Непревзойдённый ужас!
Смешался с гарью земляной покров.
Мальчишка к маме тянется ручонкой,
Но тут — опять протяжный вой и свист!
И на глазах израненной сестрёнки
На землю падает трёхлетний террорист...

* * *

Орудий дальний отголосок —
Судьбы разорванная нить.

О, сколько траурных полосок
Ещё придется пережить!
Так много слёз ещё прольётся —
Детей страдания, стариков...
Но мой Донбасс уж не вернётся
В страну убийц и дураков!

ДНР

Андрей ШТАЛЬ

НЕЖИТЬ КОЗЬЕГО БОЛОТА *

Сатане сегодня много чести,
Дела вышел скорбный оборот,
Из болота выпрыгнули черти
И давай мутить честной народ.

Обещали всех любить и нежить
В гордой, независимой стране.
Но собравшись воедино, нежить
Литургию служит Сатане.

Нелюди из Козьего болота
Дружно скачут с ночи до утра.
Держат всех вокруг за идиотов
И рядятся в воинов добра.

Бесы слева, а гнилушки справа
Зажигают факелов огни,
Ждет того жестокая расправа,
Кто не скачет так же, как они.

А народ тем временем нищает,
Кто-то получает пулю в лоб.
Травушка болотная — не шавель,
А дурман колючий — не укроп.

Кто истлел, тому, возможно, лучше,
Можно жить без веры и души.
Нет креста на скачущих гнилушках.
Некому болото осушить!

г. Краматорск, ДНР

* Козье Болото — прежнее название «Майдана независимости»

Александр КУРАПЦЕВ

* * *

СБУ с ОБСЕ

спят на газовой трубе,
а под ними скачут трупы —
им не спится, хоть убей.

Мы — весёлая страна,
наши паши целят в нас,
наши савики, как шавки —
гниль и глянec напоказ.

По карманам, сука, шарь:
где-то ж быть должна душа.
Над Славянском месяц в небе —
как рожок от «калаша».

Я продам гараж, быка
и куплю ПЗРК,
нынче спится мне спокойней
не с женою, а с АК.

Со стола сметая сор,
рассыпая на пол соль,
мясники всю барыжат
маслаками мертвецов,

килограммами филе,
можешь сам попасть в рулет.
Раньше кость дышать мешала,
а теперь бронезилет.

У кого чего болит —
смогут всё заговорить,
совесть вылечат на совесть
кукловоды из ТВ.

Это время злых потех —
в голове и в животе
пусто, будто в барабане,
озверела даже тень.

Нам, хазарам, хоть бы шо,
красный дождичек пошёл,

мы не верим в бухенвальды,
шире шаг, прочнее шов.

Чай, устал, поди? Остынь —
догорают блокпосты,
у тебя своя войнушка,
и своя теперь Хатынь.

пгт. Старобешево, ДНР

Ирина ГОРБАНЬ

* * *

Взмывают над домом, над городом, над...
Снаряды, снаряды, снаряды...
Горят все дороги, ведущие в ад, —
Не верю, что всё это рядом.
Не верю, но вижу глазницы домов,
Обугленных ставен огрызки,
И знаю, что жарко на передовой,
И ад не ко времени близко.
Не верю, но буду терпеть до конца,
Икону собой прикрывая,
Присяду на край дорогого крыльца,
Ещё не убита... живая...

МУЗЫКА АДА

Мне не надо вещать о мире,
И о смерти вещать не надо.
Каждый угол в моей квартире
Сотрясается в ритме ада.

В ритме джаза снаряды воют
И до судорог сжаты нервы,
Ведь кровавой укрыт травой
Перемирия праздник первый.

Боль потерь поглотила души
Диссонансом звучат молитвы,
Слушай музыку ада! Слушай!
Только выйди живым из битвы.

г. Макеевка, ДНР

Владимир ПЕТРУШЕНКО

9 МАЯ

Всем в этот день припомнится война.
Кому — по фильмам.
а кому — по ранам.
Звонят колоколами ордена.
На старых гимнастерках ветеранов.
Мир. Тишина. И только неба даль
Похожа заревом на огненные дали.
И солнце — как награда! Как медаль!
Всем тем, кому
не вручены медали.

г. Рубежное, ЛНР

Светлана ШЕМЯКИНА

БУФЕРНАЯ ЗОНА

Здесь страх и дрожь —
источник слез и стона.
Здесь жизни — грош.
Здесь — буферная зона...

Здесь житель — враг —
решила Украина —
своих вояк
на смерть благословила.

Здесь серый цвет
преобладает с «хаки».
Здесь мира нет
и не было.
Вояки

здесь правят бал,
и Правда — вне закона.
Страстей накал
за грани вышел.
Зона

здесь смерти. Ад
страшит людей все меньше.

Здесь стар и млад
завидуют умершим...

...Здесь страх и дрожь,
здесь люди вне закона,
здесь боль и ложь.
Здесь — буферная зона...

ДНР

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

* * *

Войной разорвана страна,
И ненависть страну убила.
Донбасс пугает тишина,
В которой ни войны, ни мира.

Нацизма тварь ещё жива,
Ещё хребет её не сломен.
А мы — свободы острова,
И мы как кость во вражьем горле.

В умах врагов живёт война,
И Каин стал для них героем,
А значит, эта тишина —
Для нас затишье перед боем.

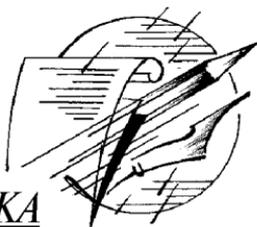
г. Луганск, ЛНР

БЕЖЕНЦЫ В РОССИИ

Так случилось, что освещение в СМИ ситуации с беженцами, точнее, как говорят в официальных документах, «гражданами Украины, в экстренном массовом порядке покинувшими места постоянного проживания и находящимися на территории России», после вала сочувственных публикаций и видеосюжетов летом и осенью 2014 года затем резко пошло на убыль. Население страны долгое время пребывало в уверенности, что у них все хорошо. Нередко даже были слышны завистливые голоса, что, мол, приехавшие украинцы живут получше местных, «каждый день получают по 800 рублей, поэтому работать не хотят, а лишние деньги отправляют домой». И только с весны начали появляться статьи, отражающие реальное положение дел.

Одной из первых «ласточек» стала заметка на сайте газеты «Коммерсантъ» от 7 марта 2015 года «В России далеко не убежишь. Программа по поддержке беженцев с Украины дала сбой».

Немалый резонанс вызвала и июльская публикация в газете «Завтра» известного украинского правозащитника, руководителя ОО «Союз матерей Украины», полковника милиции Галины Запорожцевой «Чужие среди своих?». В ин-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тернете все громче стали раздаваться голоса тех, кто столкнулся с «гостеприимством по-чиновничьи» в ФМС, службе занятости и в социальных службах.

Статья Владислава Шурыгина «ФМС Ромодановского начинает депортацию политических беженцев из России на Украину» на сайте Русская народная линия продолжила список заметных публикаций на эту непростую, очень болезненную тему. К сожалению, при всех ее «плюсах» — горячем сочувствии к участи обездоленных людей, попытке привлечь внимание к проблеме, — у нее есть один существенный недостаток. Сам автор, как видно, не настолько глубоко сведущ в этом вопросе, чтобы отделить одну категорию беженцев от другой. Почему я об этом говорю? — потому что это имеет большое значение для понимания логики действий Федеральной миграционной службы, да и не только этого ведомства. К тому же, наши чиновники, уловив одну неточность в критической статье, могут с легкостью «выплеснуть с водой и ребенка», заявив, что автор, мол, не разбирается в том, о чем пишет, и только вводит людей в заблуждение (а так оно, не в обиду уважаемому В. Шурыгину будет сказано, и есть), поэтому не стоит обращать внимания на его критику в адрес ФМС. Дело в том, что он называет одним словом «беженцы» представителей разных категорий граждан Украины, находящихся сегодня в нашей стране. От этого и происходит путаница.

Кто есть кто

Начнем с того, что собственно беженцев, то есть людей, имеющих этот статус официально, и, соответственно, пользующихся всеми правами, предусмотренными для них в законе «О беженцах», на территории России крайне мало, всего несколько сотен таких «счастливицков». В основном это бывшие сотрудники «Беркута», получившие «беженство» «по политической целесообразности» в мае прошлого года — и то не без труда. А также первые поселенцы ростовских лагерей для беженцев, находившиеся там в момент приезда высоких московских гостей летом прошлого года. Большинство же граждан, прибывших к нам с Юго-востока Украины, имеют совсем другой статус — временное убежище. Причем среди них преобладают жители Донецкой и Луганской областей, охваченных боевыми действиями. Для них существуют некоторые преференции, по сравнению с теми, кто получил «ВУ» («временное убежище»), но приехал, к примеру, из Мариуполя и Харькова. Или, тем более, из «мирной» части своей страны — Мелитополя, Запорожья, Одессы, спасаясь, по предложению нашего президента, на россий-

ской территории от «волн» мобилизации. Для этих двух категорий не требуется разрешения на работу, они платят не 30%, а, как и россияне, 13% подоходного налога, кроме того, в отличие от других иностранных граждан, они не должны сдавать экзамен на знание русского языка.

Третья категория — это все те же трудовые мигранты, пересекающие границу в поисках лучшей доли. В известном смысле это тоже беженцы из Украины, потому что бежали от проблем, связанных с политической и экономической нестабильностью в стране, но ни на какие льготы они претендовать не могут. Как и среднеазиатские, и прочие трудовые мигранты, они подпадают под закон «Об иностранных гражданах» и должны сдавать экзамен по истории России и русскому языку. Их «вклад» в российскую экономику в виде покупки патентов на работу, как об этом пишет В. Шурыгин, никак не компенсирует расходы на обустройство их земляков из «зоны АТО», потому что это разные статьи бюджета.

Есть еще одна, не очень многочисленная, по сравнению с остальными, категория — оформившие свой статус в Харьковском консульстве России участники Государственной программы по добровольному переселению соотечественников из-за рубежа. Но они вообще ни с какого боку, как говорится, беженцами не являются. О самой же программе будет сказано несколько слов ниже.

Вторая неточность в статье В. Шурыгина связана с правилами пересечения границы упомянутыми категориями украинцев. Для «официальных» беженцев путь на Родину, да, закрыт. Ведь если они бежали по политическим мотивам, опасаясь расправы, то зачем им возвращаться обратно? Хотя, в принципе, они могут вернуться на Украину через третью страну, например, через Белоруссию.

Что же касается людей с «ВУ», то достаточно написать заявление в ФМС о том, что им необходимо до такого-то числа выехать домой «по семейным обстоятельствам», забрать украинский паспорт, и можно спокойно отправляться обратно. Статус временного убежища действует в течение года. Так, кстати, и поступают многие жители Донецкой и Луганской областей. Главное, не поддаваться на требования сотрудников ФМС написать отказ от «ВУ». Тогда, конечно, дорога назад для нового «временного убежища» в каком-либо из регионов России будет закрыта. Хотя... Кто знает, что еще может произойти на многострадальном Донбассе. Нет никакой гарантии того, что нынешняя относительно стабильная ситуация не взорвется усилиями киевских правителей в определенный момент, и люди не побегут опять, спасаясь от бом-

бардировок и обстрелов, в нашу страну. Кто тогда посмеет не пропустить женщин с детьми, даже если они в свое время и отказались от этого статуса?

Относительно недовольства жестко установленными квотами можно сказать следующее: а как, по мнению автора, иным путем можно было регулировать массовый исход жителей из Украины в 2014 году? Отправить всех в и без того переполненные иностранными гражданами (а они, как ни крути, по своему правовому статусу — иностранные граждане) Москву и Санкт-Петербург?.. Потому беженцев и распределяли по разным регионам, стараясь учитывать и проблемы, которые могут возникнуть с их трудоустройством. Да, накладок при этом было немало. Например, к нам в Сибирь отправляли, в первую очередь, шахтеров — кто-то высокообразованный там, «наверху», решил, что не только в Кемерово, но и в Новосибирской области полно шахт. Кое-какие шахты у нас, несомненно, есть, правда, многие из них давно признаны нерентабельными. А в основном, у нас уголь добывается открытым способом. Но это, по мнению людей, отвечавших за распределение квот, такие пустяки, о которых не стоит и говорить. Поэтому многие из беженцев-шахтеров впоследствии выехали в другие регионы или вернулись домой.

«А что я могу сделать?»

Я тесно общаюсь с беженцами более года — с тех пор, как они стали приезжать к нам в Новосибирск не отдельными семьями, а нескончаемым потоком. Помню ажиотаж в местных СМИ, устроенный вокруг прибытия поездов с измученными, усталыми людьми, нередко выходящими на перрон с одной небольшой сумкой, в шортах и тапочках. Помню испуганные глаза детей, их желание забиться куда-нибудь подальше при звуке пролетающего самолета. Помню признания здоровых мужиков, бывших ополченцев, что они не могут ездить в метро, потому что свист вылетающей из тоннеля электрички напоминает им свист снаряда, выпущенного из «Града»...

Помню и то, что далеко не сразу и далеко не все наши чиновники стали относиться к прибывшим из «зоны АТО» с холодным равнодушием. И они, как многие простые новосибирцы, собирали по своим отделам «гуманитарку», старались как-то утешить, обласкать людей. Давайте все же будем справедливы: в первые, наиболее тяжелые летние месяцы 2014 года, когда разгорались бои на Донбассе, именно сотрудникам ФМС довелось принять на себя самую большую, самую сложную часть работы по приему беженцев. Им

пришлось в полном смысле слова дневать и ночевать на работе, чтобы обеспечить оформление всем прибывшим необходимым документов, без которых тем ни на работу нельзя было устроиться, ни в больницу обратиться, ни в ПВР (пункт временного размещения) поселиться. А сколько нервов было потрачено ими при попытках объяснить человеку, еще не отошедшему от пережитого стресса, особенности российского миграционного законодательства! Все это было, и все эти трудности были ими успешно преодолены и переведены в русло привычной, рутинной служебной деятельности.

И вот тогда-то, когда процедура оформления статуса «временное убежище» для бежавших от бомбежек и обстрелов стала для сотрудников ФМС обыденностью, наступила реакция. Сегодня им уже не жаль этих людей. Я вижу это по их лицам, по той, чисто чиновничьей манере уходить от прямого ответа, с которой они отвечают на многочисленные вопросы о порядке оформления документов на РВП (разрешения на временное пребывание), о заполнении анкет для вступления в программу по добровольному переселению соотечественников, на другие важные для приехавших с Украины вопросы. Чужая боль стала для них привычной. И уже не трогают слезы старушки, оказавшейся бесправной и никому не нужной в стране, где она прожила и проработала большую часть своей жизни. Не находит сочувственного отклика в сердце беда безработной, фактически нищей женщины, которой коллеги из районного отделения службы вlepили максимальный, пятитысячный штраф за просроченную регистрацию. Не жаль ветерана войны, которому пообещали, но не дали в упрощенном порядке российское гражданство...

Почему так произошло? Наверное, причин тому много. Не стоит излишне демонизировать образ людей, работающих в ФМС, — как и у всех чиновников, у них существует проблема «эмоционального выгорания». К тому же их зарплата далеко не компенсирует потраченные в приемные часы нервные клетки. Конечно, разговоры о повальной коррупции в этой структуре не лишены основания, но, согласитесь, не у каждого служащего есть возможности, умение, да и желание извлекать «левые» доходы из своей должности.

На мой взгляд, имеется и еще одна разгадка их безразличного отношения к прибывающим с Украины соотечественникам. Она выражается в простой фразе, сказанной однажды сотрудницей ФМС (впрочем, ее с таким же успехом могла бы сказать сотрудница службы занятости или социальной службы): «А что я могу сделать? Это вопрос не ко мне!»

Проблема в том, что, несмотря на множество постановлений, поправок к законам и прочее в отношении граждан Украины, «в

экстренном массовом порядке» принятых «наверху» и в регионах, до сих пор нет общей федеральной программы по их социализации в нашей стране, которая бы окончательно расставила все точки над *i* в самых болевых вопросах. Что должны отвечать чиновники, так или иначе соприкасающиеся с беженцами, если реальное положение дел требует незамедлительного принятия законодательных актов, например, в вопросах постоянной регистрации для получения гражданства, видах какой-либо социальной поддержки для пенсионеров, инвалидов, матерей одиночек, многодетных семей беженцев, а их до сих пор нет?

Если до сих пор не решена жилищная проблема этих людей, и им приходится — как, к примеру, у нас в Новосибирске, — либо, вопреки всем санитарно-эпидемиологическим нормам, месяцами ютиться вместе с детьми в хостелах — в комнатах на 10-12 человек, где одновременно проживает несколько семей. Либо скитаться по квартирам, постоянно рискуя вместе с детьми быть выкинутыми на улицу из-за невозможности заплатить за жилье — безработица усиливается, а работодателям безразлично, что станет с уволенным иностранным работником. (Только не надо в этом месте пожимать плечами и говорить: «А как мы?», что делают многие наши чиновники, да и простые граждане при упоминании о «квартирном вопросе» соотечественников с Донбасса. Мы находимся в своей стране. Под защитой своих, пусть и несовершеннолетних, законов. Мы имеем право на хотя и явно недостаточную, но вполне реальную социальную помощь. У нас, в абсолютном большинстве случаев, есть выбор возможностей где жить — в собственной квартире, в деревенском доме, у родственников, в том же съемном или социальном жилье. Мы не потеряли в одночасье все, нажитое непосильным трудом, не только своим, но и родительским и даже дедов и прадедов. В конце концов, мы не имеем права забывать о том, что вопреки украинской пропаганде они и есть мы, — они такие же русские, только отделенные от нас 23 года тому назад придуманной политикой границей. И сегодня они — в числе самых обездоленных, самых социально незащищенных в России. А у русских пословицы «с миру по нитке — голому рубашка», «друг познается в беде» и «сам погибай, а товарища выручай» до сих пор в ходу — несмотря на навязываемое «просвещенным» Западом пренебрежение к малоимущим.)

Как неоднократно отмечали в доверительных разговорах те же чиновники, появление беженцев наглядно продемонстрировало самые уязвимые места сложившейся в России политической, экономической и социальной системы.

Политической — потому что желание президента создать беженцам условия для нормальной жизни в России блоки-

руется встречным нежеланием глав министерств и ведомств разного уровня, а также чиновников на местах, это делать. Еще в мае 2015 года Владимир Путин поручил главе ФМС решить проблему с регистрацией граждан Украины — прошли лето, осень, зима, а воз и ныне там. До сих пор висит в воздухе и вопрос с приобретением российского гражданства в упрощенном порядке пенсионерами и инвалидами, то есть теми, кто не подпадает под условия Государственной программы «Соотечественник», вступление в которую стало основным способом получения вожделенной «краснокожей паспортины». А без этого, по нашим законам, они не имеют права не только на пенсии и пособия, но и на проживание в доме инвалидов или престарелых после окончания трехмесячного жительства в ПВР. Сколько инвалидов и стариков были вынуждены вернуться обратно в свои разрушенные дома, в холод, голод, под обстрелы, осознав, что в России им светит только участь бездомных бомжей!

Экономической — потому что федеральным министерством труда так и не был реально решен вопрос с массовым трудоустройством приехавших шахтеров, металлургов, прочих специалистов, готовых работать на наших заводах и фабриках, в сельском хозяйстве. Просто по причине того, что заводов и шахт, готовых принять их, слишком мало. А сельское хозяйство во многих регионах уже 20 лет как «лежит на боку». Заверения, что от рабочих трудового Донбасса ждут помощи в поднятии российской экономики, так и остались всего лишь популистскими заявлениями. Не ждут. По крайней мере, в нашем городе никто не собирается восстанавливать завод «Точмаш», на котором до 90-х годов работало 12 тысяч человек — в два раза больше, чем сегодня находится беженцев на территории всей Новосибирской области. Никто не собирается всерьез заниматься на селе выполнением программы по импортозамещению. Никто не собирается открывать новые предприятия, которые смогли бы обеспечить прибывших работой и, соответственно, средствами для нормальной жизни.

Сколько горемык, так и не сумевших трудоустроиться на вакансии, которые бы позволяли им сводить концы с концами, или неоднократно «кинутых» нашими предприимчивыми работодателями, избалованными бессловесными (в силу незнания языка) среднеазиатскими трудовыми мигрантами, уехали, затаив в душе обиду на страну, которая их в трудную минуту «жарко обнимала, да только не любила»? Могу с уверенностью сказать, что таких десятки, если не сотни тысяч. Потом эта обида еще аукнется нам, потому что она отложится в памяти, больше двадцати лет забивавшейся страшилками о российских «небратах», якобы испокон веку притес-

няющих жителей Украины. И вот они на личном опыте убедились в том, что определенная доля истины в этих рассказах все-таки есть.

Не знаю, как в других городах, но у нас в Новосибирске в объявлениях о приеме на работу зачастую даже не скрывают того, что происходит дискриминация по признаку гражданства: приоритет отдается гражданам РФ, Белоруссии и Казахстана — украинцы же могут претендовать на вакансии только с «подтвержденным статусом беженца». (Для справки: на территории Новосибирской области нет **ни одного** гражданина Украины с таким статусом.)

Появление большого числа иностранных граждан, которым жизненно необходимо работать **легально**, выявило и еще одну, не побоюсь этого слова, глобальную экономическую проблему: на сегодня рынок официального трудоустройства в стране катастрофически мал. Работодатели идут на всевозможные ухищрения ради того, чтобы увести трудовые отношения (а, стало быть, и зарплату работников) в тень. Как заявил один молодой бизнесмен на просьбу официально принять на работу нескольких украинцев: «Мне же за них придется налоги платить! А почему я должен платить налоги этому государству?»

Никаких договоров, никаких обязательств перед иностранными наемными рабочими — и никакой ответственности, если с ними что-то случится. А такое бывало, и не раз: на стройках, основном месте трудовой деятельности большинства беженцев из-за поденной оплаты, они ломали и ребра, и ноги, и руки. Но ни один работодатель ни разу не понес за это наказания. Потому что в таком случае необходимо доказательство «факта трудовых отношений» через суд. А я что-то не встречала у сотрудников трудовой инспекции или прокуратуры большого желания искать доказательства этого самого факта в отношении граждан другого государства. Да и кто из беженцев станет заниматься судебными тяжбами, если для них все равно не предусмотрено ни пособия по временной нетрудоспособности, ни возможности обращения за бесплатной юридической помощью. А если у кого и появляется намерение защитить свои права, оно нередко оборачивается против него: многие работодатели предпочитают лучше иметь дело с неграмотными в правовом отношении узбеками и таджиками, единственная цель которых — любыми путями заработать денег и отправить их семье на родину, чем связываться с языкастыми соотечественниками с гражданством Украины, которые не хотят безропотно терпеть творимое в отношении них беззаконие.

К тому же, возвращаясь к уже сказанному, опять-таки в отличие от трудовых мигрантов из Средней Азии, беженцы нередко нуждаются не только в трудоустройстве, но и в нормальном, благоустроенном жилье для себя и своей семьи, что является лишней головной болью не только для работодателей, но и для социальных служб. И вот здесь мы переходим к обсуждению *социальных* проблем российского государства, которые наглядно проявились на примере обустройства бывших жителей Донбасса, оказавшихся в нашей стране, что называется, голыми и босыми.

Помощь не предусмотрена...

В Новосибирской области, как и в любой части современной России, много заброшенных деревень. В первое время после наплыва беженцев существовала идея возрождения этих деревень силами украинских граждан. Эта идея казалась весьма перспективной нашим чиновникам, оторванным от реальной жизни. А что, говорили они, пусть едут в сельские районы, восстанавливают дома и живут в них, трудятся на фермах или в совхозах. На деле это выглядело примерно так (рассказываю со слов самих беженцев).

...На окраину села прибыла делегация в составе представителей местной власти, социальной службы и пятерых шахтеров с Донбасса, семьи которых временно разместили в городском ПВР. Широким жестом им указали на пять заколоченных, по виду давно пустующих изб, с прогнившей крышей, выбитыми стеклами окон, со свисающими вдоль стен обрывками проводов.

— Вот, восстановите эти дома и будете в них жить, — сказали представители власти, довольные собственным гостеприимством.

Мужики почесали головы, оглядывая ветхое жилье и прикидывая, во сколько может обойтись его ремонт.

— Хорошо, но вы нам с материалами поможете?

— Нет, ремонтируйте за свой счет, — был категорический ответ.

— Ладно, а зарплата какая?

— Шесть-семь тысяч рублей.

Молчание. Потом, с уже угасающей надеждой:

— А садик или школа поблизости есть?

— В... километрах.

— Да нет, мы, пожалуй, вернемся обратно в город.

Этот диалог дал повод для многочисленных публичных обвинений беженцев в том, что они капризничают и отказываются ехать в села, «где им предоставляют работу и жилье».

Хотя позднее сами главы сельских районов говорили, что этот фантастический проект массового переселения к ним прибывших с Украины не был с ними согласован, их просто поставили перед фактом. В результате, беженцев привозили туда, где даже местным жителям не хватает работы. Но все бы еще ничего, если бы для переселенцев была предусмотрена хотя бы какая-то социальная поддержка.

— Что значит отправить людей жить в деревню — без разницы, наших или украинских? — горячились сельские старики. — Если вы хотите за счет них возродить деревни, поднять сельское хозяйство, надо, как во времена столыпинской реформы, обеспечить их землей, семенами для посадки, всем необходимым на первое время. Или выдать кредит для обустройства и покупки тех же материалов для ремонта дома. Ничего этого сделано не было.

В нашем случае не было учтено и то, что у беженцев, как правило, нет вообще никаких средств к существованию (их еще нужно заработать!), зато есть дети, которых необходимо кормить, одевать-обувать, лечить, обучать в школе. Для всего этого нужны деньги. Много денег — на покупку вещей, угля и дров, самой простой еды, на оплату госпошлины для дальнейшего оформления документов на вступление в программу «Соотечественник», на РВП и так далее, и еще на многое другое, необходимое человеку, который оказался с семьей в другой стране. А в первую очередь нужна все та же регистрация по месту жительства, неофициальная стоимость которой, по новосибирскому курсу, колеблется от пятнадцати до двадцати тысяч на человека... И на все это никак не хватает предложенных сельских мизерных зарплат.

Впрочем, в самом городе положение у семей бывших жителей Донецка, Луганска и их пригородов не менее сложное. Ведь беженцы-то, в основной своей массе, — вовсе не одинокие мужчины работоспособного возраста, какими их, по странному недоразумению, зачастую представляют, а матери, нередко — одинокие, и к тому же — многодетные. Это объясняется тем, что во времена «владычества» Юлии Тимошенко для улучшения демографической ситуации в стране было принято решение увеличить пособие на детей матерям-одиночкам. Результат не замедлил сказаться, и мы его также можем лицезреть: у многих беженок по трое, четверо, даже шестеро детей. Как они могут прожить безо всякой помощи со стороны принявшего их государства? А она, по существующим ныне законам в отношении иностранных граждан, не предусмотрена, до тех пор, пока эти женщины не получат российский паспорт. Я уже не говорю о пенсионерах и не-

трудоспособных инвалидах (среди которых, кстати, немало имеющих ранения бывших ополченцев). Вопрос же о пересмотре и расширении прав отдельным категориям граждан с «временным убежищем» на социальную поддержку вообще на повестке дня ни в Госдуме, ни в профильном министерстве не стоит.

Мало того, в Законодательное собрание Новосибирской области недавно был передан на рассмотрение подписанный губернатором проект постановления о внесении поправок в действующую на территории области программу по добровольному переселению соотечественников из-за рубежа. Одной из поправок отменяются так называемые подъемные «для участников программы, временно или постоянно проживающих на территории вселения», то есть подавших заявление на участие в ней в отделения ФМС Новосибирской области. Фактически, этим наносится удар по живущим у нас беженцам. Потому что именно они стали здесь вступать в эту программу для упрощенного получения гражданства, начиная с осени 2014 года и по сей день. В последнее время, видимо, в ожидании принятия поправок к программе, ФМС почти прекратила выплату подъемных, размер которых составляет 20 тысяч на участника и 10 тысяч — на члена его семьи. Сотрудники службы объясняют это отсутствием денег и необходимостью получения гражданами Украины не только самого свидетельства участника программы, но и разрешения на временное проживание. То, что такие требования противоречат смыслу и тексту программы, их не смущает.

И вот здесь, воспользовавшись возможностью, я хочу высказаться по поводу давно муссирующегося в обществе мнения, что всем мужчинам из Донецкой и Луганской областей, которые могут держаться в руках оружие, нечего делать в России, а надо отправляться к себе на родину и защищать ее от врагов.

Уважаемые патриоты, горячо болеющие за судьбу Новороссии! Возможно, вы были бы правы, будь это настоящая Отечественная война, если бы жителям Донбасса пришлось сражаться в открытом бою с чужеземным захватчиком. Будь эти люди не иностранными гражданами, а, действительно, нашими соотечественниками со всеми правами россиян. Будь наше государство настолько процветающим, независимым в своих действиях и социально-ориентированным, что могло бы реально обеспечить жен и детей потенциальных защитников ДНР и ЛНР всем необходимым для нормальной жизни. Чтобы человек, уходя воевать, был спокоен за судьбу родных и близких и уверен, что, в случае его гибели, Россия их не оставит. И им не придется вновь возвращаться в «зону

АТО» или на территорию обезумевшей «мирной» Украины, рискуя если не жизнью, то собственной психикой.

Но эта война — гражданская, и стрелять им приходится в земляков, родственников, бывших друзей. Стрелять и при этом думать, что вот сейчас в другой стране — в Новосибирске, во Владивостоке или на Сахалине — твою семью выселяют на улицу, так как жену уволили с работы или не заплатили обещанную зарплату, или она вообще не смогла трудоустроиться. А помощи ждать не от кого, потому что ты, их единственный кормилец на чужбине — далеко. Потому что она и твои дети — иностранные граждане. Потому что для России они только на словах — соотечественники. А на деле — такие же «небратья», как и те украинцы, против которых ты воюешь...

Что в итоге?

Проблемы граждан Украины, в экстренном массовом порядке прибывших в нашу страну, далеко не исчерпываются всеми описанными примерами. Не было сказано о трудностях, с которыми сталкиваются несовершеннолетние беженцы, обучавшиеся на родине в украиноязычной школе — об их незнании русской культуры, истории, литературы, элементарных правил русского языка. О психологических проблемах, существующих у абсолютного большинства этих детей, — как они проявятся в свое время, психологи сегодня точно сказать не берутся, но прогнозируют возможность высокой степени агрессивности, непредсказуемости действий, суицидальных наклонностей в подростковом возрасте, рост наркомании и алкоголизма в их среде. Для социализации этих детей и подростков, полноценного встраивания их в российский общество, по идее, необходима отдельная, специально разработанная программа — в дополнение к уже упоминавшейся общей программе по социализации беженцев. Но... Ни той, ни другой даже в планах сегодня нет, и в ближайшее время, к сожалению, они вряд ли будут созданы.

Так в чем же все-таки причины тяжелого положения бывших жителей Донецкой и Луганской областей на территории России?

Как было сказано депутатом Госдумы, главным координатором Всероссийского Национально-освободительного движения Евгением Федоровым на встрече с новосибирцами 26 сентября, основная причина заключается не просто в отсутствии необходимых законов и нежелании российского чиновничества исполнять уже существующие в отношении них законодательные акты. Сама политическая, экономическая и социальная система, изъяны которой так четко вы-

явило появление большого числа беженцев, не позволяет решить их проблемы кардинально. Потому что эта система, чей фундамент был заложен в 90-е годы антигосударственного строительства, работает, прежде всего, против самой России.

Многоликая — тихая и громкая, холодная и горячая, информационная и психологическая — война Запада против нашей страны споткнулась в своем украинском «блицкриге» на землях Донбасса. Поэтому не стоит удивляться, что ее вдохновители и организаторы ненавидят его жителей и употребляют все свое влияние для того, чтобы отомстить им, и, сделав жизнь невыносимой, заставить их покинуть родину. По сути, сегодня население ДНР и ЛНР, да и всей обманутой, униженной Украины, — заложники этой войны. И бежавшие от нее — по политическим или экономическим причинам, — такие же заложники, как и остальные украинцы, только на территории нашей страны. С их помощью, их руками, разжигая у них в душе неприязнь к России, враги стараются победить нас уже изнутри. И — рано или поздно — они смогут это сделать, если Россия окончательно не освободится от пут, двадцать с лишним лет стягивающих ее государственный организм, если мы не сумеем восстановить его работу на благо страны. Если мы не вернем себе утраченное некогда право самим формировать свою государственную систему и самостоятельно исправлять ее недостатки.

Без этого благие пожелания президента так и останутся пожеланиями. Не появятся заводы и фабрики, на которых можно работать, не поднимется с колен сельское хозяйство. Не будет денег на социальную помощь людям, в том числе и тем, кто отдал все силы и здоровье ради процветания своей необъятной Родины и оказался теперь на ней иностранцем... И мира тоже не будет. А это значит, что беженцев на нашей территории станет еще больше, и их проблемы решать будет еще тяжелее.

Нам давно пора осознать: **они — это мы!** Нет отдельной беды украинских беженцев — и отдельной беды живущих в России. Всё взаимосвязано в этой жизни. Если мы так и будем считать их «иностранными соотечественниками» и отстраняться от их — наших! — проблем, то и нам, не приведи Господи, придется со временем спасаться бегством от пришедшей уже в наш дом войны. И уже сотрудники чужой миграционной службы будут взирать на нас с холодным равнодушием. И уже нам придется сполна испить на чужбине горькую чашу несправного иностранного гражданина.

Они — это мы. Так давайте, наконец, решать наши с ними общие, внутренние проблемы нашей общей Родины.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

По мере нарастания темпа происходящих событий в мире (Украина, Крым, Сирия, Турция, ИГИЛ, мировой терроризм) как-то забылась актуальность «Валдайской речи» В.В. Путина 19 сентября 2013 года о необходимости формирования общих целей развития нашей страны. Государственная идеология (национальная идея) России до сих пор не изложена даже в наиболее общем виде.

Национальная идея для России — основополагающая линия, объясняющая духовный смысл существования России, русского народа и народов страны, заставляющая высшую власть страны, независимо от персоналий, при выработке решений руководствоваться исторической миссией России, а не своими субъективными взглядами или степенью давления на них извне.

Если такого стержня нет, то отсюда и непоследовательность, и половинчатость, и нелогичность некоторых внутренних и внешних действий государства. Присоединение Крыма к России, с одной стороны, и отказ от «распространения опыта» на ДНР и ЛНР — с другой. Поли-

РУССКИЙ ВОПРОС

тика «импортозамещения» стала проводиться только после того, как некуда стало деваться от «международных санкций». «Интеграция России в единое экономическое пространство», последним штрихом которой явилось вступление страны в ВТО, упорно осуществлялось, да и осуществляется до сих пор, несмотря на то, что наше государство несёт финансовые и иные потери прямо пропорциональные степени «интеграции», позволяющие «мировому сообществу» более эффективно применять «международные санкции». Вот и факт размещения государственных средств в иностранных банках, поддерживающее МВФ и мировую, то есть американскую, экономику, — мощная гарантия этой самой «интеграции». Неужели нужно дожидаться теперь и «санкций» на использование собственных средств, которые в любой момент может наложить Запад, если последнему в очередной раз не понравится поведение России? Неужели нужно иметь какое-то особое чувство прозорливости, чтобы понять, что давно нужно предостеречь себя от подобного рода подходов?

И это только примеры, относящиеся к внешней политике. А во внутренней политике? Примеров непоследовательности (или, наоборот, последовательности в осуществлении «либеральных преобразований» в экономике и социальных вопросах) ещё больше. «Последовательность» в применении либеральных принципов и приводит к непоследовательности внутренней и внешней политики государства.

Из внутренней политики здесь остановимся только на одном вопросе — национальной политике государства. Организованные террористические акты во Франции 13 ноября этого года, дестабилизирующие обстановку по всей Европе, жертвами которых стали сотни мирных граждан, не дают права относить миграционные процессы и национальный вопрос в разряд второстепенных. Наблюдаемое в последнее время в России некоторое снижение остроты проблем с мигрантами имеет две составляющие. С одной стороны, государством сделаны некоторые выводы и реально проводятся меры в основном силами органов правопорядка по пресечению негативных проявлений со стороны мигрантов. Плюс к этому — антитеррористическая деятельность в республиках Северного Кавказа. Но, с другой стороны, миграционный поток никуда не делся, просто центральные СМИ переключились на иные проблемы. И потому снижение напряженности межнациональных конфликтов внутри России — во многом кажущееся.

Федеральная миграционная служба за последнее время ни в коей степени не изменила свои подходы (или отсутствие

подходов) в решении проблем. Всё те же увещевания о необратимости и полезности миграционных потоков.

И степень «интеграции» мигрантов в «российское общество» никак за последние года два-три не изменилась. И не может измениться, потому как прибывающая масса людей из кавказских и среднеазиатских государств и республик Северного Кавказа не настроены на интеграцию, сколь бы их к тому ни призывать. В этом контексте уместно еще раз напомнить слова философа Л.А. Тихомирова: «Никогда, никакими благодеяниями малым народностям, никакими средствами культурного единения, как бы они ни были искусно развиваемы, нельзя обеспечить единство государства, если ослабевают сила основного племени».

А «сила основного племени» ослабевает искусственным образом, посредством бездействия государства по отношению к интересам русского народа. Органы государственной власти заняты сглаживанием конфликтов, проведением различных переговоров с руководителями этнических групп, подавлением проявления организованного русского недовольства, пропагандой лужковского лозунга «у преступности нет национальности», и тем самым не решают проблемы, а только загоняют их глубже внутрь.

Организованные этнические преступные группы в России — реальность. И их число не уменьшается, а наоборот, увеличивается. «Дешевая рабочая сила» мигрантов почему-то никак не сказывается на конечной цене товаров и услуг ЖКХ. Скорее, представителям коренных народов в регионах России работа не достается потому, что она коррупционным образом уже занята мигрантами. И самое главное, далеко не всякий мигрант вообще ориентирован на какую-либо общественно значимую работу, многие из них озабочены вытягиванием ресурсов с местного населения и территорий. Какими методами? Любыми. И незаконными, и преступными. Ну а всевозможные общественные советы по межнациональным вопросам в областях и краях России, прикрываясь тезисом о дружбе народов, занимаются поддержкой и развитием национальных общин и диаспор, способствуя формированию «мультинациональной» русофобской среды. В таких «общественных советах» из русских обычно присутствуют только либералы и правозащитники с русскими фамилиями, остальные — все сплошь авторитетные представители уважаемых диаспор и общин.

Здесь логично возникает ассоциация с ситуацией по «импортозамещению». Неужели нужно ждать беды или серьезных проблем, чтобы понять, что русским вопросом нужно

заниматься именно сейчас (точнее — позавчера) и системно, а не тогда, когда рванёт. Причем в данном случае даже не будем гадать, как именно рванёт: объективно, по переполнению какой-то критической массы нацменов в русских городах и селениях или организованно и спровоцированным извне образом, как в прошлом году во Франции при совершении терактов.

Выход в этом вопросе только в одном направлении — ограничение административными мерами миграционных потоков, создание рабочих мест именно для коренного населения в регионах России и создание всех условий (кроме перераспределения государственных средств в пользу национальных республик) для занятости потенциальных мигрантов в своих национальных республиках России.

Ещё к необходимым мерам можно добавить — прекращение всех «политкорректных» разговоров о «безнациональности» преступлений, нежелательности указания национальности террористов, необходимости дешевой рабочей силы, важности и мудрости национальных диаспор на русских территориях и тому подобном.

К приоритетным задачам в этом направлении можно также отнести определение нескольких самых депрессивных с демографической точки зрения субъектов России (ими окажутся некоторые области центра и северо-запада России, а также регионы Дальнего Востока и Сибири) и принятии в них дополнительных мер, направленных на повышение рождаемости. И ещё: государственная реальная, а не декларативная помощь русским людям, желающим переехать из-за рубежа в Россию.

Федеральная миграционная служба, да и государственные органы власти в целом, проявляют завидную последовательность в отсутствии реальных усилий по обеспечению российскими паспортами, ну или хотя бы вида на жительство, русских из-за рубежа, которые годами ждут решения вопроса. В этой категории сейчас оказались и русские из Украины, которые боролись там за русский мир. В своё время (в 2006—2012 годах) исполнительными структурами власти было сделано всё, чтобы мероприятия Государственной программы содействия переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, распространяющую своё действие на русских, желающих переселиться из ближнего и дальнего зарубежья в Россию, на практике почти не были реализованы.

Всё делается наоборот в национальном вопросе: что в национальных интересах государства — тормозится, что про-

тиворечит интересам России — получает развитие. Так весной 2015 года создана еще одна бюрократическая надстройка — Федеральное агентство по делам национальностей. И по истечении некоторого времени уже есть основания уверенно предполагать, что данное ведомство не просто не способствует единству народов России и национальной справедливости, но чисто объективно, исходя из своих функций, занимается потаканием этнического национализма, оправданием потока мигрантов и правовой защитой представителей всех народностей, кроме русских. «Опыт» деятельности с 1993 по 2001 годы Госкомитета по делам федерации и национальностей, а затем — Министерства по делам национальностей и федеративным отношениям — имеет продолжение.

Вновь созданная структура взялась распространять ещё и «толерантность». Так, Федеральное агентство по делам национальностей совместно с Центром толерантности 16 ноября этого года «отметили» международный день толерантности, проведя в средних школах России *урок толерантности*. Адо этого, 27 октября 2015 года руководитель агентства Игорь Баринов и генеральный директор Федерального научно-методического центра в области психологии и педагогики толерантности Александр Борода подписали соглашение о долгосрочном сотрудничестве в разработке образовательных, научно-исследовательских программ. Обо всём этом можно прочитать на сайте агентства. Для справки: А.М.Борода — президент федерации еврейских общин России, один из основателей Еврейского музея центра толерантности, он же — директор Федерального научно-методического центра в области психологии и педагогики толерантности.

Уважительное отношение ко всем народам — дело, безусловно, нужное. Но «толерантность», как известно, в большей степени этим спекулирует, вкладывая совершенно иные акценты. Сколько уже было сказано, что толерантность является одним из средств нравственного разрушения человека, да и всего государства. Именно толерантность является началом оправдания любого греха, всех извращений, фальсификации истории и т.д. И вот вновь созданное агентство ориентирует свою деятельность в этом направлении, воспитывая школьников всей страны по лекалам Еврейского центра толерантности. За государственный счет внедряются вредные для государства принципы. Но это отдельная тема. А здесь лишь заметим, что всё это становится возможным лишь в условиях отсутствия общей государственной линии, иными словами, в условиях отсутствия государственной идеологии.

Опасения в полной мере оправдались. Особое внимание функции агентства — «Осуществление мер, направленных на укрепление единства многонационального народа (российской нации)». Термин «российская нация» успешно перекочевал в Указ об образовании агентства по делам национальностей из «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», принятой в декабре 2012 года, и Государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014—2020 годы», принятой в августе 2013 года. И не важно, что «российской нации» (так же как и «российского народа») не может существовать в природе, ибо нация — этническая и культурная общность великого народа. А «россияне» — это не народ, в лучшем случае — обобщенное название граждан страны. Государственное единство граждан — уже является высокой категорией, но не относящейся к народу, нации, культуре. Есть русский народ и народы России, но не «россиянский народ».

Почти нет сомнений, что создание «российской нации» на деле будет означать дальнейшие декларативное и практическое снижение статуса и значения русского народа. Никогда не могущая существовать нация будет «создаваться» дальнейшим «этнокультурным развитием народов России». Всех, кроме русского. Вся эта политика «россиянской нации» и «толерантность» в национальном вопросе направлены только на «переплавку» русских в «россиян», а прибывающие в русские регионы нацмены останутся при своих национальностях. Прикрываясь тезисом о дружбе народов, осуществляется поддержка и развитие национальных общин и диаспор, формируется «мультинациональная» русофобская среда в российских регионах.

Официальный сайт агентства дает некоторые подтверждения вышесказанному утверждению. Вот в разделе «Открытое агентство» сайта можно посмотреть состав Консультативного совета по делам национально-культурных автономий. Само название уже о многом говорит: совет национально-культурных автономий. Именно так, а не совет, скажем, по национальным вопросам. Даже в этом — решение национальных вопросов всех, но только не государствообразующего русского народа.

Из кого состоит совет? В состав вошли председатели и руководители 17 федеральных национально-культурных автономий, официально зарегистрированных в Минюсте России, руководитель агентства и его заместитель. Отрадно, что вошли еще руководители украинской и белорусской культурных

автономий. Всё по лекалам Министерства национальностей РФ, действовавшего до 2001 года, и «наработанной практике» региональных общественных советов «по дружбе народов без русского народа», о которых говорилось выше.

А вот одно из трёх больших «окон» сайта, мол, «жми сюда», называется «Помоги остановить пропаганду терроризма». При открытии окна — смешивание вопросов: терроризма и дискриминации по национальному признаку. В информации о терроризме говорится, что «Вы можете сообщить о проявлении дискриминации по национальному признаку», написав письмо на электронный адрес такой-то. Исходя из официальных функций агентства, понятное дело, у русских, подвергшихся реальной дискриминации, особого желания обращаться не будет. Сообщать всё больше будут нацмены об ущемлении их прав на русских территориях. Вот такая «борьба с пропагандой терроризма».

Почему-то озабоченность федеральной власти межэтническими противоречиями проявляется в основном защитой интересов нацменьшинств на русских территориях, где мигранты составляют некий русофобский интернационал, «мультикультуру». А вот межэтнические противоречия внутри самих национальных республик федеральная власть старается не замечать, а ведь там существуют достаточно серьезные трения и противоречия между самими малыми народами. Только «малый народ» в масштабах России там, в конкретной республике, может выступать в качестве «большого», доминирующего.

Например, в Дагестане десятки малых народов: даргинцы, агулы, лезгины, таты, азербайджанцы и многие другие. «Большой» малый народ здесь — аварцы. По другим республикам Северного Кавказа — аналогичная ситуация. Чуть иная, но схожая ситуация в Татарстане, Башкирии и в большинстве иных республик.

Парадоксальная, но хорошо известная закономерность: высокая сплоченность в качестве «дагестанцев» за пределами самого Дагестана всех народностей республики сочетается с антагонизмом этих же народов (вплоть, до вооруженной междоусобицы) внутри республики. Вот поэтому-то они оттуда и бегут в другие регионы России. Во всяком случае, это одна из причин миграционного потока. Внутридагестанские конфликты провоцируются, в частности, укоренившейся практикой национального квотирования руководящих и иных престижных должностей, которые занимают в основном аварцы и даргинцы. При этом другие народы, понятное дело, не очень-то этим довольны. Множество и иных про-

блем чисто межэтнического, а также религиозного плана приверженцев разных течений ислама, приводящих к этническим столкновениям. От неразрешенности этих проблем — коррупция, и преступления, и терроризм, и проблемы с организацией новых рабочих мест в республике.

Что-то не приходилось слышать, чтобы федеральная власть организовала поддержку каким-либо малым народам или их отдельным представителям внутри национальных республик. А между тем, такие «малые» малые народы всем своим нутром осознают необходимость в едином сильном государстве, ибо в случае ослабления России они окажутся в ещё более уязвимом положении, чем русские. Именно такие «малые» малые народы не в лозунговом смысле, а в самом прямом, являются носителями «дружбы народов», дружбы прежде всего с русским народом. Вот их проблемами никто не занимается, а сами проблемы глушатся силами национального большинства в этих республиках. Между тем, именно на «малые» малые народы следовало бы делать ставку при проведении национальной политики. И здесь — всё делается вопреки государственным интересам. А о защите оставшихся русских внутри национальных республик и говорить не приходится, по логике федеральной власти — пусть барахтаются как хотят, их проблемы.

Вот бы какими вопросами заниматься федеральным органам власти в качестве соблюдения национальной справедливости, а не «вытягивать» ущемления прав национальных меньшинств в городах федерального значения, краях и областях России. Межэтническими отношениями нужно заниматься там, в национальных республиках, а не создавать миграционными потоками эти проблемы в городах, краях и областях России. От перемены приоритетов и поток бы миграции уменьшился в центр из республик, и в самих республиках реальная ситуация изменилась бы к лучшему.

И всё же, главный вопрос: какие структуры занимаются русским вопросом и в масштабах страны, и в регионах, и на местном уровне? Какие структуры призваны решать основные вопросы государственной политики и идеологии, в данном случае в сфере национальных отношений, в интересах государствообразующего народа, а значит, и всего государства? Агентство по делам национальностей? Однако, как было показано, этим агентством практически «вырабатываются» такие понятия, как «толерантность», «российская нация» и «защита прав национальных меньшинств».

Может быть, федеральная миграционная служба? Тоже нет. На практике она действует также в интересах наимень-

шинств. Зато ФМС демонстрирует особую прыть в ужесточении правил пребывания с декабря этого года украинцев в России. Дело может закончиться организацией массовой депортации «украинских трудовых мигрантов». А ведь среди них и те, кто скрывается от преследования нынешним режимом Украины или просто от призыва в «их» армию. Между тем, украинцы в массе своей являются высококвалифицированной рабочей силой, и с культурной адаптацией в российское общество, по сравнению с гражданами, скажем, Средней Азии, у них вообще нет никаких проблем. Это, собственно, и есть русские. Всё делается наоборот!

Может, Министерство образования и Министерство культуры должны заниматься русским вопросом? Но они дальше пропаганды «гражданского патриотизма», культурного наследия и народных промыслов не идут. Да и то очень слабо.

Ах, да, у нас ведь в стране запрещена идеология как таковая! А значит, и приоритетов нет, и системы нет.

А как же быть с заявлениями президента России о значении русского народа для России, а как быть с программными статьями В.В. Путина 2012 года «Россия сосредотачивается» и «Россия — национальный вопрос»? Неужели то, что говорил и писал президент, так и осталось на бумаге?

И с его Валдайской речью 2013 года та же история. Им было произнесено требование об изложении государственной идеологии, той самой, которая, наконец, выстроит приоритеты в государственной политике. Но ничего в развитие этого не делается.

Но в чем же проблема?

А в том, что если излагать государственную идеологию, то прежде всего в ней должны быть отражены сакральные духовные основы государства, традиционные и нетленные во времени ценности государства, общие интересы для всех народов России. Отсюда сразу логично выстраиваются приоритеты действий во внутренней и внешней политике, в том числе и по вопросу национальностей. Потому и спускается на тормозах процесс изложения национальной идеи (государственной идеологии), что либеральная составляющая власти, которая до сих пор удерживает решающие позиции в структурах управления, понимает, что в этом случае они, либералы, окажутся лишние, потому как сразу в стране начнется наводиться порядок. Чьи интересы тогда возобладают: «их» или России?

Долго ли ещё государству пребывать в неосмысленном своём предназначении?

ДЕРЖАВНОСТЬ, ВСЕОТЗЫВЧИВОСТЬ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Лет пять назад я полемизировал с моим другом, который стал исповедовать националистические взгляды. Обсуждали мы проблему русской идеологии, русской идеи. И сразу спор пошел вокруг личности Федора Михайловича Достоевского и его идей. Он сказал мне тогда: *«Долго я оставался в плену мифологии Достоевского, долго верил в его утопические идеи о русской всечеловечности, о всеотзывчивости русского человека. Писал на эту тему статьи, издавал сборники. А теперь понял, что все эти всеотзывчивости и всечеловечности никакого отношения к реальности не имеют. И никаким национальным пророком Достоевский не является. И к чему привела страну эта всеотзывчивость? Сначала к революции, потом к коммунистической диктатуре. И ведь никакое Православие, никакое монархическое чувство русского народа, на которые так уповал Федор Михайлович, не помогли. А в дальнейшем во что выродилась наша так называемая всеотзывчивость? СССР кормил и содержал всяких международных оборванцев, как сказал бы булгаковский профессор Преображенский. Истожили свои силы, свои ресурсы и пришли к полному краху государственности, экономики, и стали подстилкой, о которую Запад вытирает ноги. Одним словом, всё проиграли. Поэтому теперь нам, чтобы хоть что-то сохранить, необходимо полностью отказаться от всех этих всеотзывчивостей, от сверхдержавности и начать жить для себя, только для себя. Мы должны стать обычным национальным государством для русских. И всё!»*

И каким же оказался реальный итог этой идейной и жизненной позиции моего друга? Недавно в узком кругу он заявил, что на самом деле в глубине души всегда был либералом, что многие годы лгал самому себе, изображая из себя сначала патриота, а затем националиста. Надо сказать, я его даже зауважал за столь откровенное признание. Большинство наших доморожденных националистов никогда на такое не решатся. Так что с этим моим другом получился, говоря научным языком, чистый эксперимент по превращению националиста в либерала. Интерес-

но заметить в этой связи, что несколько лет назад один из виднейших российских либералов Анатолий Чубайс заявил: «*Больше всего на свете я ненавижу Достоевского!*».

Да не подумает читатель, что я сочинил эту историю для удобства отстаивания своей позиции. Такими литературными приемами в своей публицистике я никогда не пользуюсь. Человек, о котором я говорю, действительно существует, он даже весьма известный автор статей и сборников. Но я не считаю себя вправе открывать его имя, поскольку, повторяю, признание это было сделано им в приватной беседе, а не высказано публично.

События последних лет наглядно продемонстрировали, что могли бы сделать с нашей Родиной ее многочисленные враги, если бы в реальной политической жизни восторжествовала местечковая либерально-националистическая идея моего друга. России, как государства и страны, уже просто не осталось бы на политической карте мира. Но эти же события последних лет убедительно доказывают правоту Достоевского. Мне уже приходилось в своих статьях о Федоре Михайловиче обращать внимание на один свойственный ему феномен, который не представлен столь ярко ни в одном другом мировом писателе: значение и актуальность Достоевского возрастают с каждым годом. Достоевский был писателем идейным. Он, как никто другой, осознавал, что ни один большой народ не может существовать без идеи, без идеологии. Утрата народом его основной идеи означает для этого народа скорую и мучительную гибель. И мы сегодня наблюдаем полный крах идей и идеологий в западном мире. Мы наблюдаем тотальное идейное вырождение Запада, как Европы, так и США. Ведь нельзя же считать содомию идеологией. В Содоме есть только маниакальная тяга к самоуничтожению.

В этой связи очень интересно рассмотреть в «Дневнике писателя» Достоевского за 1877 год статью «Три идеи», в которой Федор Михайлович рассуждает о соотношении трех мировых идей: католической, протестантской и славянской. Обратимся к тексту самой статьи: *«В самом деле, что ожидает мир не только в остальную четверть века, но даже (кто знает это?) в нынешнем, может быть, году? В Европе беспокойно, и в этом нет сомнения. Но временное ли, минутное ли это беспокойство? Совсем нет: видно, подошли сроки уж чему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготовлялось в мире с самого начал его цивилизации. Три идеи встают перед миром и, кажется, формируются уже окончательно. С одной стороны, с краю Европы — идея католическая, осужденная, ждущая в великих муках и недоумениях: быть ей или не быть, жить ей еще или пришел ей конец. Я не про религию католическую одну говорю, а про всю идею католическую, про участь наций, сложившихся под этой идеей в продолжение тысяче-*

тия, проникнутых ею насквозь. В этом смысле Франция, например, есть как бы полнейшее воплощение католической идеи в продолжение веков, глава этой идеи, унаследованной, конечно, еще от римлян и в их духе. Эта Франция, даже и потерявшая теперь, почти вся, всякую религию (иезуиты и атеисты тут все равно, все одно), закрывавшая не раз свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировке Собрания Самого Бога, эта Франция, развившая из идей 89-го года свой особенный французский социализм, то есть успокоение и устройство человеческого общества уже без Христа и вне Христа, как хотело да не сумело устроить его во Христе католичество...

С другой стороны восстает старый протестантизм... Это — германец, верящий слепо, что в нем лишь обновление человечества, а не в цивилизации католической... Пусть это покамест моя химера, но зато Лютеров протестантизм уже факт: вера эта есть протестующая и лишь отрицательная, и чуть исчезнет с земли католичество, исчезнет за ним вслед и протестантство, наверно, потому что не против чего будет протестовать, обратится в прямой атеизм и тем кончится...

Амежду тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. Всем ясно теперь, что с разрешением Восточного вопроса двинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно и которая, во всяком случае и наименее говоря, не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно... И все эти три огромные мировые идеи сошлись, в развязке своей, почти в одно время... У нас, русских, есть, конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире, — это всецелость и духовная нераздельность миллионов народов нашего и теснейшее единение его с монархом».

Мы видим, с какой поразительной точностью сбылись и сбываются все предположения Достоевского относительно духовно-нравственного развития Европы и России. Действительно, в некогда католической Франции и протестантской Германии восторжествовал «прямой атеизм», перешедший сегодня в свою последнюю содомскую стадию. Все западные идеи, так или иначе связанные со Христом, умерли. «А как же США?», — спросит кто-то из читателей. Но разве можно «американскую мечту» считать идеологией?! «Американская мечта» — это злобный бесовский комикс и ничего больше. Когда-то Фридрих Ницше изрек: «Бог умер!». Он имел в виду именно Европу! Но Достоевский осознал этот метафизический факт значительно раньше немецкого мыслителя.

Возможно, я услышу еще один вопрос: «А почему вы ничего не говорите о мусульманской, китайской или о других азиатских идеях и идеологиях?». Да потому, что, на мой взгляд, все эти идеи и идеологии в духовном смысле являются лишь наказанием (бичом Божиим) христианских народов за их отказ от Спасителя. Самостоятельности и первородности эти идеи и идеологии не имеют.

И сегодня в мире животворящей силой обладает лишь Русская идея (Достоевский именовал ее славянской). Русская идея единственная, опирающаяся на Христа, на Православие. Она одна удерживает современный мир от полной аннигиляции. Кто-то, конечно, спросит: «Вот Вы приводите слова Достоевского: «...духовная нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее единение его с монархом». А как же две русские революции, в которых народ предал Царя, отрекся от него и стал соучастником цареубийства?! Получается, что Достоевский ошибся?!»

Вопрос нелегкий и, наверное, я не всех смогу убедить. Но я думаю так: Русский народ не утратил, несмотря на революции, тех качеств, о которых говорит Федор Михайлович. Русский народ, безусловно, причастен ко греху цареубийства. Но это был страшный соблазн ложно понимаемой свободы, соблазн своеволия, через который Россия промыслительно должна была пройти. Здесь заключена великая Божия тайна, неподвластная, как сказал бы Достоевский, плоскому евклидову уму. Но уже в советский период при Сталине народ русский возвращается к своему архетипическому монархическому самосознанию. Иначе мы не победили бы в Великой Отечественной войне. Кто-то снова спросит: «А в лихие девяностые годы прошлого века, в период перестройки и распада СССР русский народ тоже сохранил в себе монархическое самосознание?!» Я убежден, что в девяностые лихие годы русский народ не хотел ни распада страны, ни революционных перемен. Революцию девяностых совершил малый либеральный народ, дорвавшийся до вершин власти. Большой народ даже не успел опомниться. Но сегодня преодолен и соблазн девяностых.

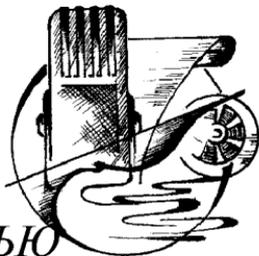
И мы снова обретаем свою подлинную Русскую идеологию. На самом деле Россия и русский народ никогда от своей небесной Христовой идеологии полностью и не отказывались. Были лишь моменты затмения.

Державность, Всеотзывчивость, Традиционализм противостоят безначалию, злобе и уродству. Державность, Всеотзывчивость, Традиционализм и есть в нераздельном единстве та самая спасающая мир Красота, о которой пророчествовал Достоевский.

Я ПОЛЖИЗНИ ПРОВЕЛ НА ВОЙНЕ...

Пятнадцать лет прошло, как нет с нами великого «чародея танца» Махмуда Эсамбаева. Но на меня с пристальным дружелюбием смотрят все те же лучистые карие глаза, и я думаю: до чего же они похожи этим открытым взглядом — знаменитый дядя и его родной племянник Саид Эсамбаев, одиннадцатикратный чемпион мира и восьмикратный чемпион СССР по боям без правил, создатель уникальной школы всестилевых единоборств, заслуженный тренер России, заслуженный мастер спорта международного класса, поэт, философ, не однажды раненный ветеран боевых действий, командир спецподразделения, почётный сотрудник органов безопасности, этакий «борз» (волк — по-чеченски), прошедший «ад» боевых действий, пламя которого и на расстоянии может обжечь самую закалённую душу. Награжден именованным оружием, многими правительственными наградами, среди которых — Золотая Звезда «За верность России».

Но в мире опять неспокойно. И снова — командировки. После долгих пе-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

реговоров он наконец согласился дать интервью «Молодой гвардии». Разумеется, с оговорками, соблюдением необходимой секретности и в присутствии своего друга, которого мы зашифруем под инициалами «генерал В.Н.».

— Род Эсамбаевых всегда служил России верой и правдой, — первым заговорил Саид. — И во времена Лермонтова, и в лихие революционные годы, и в советский период. Конечно, и сегодня я тоже служу, хотя...

— Что значит — «хотя»?

— Саид целый год пролежал в коме, — пояснил «генерал В.Н.». — Реабилитация еще не вполне закончилась. Но он уже работает.

Что же случилось?

...Операция проходила в горах. Скажем так: на территории активных боевых действий. С заданием спецгруппа справилась блестяще. Был обнаружен тщательно скрытый лагерь боевиков — с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами. Удалось довольно быстро ликвидировать предводителя банды, несколько десятков его приспешников и главное — уничтожить взрывчатые вещества (которые боевики планировали использовать против мирного населения нашей страны). Не мешкая, группа Эсамбаева стала отходить. Но вскоре обнаружилось: их преследуют. И преследуют не только разъяренные бандиты, но и вооруженные до зубов «чёрные шакалы» («гвардия» боевиков), под чьим началом и создавался лагерь — как плацдарм для террористических операций на южных рубежах России.

Отходили, прикрывая друг друга, — автоматным огнем и гранатами. Но силы были слишком не равны. Кольцо сжималось. Пули свистели все гуще. И тогда Саид принял решение: отвлечь преследователей на себя, а группу послать другой тропой — потаенной, спасительной.

— Почему это сделали Вы, командир спецгруппы? Не правильнее ли было отдать приказ кому-то из подчиненных — задержать врага, прикрыть отход товарищей?

— Нет, тысячу раз нет! Не мой стиль, простите... Да, я — командир, и поэтому отвечаю за жизнь каждого. Знаю нрав и возможности любого бойца, вплоть до того, как он прилаживает на себя «разгрузку» — специальный жилет для автоматных рожков и гранат. Сам, многое пережив, понимаю: за каждым парнем — семья, жена, дети, престарелые родители. А еще — годы и годы спецподготовки, немалые государственные затраты (чтобы сделать из него супервоина). Возможно, и не к месту, но вспоминаются судьба и подвиги великого русского адмирала Федора Ушакова,

которого я очень ценю и люблю. Он участвовал в 43 батальях и ни в одной не проиграл. И вот что важно лично для меня: флотоводец побеждал без потерь со стороны личного состава. Берег своих служителей — как называли матросов в старину. И те, чувствуя это, шли за ним в огонь и в воду. Поэтому многие поступки я сверяю с ним. К тому же мы тоже работаем без потерь.

— Но что же было дальше, Саид? «Чёрные шакалы» идут по пятам. Наверняка Ваша измотанная группа уже слышит беспощадно-злое, приближающееся дыхание?

...Итак, ему удалось сбить с толку разъяренных преследователей, увести их за собой, спасая своих ребят. Патронов хватало, гранат тоже. Он надеялся пройти вдоль береговой кручи, добраться до более пологого места, спуститься вниз, к речной стремнине, а затем скрыться в густых зеленых зарослях. И ночью попытаться выйти к своим, соединиться с отрядом. В голове засели строчки своего же стихотворения: «Остался я на острове, как будто брошенный в огне...» Однако, похоже, ничего не выйдет. Враги все ближе, огонь все гуще. Островок на глазах осыпался, делался совсем маленьким...

Он стоял над пропастью. Где-то внизу едва слышно шумела река. Из раненного осколком плеча пульсирующе вытекала кровь. Преследователи приближались полукругом, явно намереваясь взять командира живым. «Сдавайся!» — уже кричали враги. Посмотрел на далекую воду: метров 80, не меньше... И вдруг, развернувшись и раскинув руки, стремительно и точно бросил в бездну свое могучее послушное тело. Боевики только ахнули. Подбежали к обрыву, швыряли вдогонку гранаты. Но было так высоко, что гранаты взрывались в воздухе, не успевали долететь до дна. И это была большая удача.

Полковник чудом остался жив. Его удалось вытащить спустя шесть часов (тоже спецоперация). Он был без сознания. Целый год провел в коме. Если прежде боевой вес Эсамбаева был более 130 килограммов, то после выхода из комы он весил ровно пятьдесят три килограмма...

— Не может быть такого!

Я недоверчиво смотрю на сидящего передо мной богатыря, под футболкой которого бугрятся мускулы, а в могучей ладони запросто тонет чайная чашка.

— Подтверждаю: было именно так, — вступает в беседу «В.Н.». — Саид не мог ходить, его воздухом шатало. Он заново учился делать все — разговаривать, есть, читать, писать. У него железная воля. Не зря он сочинил стихотворение про

стальных людей. Это он про себя написал. Ни один мускул на его лице никогда не выдаст его состояния. Это его образ жизни. И чтобы понять это, надо знать его жизненные принципы, которые он впитал с молоком матери. Он очень надёжный и верный друг, у которого на первом месте честь и высокое чувство долга. С ним легко его подчиненным, потому что он умеет правильно выбрать приоритетные цели и единственно правильный путь решения поставленной задачи. А это, поверьте, особый дар.

— Должно быть, Саид, мой вопрос несколько странен. Но интересно, успели ли Вы о чем-то подумать, прежде чем шагнули в пропасть? Может, в клокочущем сознании мелькнула, вспыхнула напоследок какая-то важная мысль?

— Знаете, успел... Успел подумать о своем великом дяде — Махмуде Эсамбаеве. Позавидовал (улыбается) его танцевальной легкости, парящему полету над сценой: эх, как бы это мне помогло! Унесло бы куда подальше от смертельной опасности.

— А что, дядя хотел, чтобы Вы тоже танцевали, продолжили его путь в искусстве?

— Еще как! Но я сопротивлялся всеми силами. Хотя пластика была. На шпагат хоть сейчас, без разминки. И все же я хотел драться, хотел стать настоящим бойцом, мечтал получить черный пояс. К тому же я понимал, что Махмудом вторым я не стану, а быть Махмудом третьим, четвертым — это тем более не по мне. Дядя, приезжая с гастролей в наши родные Старые Атаги, с интересом наблюдал, как я усердно тренируюсь, до изнеможения отрабатывая удары и приемы. Ворчал, называл меня «горбель» — упертый, упрямый по-чеченски. Кстати, он и сам такой. Во время Великой Отечественной войны он часто выступал прямо на передовой и однажды был сильно ранен в ногу. Врач сказал: ногу сохраним, но о танцах придется забыть. А он — упертый — на всё наплевал. Работал до кровавых слез, и все же восстановился полностью, вернулся к танцам, достиг вершин мастерства. Это ведь уже потом его наградили орденом Красной Звезды, он стал Героем Социалистического Труда, членом Верховного Совета СССР. Вообще-то наши судьбы схожи. Дяде было лет 7—8, а он уже на всех праздниках колесом ходил, танцевал. И я дрался всегда, как себя помню. Ребята в нашем Грозненском районе были задиристыми. Я и старался защитить девчонок, слабых, случалось и мальчишек постарше: был я рослый не по годам, к тому же устроился лесорубом — и отцу помогал, и руки силой наливались.

— Что-то насчет лесоруба я не понял... Ведь Ваш отец был не последним человеком в Чечено-Ингушетии, а вскоре и вовсе стал большим начальником — министром лесного хозяйства республики. Зачем подростку было работать? Разве Вы нуждались?

— Нет, конечно. Если в чем и нуждался — это в материнской ласке. Но мама умерла, когда мне было три года. Отец сам с юности трудился на лесоразработках, таскал на себе неподъемные буковые стволы. Полагал, что и я, дабы не разбаловаться в министерском доме, тоже должен почувствовать почем фунт лиха. Короче, воспитывал. И я ему благодарен. Как благодарен и дяде Махмуду. Однажды из зарубежных гастролей он привез «видак» и кассеты с фильмами, где играют знаменитые Брюс Ли и Чак Норрис. Посмотрев без счета эти боевики, я окончательно понял: вот оно, моё! И научился копировать движения актеров. Но по наивности я все принимал за чистую монету, не догадываясь о существовании трюков, кинемонтажа и прочих штук. При этом кое-что прибавлял от себя — творил, словом. И дядя Махмуд это одобрял. Говорил строго: всегда надо идти своим путем, разрушая стереотипы. Нужны дерзновение и бесстрашие. В танце — у меня своя дорога, только своя. Поэтому меня знает весь мир, а на родине, в СССР, я единственный, кому разрешается даже на паспорт фотографироваться в папахе. Такая же дорога, Саид, должна быть и у тебя — только в единоборствах. Иначе не стоит и вступать на нее. А еще настаивал, чтобы я помнил: мой прадед Сали-Сулейман был великим борцом-силовиком. Сам Иван Поддубный не смог его победить. Есть даже памятник: прадед рельсы на плече гнёт. А заканчивал так: «Знай же, что древний род Эсамбаевых одарен Богом. А ты — неповторимое звено в родовой цепи, преемник всего лучшего. Не забывай. Защищай добро, людей, свою родину — малую, Чечню и большую, Россию...»

— По избранному пути Саид шел стремительно, — подсказывает «В.Н.». — В пятнадцать лет становится мастером спорта СССР по рукопашному бою, спустя год — обладателем черного пояса по тхэквондо. К 18 годам — очередной черный пояс, звание эксперта и инструктора международного класса по всестилевому каратэ. Прошло еще совсем немного времени и он, не проиграв ни одного поединка, становится одиннадцатикратным чемпионом мира по боям без правил. Но это было уже в Одессе...

— В Одессе? И чем Вы там занимались?

— Мне предложили поработать каскадером на местной киностудии. Было интересно. Я ставил различные трюки

и наслаждался молодостью. Одесситы — веселые, остроумные люди. Одновременно участвовал в жестких поединках. Там не было никаких ограничений. Разрешалось бить куда угодно — в глаза, по кадыку. Случалось, людей калечили. На ринг выходили двое, а покидал его один — соперник оставался лежать. Я никогда не добивал противника, решительно протестовал против этой жестокости, замешанной на больших деньгах. Нужно помнить, что это были лихие девяностые. В России царил беспредел. И с Запада сюда хлынул мутный поток, позволяющий заграничным дельцам, как говорится, сорвать немалый куш. Короче, заработать на ребятах. Однажды спортсменов даже задержали. В прокуратуре и милиции пытались найти организаторов этих ужасных турниров. Увы, сделать этого не удалось: организаторы были за границей.

Помню, в «Советском спорте» про меня написали, что я — непобедимый. Так меня и стали звать: Саид Непобедимый. Что ж, газетчики люди с большим воображением... Но это так встревожило знаменитого Юрия Никулина, друга моего дяди, что он предложил: «Махмуд, давай деньги соберем, твоему племяннику отдадим. Только бы он перестал драться...» Никулин искренне думал, что я выступаю ради денег. Но это было совсем не так. Я выходил на ринг, чтобы усовершенствовать свою систему, создать собственную школу единоборств. Более того, выработать особую философию боя, основанную на свободе от недобрых помыслов, на благородстве, чести и красоте. И мне это с Божией помощью удалось.

— И какова же судьба Вашей школы? Ее приняли на вооружение в Госкомспорте, вам позволили отбирать и тренировать ребят?

— Нет, не приняли. И я хорошо понимаю, почему. Ведь уже началась первая чеченская война. Наверху изучили этот вопрос, вызвали меня и сказали: всё, будешь тренировать силовиков, работников спецслужб. Что я и делаю по сей день — разумеется, параллельно с другими заданиями. Я учу, что мастерство бойца зиждется на трех началах: дух, разум, тело. Ибо сила, лишенная разума, обречена на поражение. Понятное дело, я могу научить крепких ребят приемам борьбы, ударной технике, разным хитростям, но это не главное. Главное, кем вы выходите на противника — уже победителем или уже побежденным. Все решается до боя — на ринге или на настоящей войне. Хорошо замечено: не плоть, а дух делает воина воином.

— Итак, Саид, Вас называют непобедимым, и прекрасно понимаю за что. Вы всегда одерживали верх над самыми серьезными и подготовленными соперниками по спорту. Вы одолевали врага на войне. Но неужели не было момента в Вашей жизни, когда Вы чувствовали себя беспомощным? Когда ничего не могли сделать?

— Видите ли (темнеет лицом, хмурится)... Это было в 90-е годы, я уже служил в российских силовых структурах. Приехал в Старые Атаги навестить отца. А в семь вечера ворвались вооруженные головорезы, и так неожиданно, что я ничего не успел сделать. Не сближаясь, они из огнестрельного оружия ранили меня в плечо, а после привязали к спинке кровати и стали избивать — на глазах у отца. Били за то, что мы были против войны в Чечне, за единство с Россией. Для бандитов мы были русскими. В ту ночь у отца случился инсульт. Не стану говорить, кто нас выручил, но эта история получила продолжение уже в Подмоскowie, в пансионате, куда я привез отца на реабилитацию. Кто-то стукнул: тут чеченцы, значит, боевики (это про нас). И сразу влетели восемь рубоповцев с автоматами. И — началось! Я им удостоверение, а они — ноль внимания: обыск устроили. В Чечне мы считались русскими, в России — чеченцами. Я долго терпел, но рубоповцы сделали то, чего не следовало делать: скинули больного отца с кровати. И тогда я незаметно нажал кнопку мобильного...

Когда его коллеги во главе с «В.Н.» вбежали в комнату, то их взору предстала такая картина: все восемь рубоповцев лежали рядком на полу со связанными руками; их автоматы аккуратно стояли в углу. Саид молча сидел рядом с отцом и успокаивающе гладил его руку..

— Меня вот что еще удивляет. Вы — мусульманин, но не так давно из рук патриарха получили орден Андрея Первозванного. За что?

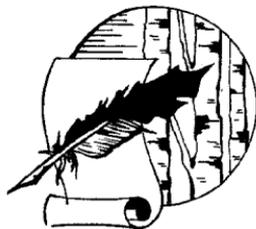
— Я живу в России, это мое Отечество, которому я служу, а потому с уважением отношусь к православию. Ведь на его основе в былые времена создавалась мощь и крепь государства. По мере сил помогаю в восстановлении храмов и монастырей. Рад, что моя скромная деятельность получила такую оценку. К тому же ислам не отвергает другую веру. Просто каждый идет к Богу собственным путем. Я так думаю. Аллах переводится как единый Бог. Ислам религия мира и согласия. А все эти разговоры про неверных, которых надо убивать, это — сказки для одураченных членов радикальных сект. Эти несчастные, подчас полуграмотные люди Коран не читали. Их слепо используют — в терактах,

провокациях, переворотах. Все эти талибаны, алькаиды, игилы — террористические организации, вскормленные ЦРУ. И вообще, терроризм — это не несколько обиженных людей, это — системная государственная политика США, в конечном счете направленная на сдерживание России. Словом, идет борьба.

— Саид, вы полковник спецслужб, профессионал, не раз по заданию правительства освобождали из плена людей, в том числе известных. Выходили без потерь из многих переделок. Прошли многие очаги напряженности. Одним словом, вы полжизни провели на войне. Что она для вас?

— Кто-то заметил: «Война превращает в диких зверей людей, рожденных, чтобы быть братьями». Конечно, войны бывают разные. Но точнее едва ли скажешь.

Беседовал Александр ПОЛЯКОВ

Валентина БЕЛЯЕВА

НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

То ль свет уполз во тьму немой украдкой,
То ль тьма, сжимая солнце мёртвой хваткой,
Вальяжной хмарью медленно вплыла.
Спи до утра, младенец мой прекрасный,
Проснёшься и поймёшь, что не напрасно
Ночь долгою и тёмною была.

Увидишь первозданное светило,
Как блеск его лучей в окошке милом
Вокруг себя разбрызгивает клён.
Ещё не знаешь ты, чем обернётся
Вот этот свет, что к небу вознесётся
И в миг какой рассыплется углём...

То ль свет уполз во тьму, сжимаясь в страхе,
То ль тьма в своей обугленной рубахе
Вздывает меч рождающихся смут.
Поспи пока, младенец мой, спокойно.
Ещё не знаешь ты, что чьи-то войны
Тебя нетерпеливо где-то ждут.

Поспи пока, малыш... Настанут сроки —
Расстелются овраги и дороги,
Достанется и света, и огня.
Всё будет... Только солнце неизменно,
Вступая в схватку с тьмою, непременно
Прошепчет тихо: «Ты прости меня...»

* * *

Неуютно и зябко в пустом октябре.
За окном — проржавевший горох на рябине
Да узорчатый мох на вишнёвой коре.
Что-то вспомнишь об этой унылой поре,
Тупо глядя на пепел в застывшем камине.

Что-то вспомнишь... Возьмёшь невзначай кочергу.
Глубь времён зимней сказкой всплывёт изумлённо.
Ты увидишь себя на крутом берегу,
Как бежал сквозь метель, весь в колючем снегу,
И кричал в белый свет: «Я с тобою, Алёна!»

Что-то вспомнишь ещё... Ворох старых газет,
На диване — дыра от забытой сигарки.
Абажур из стекляшек, мерцающий свет.
В день рожденья — кулёк шоколадных конфет.
«Снегурки», что случайно потеряны в парке...

Что-то вспомнишь ещё... А, как в прорубь скользнул,
Как на лыжах спускался с кружившейся горки
И невольно пыхтел как изъезженный мул.
А кругом разносился ребяческий гул,
И, виляя хвостом, лаял пёсик в восторге.

И невольно крадётся: но ты не один,
Вон в окошке — оранжевый листик от клёна.
И опять задымится остывший камин.
И вернётся с чужих островов птичий клин...

И ты шепчешь всё тише и тише: Алёна...

ДЕВУШКА И СКРИПКА

Играет Баха девушка у сквера.
Футляр от скрипки рядом на земле.
Восходит белоснежная Венера
В неспешно пробуждающейся мгле.

Листает осень зяблые страницы.
И листик невесомый, словно дым,
Под музыку хоральную ложится
К ногам скрипачки ликом золотым.

Ах, тонкие встревоженные руки,
Целованные взглядами богов!
И эти неразгаданные звуки
С заснеженных глубин седых веков...

Закат неумолимо уползает
В надрывной вопрошающей тоске...
И звёздочка далёкая мерцает
У девушки-скрипачки на виске...

ШАЛЯПИН

В пальто из седой чернобурки,
Ссутулившись, с зонтиком, в шляпе,
Стоял над Невой в Петербурге
В тяжёлом раздумье Шаляпин.

Повсюду атели знамёна,
Безумные кони летели.
На ветвях заплаканных клёнов
С восторгом вороны галдели.

Качалось в воде отраженье.
В безмолвье душа леденела.
И, зная своё поражение,
Утерянной Родине пела:

«Уймись, волнения, страсти!
Засни, безнадёжное сердце...»
О, это безбрежное счастье!
Ему было некуда деться...

А с чёрной, как уголь, пластинки
Звучало всё ярче и ближе
«Сомнение» русского Глинки
В театре Монмартра в Париже...

г. Воронеж

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОГО ПОДЛОГА

Обнародование японскими генетиками результатов исследования человеческих останков, которые официальные российские власти признали останками семьи Николая Романова, наделало немало шума. Проанализировав структуры ДНК екатеринбургских останков и сравнив их с анализом ДНК брата Николая Второго Великого князя Георгия Романова, родного племянника императора Тихона Куликовско-го-Романова, и ДНК, взятым из частичек пота с императорской одежды, профессор Токийского института микробиологии Татсуо Нагаи пришел к выводу, что останки, обнаруженные под Екатеринбургом, не принадлежат Николаю Романову и членам его семьи.

Это придало особый вес аргументам той группы ученых историков и генетиков, которая уверена, что в 1998 году в Петропавловской крепости под видом императорской семьи с большой помпой захоронили абсолютно чужие останки. Почти десять лет проблемой поиска и идентификации останков расстрелянной в 1918 году в Екатеринбурге семьи Николая Романова занимается профессор Российской академии истории и палеонто-

ДОСЬЕ "МГ"

логии Вадим Винер. С этой целью он даже создал специальный Центр по расследованию обстоятельств гибели членов семьи Дома Романовых и стал его президентом. Винер уверен, что заявление японских ученых может спровоцировать в России новый политический скандал, если решение специальной комиссии правительства РФ, признающее «екатеринбургские останки» романовскими, не будет отменено. Об основных аргументах по этому поводу и о том, какие интересы переплелись в «деле Романовых», он рассказал в интервью корреспонденту *Страны.Ru* Виктору Белимову.

— Вадим Александрович, какие у России есть основания доверять Татсуо Нагаи?

— Их достаточно. Известно, что для экспертизы такого уровня нужно брать не дальних родственников императора, а ближайшее родство. Имеются в виду сестры, братья, мать. Что сделала правительственная комиссия? Она взяла далекое родство, троюродных родственников Николая Второго, и очень дальнее родство по линии Александры Федоровны, это английский принц Филипп. При том, что есть возможность узнать структуры ДНК ближних родственников: есть мощи Елизаветы Федоровны, родной сестры императрицы, сына родной сестры Николая Второго Тихона Николаевича Куликовского-Романова. Между тем сравнение было сделано на основе анализов родственников дальних, и получены очень странные результаты с такими формулировками, как «имеются совпадения». Совпадение на языке генетиков вовсе не означает идентичность. Вообще мы все совпадаем. Потому что у нас две руки, две ноги и одна голова. Это не аргумент. Японцы же взяли анализы ДНК как раз близких родственников императора.

Второе. Зафиксирован совершенно четкий исторический факт, что когда однажды Николай, будучи еще цесаревичем, ездил в Японию, там его ударили саблей по голове. Были нанесены две раны: затылочно-теменная и лобно-теменная 9 и 10 см соответственно. Во время очистки второй затылочно-теменной раны был извлечен осколок кости толщиной с обыкновенный лист писчей бумаги. Этого достаточно для того, чтобы на черепе осталась выемка — так называемая костная мозоль, которая не рассасывается. На черепе, который свердловские власти, а позднее и федеральные выдавали за череп Николая Второго, такой мозоли нет. И фонд «Обретение» в лице господина Авдонина, и Свердловское бюро судебно-медицинской экспертизы в лице господина Неволина говорили все, что угодно: что, мол, японцы ошиблись, что рана могла мигрировать по черепу и так далее.

А что сделали японцы? Оказывается, после визита Николая в Японию они сохранили его платок, тельняшку, диван, на котором он сидел, и саблю, которой его ударили. Все это находится в музее города Оцу. Японские ученые изучили ДНК крови, которая осталась на платке после ранения, и ДНК со спиля костей, обнаруженных в Екатеринбурге. Выяснилось, что структуры ДНК разные. Это было в 1997 году. Теперь же Татсуо Нагаи решил обобщить все эти данные в одно комплексное исследование. Его экспертиза длилась год и завершилась совсем недавно, в июле. Японские генетики доказали на 100 процентов, что экспертиза, проведенная группой господина Иванова, была чистой воды халтурой. Но анализ ДНК, проведенный японцами, — это только звено в целой цепочке доказательств о непричастности екатеринбургских останков к семье Николая Второго.

Кроме того, замечу, по такой же методике была проведена экспертиза другим генетиком, президентом Международной ассоциации судебных медиков господином Бонте из Дюссельдорфа. Он доказал, что найденные останки и двойники семьи Николая Второго Филатовы — родственники.

— Почему японцы так заинтересованы в том, чтобы доказать ошибку правительства РФ и российских генетиков?

— Их интерес здесь чисто профессиональный. У них хранится вещь, которая имеет прямое отношение не только к памяти России, но и ко всей спорной ситуации. Я имею в виду платок с кровью царя. Как известно, генетики по этому вопросу разделились, как и ученые-историки. Японцы поддержали ту группу, которая пытается доказать, что это останки не Николая Второго и его семьи. И поддержали не в силу того, что они этого хотели, а в силу того, что их результаты сами по себе показали явную некомпетентность господина Иванова и тем более некомпетентность всей правительственной комиссии, которая была создана под руководством Бориса Немцова. Выводы Татсуо Нагаи — это последний, очень сильный аргумент, который сложно опровергнуть.

— Были какие-то отклики на заявления Нагаи со стороны ваших оппонентов?

— Были вопли. Со стороны того же Авдонина. Мол, при чем здесь какой-то японский профессор, если нас губернатор Свердловской области Россель поддержал. Потом было сказано, что это инспирировано какими-то темными силами. Кто они? Видимо, их много, начиная с Патриарха Алексия Второго. Потому что Церковь изначально не приняла точку зрения официальных властей.

— Вы сказали, что анализ ДНК — это только звено в цепочке доказательств. Какие еще есть аргументы, доказывающие, что в Петропавловской крепости нет останков последней императорской семьи?

— Есть два блока аргументов. Первый блок — это прижизненная медицина. Изначально Николая Александровича и его семью обслуживали 37 врачей. Естественно, сохранились медицинские документы. Это самая легкая экспертиза. И первый аргумент, который мы нашли, касается несовпадения данных прижизненных записей врачей с состоянием скелета №5. Этот скелет был выдан за скелет Анастасии. Согласно записям врачей Анастасия имела при жизни рост 158 см. Была невысокого роста, полненькая. Скелет, который похоронили, имеет рост 171 см, и это скелет худого человека. Второе — это костная мозоль, о чем я уже сказал.

Третье. В дневниках Николая Второго, когда он был в Тобольске, есть запись: «Сидел у дантиста». Мы с рядом коллег-историков стали искать, кто был тогда дантистом в Тобольске. Он, вернее, она, была одна на весь город — Мария Лазаревна Рендель. Она оставила своему сыну записи по состоянию зубов Николая Второго. Она сообщила, какие пломбы накладывала. Мы попросили судебных медиков посмотреть, какие пломбы на зубах скелета. Оказалось, что ничего не совпадает. Бюро судебно-медицинской экспертизы вновь заявило, что Рендель ошиблась. Как она ошиблась, если она, простите, лично лечила ему зубы?

Мы стали искать другие записи. И я нашел в Государственном архиве РФ на Большой Пироговской, 17 записи лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина. В одном из дневников есть фраза: «Николай Второй неудачно залез на лошадь. Упал. Перелом ноги. Боль локализована. Наложено гипс». Но на скелете, который пытаются выдать за скелет Николая Второго, нет ни единого перелома. Причем мы это сделали с минимальными затратами. Следователю Генпрокуратуры Соловьеву, который вел это дело, не нужно было ездить по границам и тратить бюджетные деньги, как он это с удовольствием делал. Достаточно было заглянуть в архивы Москвы и Питера. Но это говорит не о нежелании, а о том, что власть очень сильно хотела не замечать эти аргументы и документы.

Второй блок аргументов связан с историей. В первую очередь мы поставили вопрос, а подлинна ли записка Юровского, на основании которой власть искала могилу. И вот наш коллега, доктор исторических наук профессор Буранов в архиве находит рукописную записку, написанную Михаилом Николаевичем Покровским, а отнюдь не Яковом Михайло-

вичем Юровским. Там четко указана эта могила. То есть записка априори фальшивая. Покровский был первым директором Росархива. У него есть знаменитое выражение: «История — это политика, обращенная в прошлое». Записка Юровского — подделка. Раз она подделка, то по ней вы не можете обнаружить могилу. Это теперь вопрос доказанный.

— В этом есть и юридическая сторона...

— Она тоже полна странностей и нелепостей. Мы изначально просили, чтобы все это было выведено на правовое поле. В 1991 году Авдонин, нашедший могилу, обращается в Верх-Исетский РОВД Екатеринбурга с заявлением о находке. Оттуда обращаются в областную прокуратуру, и назначается прокурорская проверка. Могила вскрыта. Дальше непонятно. Уголовное дело не возбуждается, а в рамках этой проверки назначается прокурорская экспертиза. Это уже явное противоречие. То есть должны были возбудить уголовное дело в связи с нахождением останков, имеющих признаки насильственной смерти: статья 105 УК РФ. Но возбуждается уголовное дело по статье 102 — убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Вот здесь пошла самая настоящая политика. Потому что возникает простой вопрос: если вы дело берете по обстоятельствам гибели царской семьи, то кого вы должны привлекать в качестве подозреваемых в убийстве? Свердлова, Ленина, Дзержинского? Или Белобородова, Войкова, Голощекина? — это Уралсовет, Екатеринбург. Против кого вы будете дело возбуждать, если они все покойники?

То есть априори дело незаконно, и оно не имело судебной перспективы. Но по статье 102 легче доказать, что это останки семьи Романовых, вернее, легче не замечать аргументы. Как нужно было действовать, если все делать по закону? Вы должны установить срок давности, выяснить, что никого к ответственности привлечь нельзя. Уголовное дело подлежит закрытию. Далее надо вынести дело в суд, принять судебное определение по установлению тождества личности и тогда решать вопрос с похоронами. Но Генеральной прокуратуре это было невыгодно. Она тратила казенные деньги, симулируя бурную деятельность. То есть это была чистой воды политика. Учитывая, что в это дело вбухивались огромные деньги федерального бюджета.

Генеральная прокуратура возбуждает дело по статье 102 и закрывает его ввиду принадлежности останков Николаю Второму. Это такая же разница, как между кислым и соленым. Более того, решение об останках принималось не судом, а правительством Российской Федерации времен Чер-

номырдина. Правительство путем голосования принимает решение, что это останки царской семьи. Является это судебным решением? Естественно, нет.

Более того, Генеральная прокуратура в лице Соловьева добивается выписки свидетельства о смерти. Я процитирую его: «Свидетельство о смерти выдано Романову Николаю Александровичу. Родился 6 мая 1868 года. Место рождения неизвестно. Образование неизвестно. Место жительства до ареста неизвестно. Место работы до ареста неизвестно. Причина смерти — расстрел. Место смерти — подвал жилого дома города Екатеринбурга». Скажите, кому выписано это свидетельство? Вы не знаете, где он родился? Вы не знаете даже, что он был императором? Это же самое настоящее издевательство!

— Какова позиция Церкви?

— Она не признает подлинными эти останки, видя все это противоречия. Церковь изначально разделила два вопроса — останки отдельно, а имена отдельно. И потом уже, понимая, что правительство будет хоронить эти останки, Церковь принимает единственно правильное решение: «Бог знает их имена». И Ельцин под давлением Церкви хоронит неких жертв гражданской войны. Спрашивается: а кого мы вообще хороним?

— Какой, по-вашему, была цель всей этой затеи? Аргумент, чтобы «по заграницам» поездить, все же слаб. Уровень игры все-таки несколько выше...

— Безусловно. Я упомянул лишь о том, что лежит на поверхности. Аргументы здесь нескольких типов. Первый тип основан на любимом словосочетании губернатора Росселя «войти в историю». Суть этого аргумента — покрасоваться на фоне коронованных особ.

Но банальная причина в другой стороне. Когда возник интерес к Романовым? Именно тогда, когда Леонид Ильич Брежнев, а затем и Михаил Сергеевич Горбачев пытались улучшить отношения с Букингемским дворцом. Королева Елизавета Вторая говорила, что она не приедет в Россию до тех пор, пока перед ней не извинятся за судьбу Николая Второго. Николай Второй и ее отец — двоюродные братья. И она поехала только после того, как перед ней извинились. То есть все этапы появления и изучения этих останков тесно связаны с политическими мероприятиями.

Вскрытие останков произошло за несколько дней до встречи Горбачева и Тэтчер. Что же касается Британии как таковой, то там, в банке братьев Бэринг, лежит золото, личное золото Николая Второго. Пять с половиной тонн. Они не могут

выдать это золото, пока Николай Второй не будет признан умершим. Даже не без вести отсутствующим. Потому что никто в розыск не подавал. Следовательно, без вести отсутствующим он не является. По законам Великобритании отсутствие трупа и отсутствие документов об объявлении розыска означает, что человек жив. В этой ситуации, видимо, рассчитывая, что удастся обработать неких родственников, власть решается на поиск останков и проведение некачественной экспертизы.

— Но ведь и после этого банк братьев Бэринг не выдал золото...

— Генпрокуратура не случайно выписала свидетельство о смерти. И группа граждан обращалась в банк за деньгами. Но банк не признает этот документ. Там требуют решение российского суда о том, что Николай Второй умер и вот это его останки.

— А что же, родственники готовы поклоняться чужой могиле, лишь бы им выдали золото?

— Для большей части родственников, безусловно, обретение подлинной могилы важнее, чем золото. Их пытались втянуть в эту грязную игру. Многие отказались, но часть Романовых все же приехала в Екатеринбург на похороны.

— Что вы предлагаете делать сейчас, когда у вас в союзниках появились такие влиятельные люди, как японские ученые?

— Давайте вернем дело строго в правовое поле. Вынесем его в суд. Судом отвергнем систему доказательств Генеральной прокуратуры. Поскольку существуют уже два судебных определения в Германии о признании екатеринбургских останков родственниками Филатовым. То есть нужно все-таки определить, чьи это останки, и передать их родственникам, пусть они решают, где их хоронить. То есть процедура выноса останков из Петропавловского собора маячит.

— Вы знаете, чьи это останки?

— Если верить немецким ученым, это останки Филатовых, двойников Николая Второго. А у Николая Второго было семь семей двойников. Это тоже факт уже известный. Система двойников началась с Александра Первого. Когда в результате заговора был убит его отец император Павел Первый, он испугался, что люди Павла его убьют, и дал команду подобрать себе трех двойников. Исторически известно, что на него было совершено два покушения. Оба раза он оставался живым, потому что погибали двойники. У Александра Второго двойников не было. У Александра Третьего двойники появились после знаменитого крушения поезда в Борках.

У Николая Второго двойники появились после Кровавого воскресенья 1905 года. Причем это были специально подобранные семьи. Только в последний момент очень узкий круг людей узнавал, по какому маршруту и в какой карете поедет Николай Второй. А так совершался одинаковый выезд всех трех карет. В какой из них сидел Николай Второй — неизвестно. Документы об этом лежат в архивах Третьего отделения канцелярии Его Императорского Величества. А большевики, захватив архив в 1917 году, естественно, получили фамилии всех двойников. В Сухуми жил Березкин Сергей Давыдович, идеально похожий на Николая Второго. Жена у него — Суровцева Александра Федоровна, копия императрицы. И дети у него — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. Они прикрывали царя.

— Когда о них стало известно?

— О Березкине заговорили с 1915 года. Он жил и в советское время в Сухуми. Умер в 1957 году. КГБ использовал его для работы с монархически настроенным населением. К нему ездили как к Николаю Второму, а органы выясняли, кто ездил, для чего ездил. Проблема двойников реально существует. Правда, ребенок, который изображал Алексея Николаевича, не болел гемофилией.

— Как формировали семьи?

— Были как реальные семьи, так и сборные. Проблему двойников нужно выявлять и изучать. Прокуратура сказала этой версии «аминь». Я уже сказал, что она не брала в расчет никакие доказательства, которые шли вразрез с официальной точкой зрения.

— Есть ли доказательства, что Филатовы последовали в Тобольск, в Екатеринбург?

— Этого мы пока не знаем. Нам пока не дают эти документы. След ведет в здание ФСБ. Оттуда ведь в свое время, в 1955 году, была организована утечка информации о том, что могила близ Екатеринбурга вскрывалась в 1946 году. Хотя есть и заключение доктора медицинских наук Попова, что могиле 50 лет, а не 80. Как у нас говорят, в романовском деле на один вопрос ответил — возникло еще 20. Дело настолько запутанное. Это почище, чем убийство Кеннеди. Потому что информация строго дозирована.

— Какой был смысл в 1946 году лезть в эту могилу?

— Возможно, ее в то время и создали. Вспомним, что в 1946 году жительница Дании Анна Андерсен попыталась получить царское золото. Начав второй процесс по признанию себя Анастасией. Первый процесс у нее ничем не закончился, он длился до середины 30-х. Потом она паузу выдержала

и в 1946 году вновь подала в суд. Сталин, видимо, решил, что лучше сделать могилу, где будет лежать «Анастасия», чем объясняться с Западом по этим вопросам. Тут были далеко идущие планы, о многих из которых мы даже не знаем. Можем только догадываться.

— А Филатовы жили в то время?

— Не знаю. След Филатова потерян.

— А ученый Бонте с какими родственниками общался?

— Он общался с Олегом Васильевичем Филатовым. Это сын Филатова, который изображал, по одним источникам, самого Николая, по другим — Алексея. Очевидно, Олег сам слышал звон, но не знает, где он. Немец провел сравнение его анализов с немецкими родственниками Филатовых и с екатеринбургскими останками. И получил 100-процентное совпадение. Эту ведь экспертизу никто не отрицает. О ней молчат. Хотя в Германии она имеет статус судебной. О двойниках еще никто никогда не говорил. Я как-то заикнулся в одном интервью, мне сказали, что я сумасшедший, хотя я поднимаю проблему, которая реально существовала.

— Что вы намерены делать в дальнейшем?

— Мы хотели бы создать некий дискуссионный клуб, провести серию интернет-конференций. В сентябре в Екатеринбург должен приехать известный ученый-историк Владлен Сироткин. Он собирает документы по претензии России к долгам Запада. По его данным, не только мы должны Западу, но и Запад должен нам. Сумма долгов — 400 млрд. долларов. Нам должны Чехия, Англия, Франция, Америка, Япония, Германия, Италия. Очень много денег было направлено на Запад под закупку оружия в годы Первой мировой войны. Это были залоговые под будущие поставки. Но поставок не было. Там есть наша недвижимость. Вот вам цена вопроса, которая реально стоит за всем этим. Нам надо показать, что проблема многогранна. Для нас очень важно, что мы шли наперекор правительству, официальным властям, в том числе правительству Свердловской области. Мы подвергались преследованиям ради установления исторической истины.

LogoSlovo.Ru

ПРИНЦЕССА ЛИБЕРАЛИЗМА

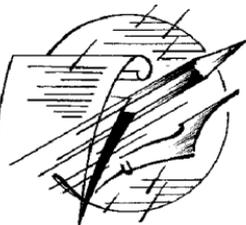
В тени великих родителей

Ксения Собчак родилась в ноябре 1981 года в Ленинграде в семье только что поженившихся преподавателей ЛГУ. Для обоих брак был вторым, оба после рождения дочери добились новых высот. Доцент юрфака ЛГУ Анатолий Собчак на следующий год со второй попытки стал доктором юридических наук (хотя в диссертации было так много ссылок на Ленина, что ВАК отправил её на переработку). Людмила Нарусова была редактором издательства и типографии, работала в библиотеке, а в 1981 году стала ассистентом, а затем доцентом университета культуры и искусств.

В биографиях Собчак особо упоминаются её крёстные — похоже, для развеивания слухов, что её крестным отцом был В.В. Путин.

В детстве занималась фортепиано, балетом при Мариинском театре и живописью при Эрмитаже; отдельно ей преподавал прославленный композитор Успенский. Училась в школе с углублённым изучением английского, окончила школу при педуниверситете.

К.Собчак говорила: «У меня аттестат без четвёрок. Либо пятёрки с плюсом за

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

гуманитарные предметы, либо тройки с минусом за точные науки». В интервью к своему 33-летию признавалась: «Может, не вспомню всю таблицу умножения».

В 1988 году её отец, завкафедрой юрфака ЛГУ, вступил в КПСС (покинул её через год столпом демократического движения). Собчак вспоминала: «...Мне было 7-8 лет, именно на этот мой возраст пришлись... политические перемены... И в моём... детском восприятии, политика — ...занятие, которое украло у меня папу».

С 1991 года Собчак как дочь демократического мэра Санкт-Петербурга везде ходила с телохранителями, стесняясь их.

Заслуживший репутацию авторитарного демагога, Собчак довёл второй город России до разрухи. Эта участь не была предопределена: достаточно сравнить Санкт-Петербург с Москвой, которую, не допустив бесплатной приватизации «по Чубайсу», спас Ю.М. Лужков. Город на Неве мог (и должен был) стать для Северо-Запада тем же, чем Москва для страны. Москвичи, посещавшие его при Собчаке, возвращались в шоке; автор помнит предновогодний Невский, занесённый снегом, с одной (!) автомобильной колеей.

А у дома Собчака в центре города, по рассказам петербуржцев, отапливалась мостовая — и либеральные реформаторы гордились роскошью, резко контрастировавшей с разрухой, во многом вызванной ими.

Двоюродная сестра вспоминала о К. Собчак: «Она была... смелой, непокорной, с сильным характером... Прислушивалась только к мнению отца... Обладала обострённым чувством справедливости. Когда ей было семь лет... купили у цыган жвачку, а это оказались конфеты. И Ксюша не побоялась, пошла разбираться, что было не так уж безопасно. Когда от неё отмахнулись, она стала кричать перед прилавком: «Люди, не покупайте! Это обман, это несправедливо!»

Мать, отношения с которой Собчак характеризует как «любовь-ненависть», отмечает: «...читала много книг... В детстве мы вместо сказок читали ей Плутарха, Тацита, «Жизнь двенадцати цезарей» Светония... Наказания на неё не действовали, только убеждение».

СМИ отмечали, что Собчак с детства помнит В.В. Путина, который был близким сотрудником её отца. О преданности В.В. Путина Собчаку свидетельствует то, что когда победивший его Яковлев позвал В.В. Путина в команду, тот ответил: «Лучше быть безработным, чем предателем», — понимая, что «безработным» означает «под уголовным делом».

С 16 лет Собчак стала жить отдельно от родителей и, стремясь к взрослой жизни в своём понимании, причилась к клубам.

Первые скандальные даже по тем временам публикации, рисующие образ потрясающей пошлости и отвратительной на физиологическом уровне вульгарности, появились о К.Собчак в конце 90-х. Нарусова попросила оградить её «не-совершеннолетнюю дочь от травли и клеветы», но известность была приобретена и росла от скандала к скандалу. Собчак добилась статуса «светской львицы», завсегдатая «статусных вечеринок» и «русской Пэрис Хилтон». Самореклама через скандальные подробности личной жизни на полтора десятилетия, похоже, стала основным способом продвижения (писали даже, что она заявила о желании стать валютной проституткой).

Только по данным «Комсомольской правды» (на 2010 год) и только в «женихах» Собчак успели походить бизнесмены Лейбман («которого у Ксюши увела Анастасия Волочкова») и Шустерович (свадьба с которым, сорвавшись в последний момент, заслонила скандалы с его участием), Умар Джабраилов, певец Тимати, режиссёр её программы, гендиректор «Серебряного дождя», бизнесмен Малис. В ноябре 2011 года ей в эфире Первого канала признался в любви руководитель департамента культуры Москвы Капков, с которым она, как писали, «встречалась» около года.

В 1998-м она поступила на факультет международных отношений СПбГУ, в 2001-м перевелась в МГИМО, в 2004-м стала магистром. В 2005 году Нарусова сообщала о её учёбе в аспирантуре — без последствий.

Ещё до окончания МГИМО в 2004 году Собчак пошла на телевидение: работать по специальности для неё, по её словам, «было бы мелко».

Правда, по её воспоминаниям, она пришла на телевидение раньше: «Мне было 18. Я приехала покорять Москву. Не прошла кастинг в программу «Афиша»... Я тогда не смогла справиться с текстом, запинаясь бесконечно. Рыдала два дня. Потом пошла дальше по кастингам... И вот меня взяли вести «Дом-2». Я была счастлива». Возможно, неточность допущена интервьюером — Романом Супером с «Радио Свобода», сообщившим в 2014 году на «Снобе» со ссылкой на жену директора СВР Фрадкова, что тот два года живет в индуистском ашраме, превращая себя в подобие дерева.

Негодование, вызванное демонстрацией пошлости, предельного цинизма и эгоизма, презрения к окружающим как

высшей доблести и моральной ценности, быстро сделали Собчак известной. Её обвиняли в том, что она, используя имя и связи родителей, «стала эксплуатировать низменные человеческие страстишки» в телеэфире «для саморекламы и утоления неуёмного тщеславия». Шоу «Блондинка в шоколаде» ругали за то, что Собчак в нём «пропагандирует своё социальное превосходство, занимаясь на глазах у миллионов зрителей «высокобюджетным» шопингом».

Наибольшее негодование вызвал «Дом-2», активно, энергично и изощрённо внедрявший в сознание молодежи тупость, пошлость, идеологию «потреблячества» и саморазрушающий эгоизм (не говоря о половой распущенности, напоминающей скорей животный мир, чем человеческий). Даже Собчак признавала, что в нём бывают «моменты пошловатые и даже вульгарные», подчёркивая: «Для меня важно... подтягивать людей до себя. Я... учу ребят... Благодаря мне они взрослеют».

«Подтягивание» (или «опускание») многомиллионной молодёжной аудитории до уровня Собчак вызвало требование депутатов Мосгордумы закрыть «Дом-2», так как действия, в частности, Собчак могут быть квалифицированы как «организация занятий проституцией другими лицами», «сутенёрство» и «сводничество».

По её мнению, «депутатам... не давала покоя моя популярность. Вот они решили урвать от неё кусок, но я отстояла своё право на завоёванную мной славу». Ни качество «славы», ни последствия для воспринявших её ценности молодых людей её не волновали; мысль о каких-то ценностях, кроме «славы» и денег, похоже, ей недоступна.

Вероятно, она убеждена: быть недовольным её хамством может лишь клинический неудачник, который ей просто завидует.

Успешно гонясь за популярностью, Собчак не могла игнорировать моду на политическую активность: после М. Гайдар, устраивавшей дебаты в рамках «Демократической альтернативы», в мае 2006 года она объявила о создании на свои средства и под своим лидерством молодёжного движения «Все свободны!» Собчак возвестила: «Борьба за права может быть весёлой. Мы хотим вести её свободно и непринуждённо», — на чём движение и кончилось.

В 2008 году группа родителей обвинила «Дом-2» в разрушении детской психики — и суд, наконец, запретил трансляцию передачи вне установленного законом времени. Только с 23:00 до 04:00.

В июле 2008-го в прямом эфире радио «Маяк» Собчак изошла оскорблениями, угрожая своими связями и заявив, в

частности: «Мужика давно не было у этой вашей ведущей Кати Гордон? Мне кажется, у неё критические дни». Ведущая резонно ответила в блоге: «Где бы ты, страшное существо, тусовалось, если бы не твой папа... и его... друзья?» После чего была уволена за непрофессионализм — мол, нельзя комментировать эфир вне его.

В начале 2010 года Собчак проиграла суд модели Родионовой, возмущённой хамством при вручении премии «Серебряная калоша»: после выхода фотоальбома, в котором та снялась обнажённой, Собчак объявила её победительницей в номинации «Голые и смешные». Моральный ущерб был оценён в 20 тыс. руб., но адвокат Добровинский назвал поражение Собчак шагом «в борьбе за то, чтобы сломать некий синдром безнаказанности, сложившийся у некоторых российских медийных персон, которые позволяют себе беспрестанно хамить и поливать грязью окружающих и при этом... создавать иллюзию своей... неприкосновенности и независимости от российских законов». В СМИ предполагалось, что «примеру Родионовой могут последовать и другие оскорблённые Собчак люди», но большинство ею, похоже, побрезговало.

Уровень Собчак был таков, что на Украине аналог передачи «Давай поженимся», которую она начала вести на канале СТБ в сентябре 2011 года, закрыли уже в конце месяца.

Но это было выгодно: только за кризис с сентября 2008-го по сентябрь 2009 года доход Собчак, по данным Forbes, составил 1,2 млн. долл. В 2015 году он был оценён тоже в 1,2 млн. (5-е место среди российских звёзд).

Купив в феврале 2010-го менее 0,1% акций «Евросети» за чуть более 1 млн. долл., в 2012-м продала их за 2,3 млн. В июне 2010-го вложила 17 млн. руб. в открытие с успешными московскими рестораторами кафе в центре Москвы, через полгода открыла совместный ресторан.

Нельзя, правда, исключить возможности того, что основная часть её богатств связана с лоббизмом, с использованием её связей и происхождением некоторых из сблизившихся с ней бизнесменов, плативших подарками и высокооплачиваемыми выступлениями отнюдь не за интимные услуги.

Лицо либерального протеста

Собчак поддержала протест против итогов выборов в декабре 2011 года, «оседлав волну» общественного движения. 10 декабря она, как и ряд других шоуменов, успела на Болотную, а 24 декабря выступила на проспекте Сахарова, став самым узнаваемым лицом «белоленточного протеста».

Считающая русских «быдлом», а Россию — «страной генетического отребья», Собчак точно выразила дух либерального клана: «Я не считаю, что Путин... корыстолюбец. Гораздо хуже: у него есть своя система ценностей».

7 февраля 2012 года MTV запустил программу «Госдеп с Собчак», но снял её с эфира после первого же выпуска о том, «куда ведёт нас Путин». Гендиректор MTV заявил, что «...зрителю MTV не очень интересна политическая окраска шоу, он жаждет развлечений», — при том что, по правдоподобным (из-за интереса к протесту) словам Собчак, аудитория шоу была вдвое выше, чем у других передач. Кроме того, его посмотрело около 100 тыс. пользователей Интернета и прокомментировало большинство телекритиков.

Вероятно, шоу закрыли из-за намерения Собчак пригласить Навального.

Уже 9 февраля Собчак стала директором спецпроектов журнала «Сноб». Программа стала выходить на его интернет-портале, а со 2 марта — на телеканале РБК; в конце мая, похоже, из-за событий 6—9 мая, её закрыли — но она успела получить премию как «Лучший проект в области политических медиа» (председателем жюри был единоросс Плигин, председатель комитета Госдумы по госстроительству).

В том же феврале 2012 года на телеканале «Дождь» стало выходить ток-шоу «Собчак живьём». Она взяла интервью у Фридмана, Ходорковского (первое интервью после его освобождения, по словам Собчак, — по его желанию, так как всё время его заключения она постоянно писала ему и поддерживала его), Е.Васильевой, Чичваркина, Полонского, Лукашенко и Саакашвили. Она говорила про себя как интервьюера: «Я — провокатор, и я очень этим горжусь... Есть способности заставить человека сказать то, к чему он не готов... Я за то, чтобы поставить человека в неудобные рамки с первого вопроса».

Осенью 2014 года Собчак в рамках этого подхода, по сути, уволила помогшего ей помощника Лукашенко: «Бывшая «светская львица»... вела себя... развязно. Как будто она — звезда, а перед ней чуть ли не мальчик. Шутила (ей казалось, видимо, что умно) на тему непростой личной ситуации Александра Григорьевича — у него растёт внебрачный сын Коля».

В марте 2012-го она с группой либералов была обвинена в уничтожении камеры и избииении двух репортеров Life News, пытавшихся снимать их в ресторане Собчак (через полгода дело было закрыто «по примирению сторон»).

В начале апреля её освистали на вручении кинопремий «Ника». Сведущий попросил её воздержаться от политичес-

ких дискуссий на празднике, но та, заявив: «У нас свобода слова. И я имею право задавать вопросы, которые считаю нужным», — спросила Чулпан Хаматову, получавшую приз за помощь больным детям, стала бы та агитировать за В.В. Путина, если бы не занималась благотворительностью (подразумевалось, что это занятие делает её зависимой от властей). Аудитория, критично относившаяся к В.В. Путину, не простила ей бессмысленного глумления над уважаемой и, в отличие от Собчак, помогающей людям актрисой. Многие полагали, что выпад был вызван не политической ролью, которую она примеряла на себя, а завистью к Чулпан Хаматовой.

В апреле же на созданном по инициативе Саакашвили «Первом информационном кавказском» телеканале Собчак запустила программу «Главная тема», существовавшую до июня.

6 мая 2012 г. на Болотную Собчак не пошла: как потом заявила, знала, что демонстрация будет нацелена на радикализацию. Возможно, слух о её участии в тусовке либералов в ресторане по ходу колонны протестующих и её тосте: «Мы должны выпить за этих людей, готовых отдать свои жизни за нашу власть!» распускали её фанаты или даже она сама.

8 мая, в предпоследний день «протестных гуляний» оппозиции она присоединилась к ним, была задержана с Навальным и оштрафована на 1 тыс. руб.

В мае её отстранили от ведения церемоний присуждения юбилейной премии «Муз-ТВ» и премии ТЭФИ. Помимо политических причин, вероятно, сыграл роль и скандал, устроенный ею на церемонии «Ника».

На волне протестов гонимая властями Собчак стала главным редактором глянцевого женского журнала SNC (ранее известного как Sex and the City). Утратив эту должность в декабре 2014-го — вероятно, потому, что в октябре того же года стала главным редактором фундаментального журнала о моде L'Officiel, — осталась в составе редакции.

Накануне «Марша миллионов» 12 июня у неё (как и у ряда других оппозиционеров) прошел обыск. По словам адвоката Резника, причиной было предположение, что у неё живёт либеральный оппозиционер Яшин. Было изъято более 1 млн. евро, 480 тыс. долл. и 480 тыс. руб.; когда не было выявлено уклонения от уплаты налогов, деньги вернули.

Через неделю после обыска Собчак и Яшин объявили, что их связывают близкие отношения (об их расставании стало известно в декабре).

Некоторые аналитики предположили, что либералы сумели на время внушить Собчак абсурдную и иррациональную мысль о причастности В.В. Путина к смерти ее отца.

Свой уход из «Дома-2» 1 июля 2012 года она объяснила «завершением... этапа развлекательного телевидения», Навальный — подчинением оппозиционерам: «Иначе мы бы не разрешили ей ходить с плакатом». Похоже, это главный вклад либеральной оппозиции в оздоровление общества.

В июле после трёх сезонов Собчак перестала вести шоу «Топ-модель по-русски» на «Муз-ТВ». «Это политическое решение... До декабря я была желанным гостем... теперь передо мной закрыты все двери», — заявила она и в сентябре возобновила на «Дожде» третью версию «Госдепа», закрыв её в апреле 2013 года.

По данным ВЦИОМа, в сентябре 2012-го Собчак вызвала негативную реакцию лишь у 44% россиян, что напоминало второе рождение.

Когда после обыска депутат Госдумы Пономарёв призвал Собчак дистанцироваться от оргструктур оппозиции, чтобы не бросать на неё тень своими миллионами, та заявила, что не претендует на руководство.

И через три месяца выдвинулась на организованных аппаратом Навального выборах в Координационный совет оппозиции. С 32,5 тыс. голосов уступила лишь самому Навальному, Быкову и Каспарову.

В рейтинге самых влиятельных женщин России 2012 года «Эха Москвы», РИА Новости, «Интерфакса» и «Огонька» Собчак заняла 14-е место, в 2014-м — 22-е.

1 февраля 2013 года вышла замуж за актёра Виторгана.

С ноября 2013-го «изгнанная отовсюду» Собчак открыла шоу «Сделка» на телеканале «Пятница», затем стала вести на нём же шоу «Битва ресторанов».

В январе 2014 года, когда кощунственный опрос «Дождя»: «Не следовало ли сдать Ленинград фашистам?» вызвал бурю негодования, Собчак заявила, что опрос не может быть аморальным — им может быть лишь ответ. Когда в соцсетях ей, извинившись перед её мужем, стали задавать аморальные вопросы (обычно задаваемые, похоже, проституткам), она на время успокоилась.

В декабре 2014 года на пресс-конференции В.В. Путина она заявила, что в Чечне не работают российские законы, а Кадыров угрожает родственникам террористов, но это почти не вызвало интереса.

Скандал с переодеванием в одежды православного священника также не привлёк внимания к Собчак, которая всё больше воспринимается едва ли не как современница Пугачёвой.

В феврале 2015 года она устроила скандал на программе НТВ «Список Норкина»: когда военные журналисты оспо-

рили её бред о том, что на Донбассе воюет армия России, Собчак впала в бешенство и обвинила их в лизоблюдстве.

На вопрос о её источниках информации она стала истерически кричать, что ей затыкают рот и не дают сказать ни слова, — а когда ведущий начал призывать её к порядку, стала грозить уходом.

Правда, не ушла — вероятно, эфир для неё тем ценнее, чем меньше она интересна, — а продолжала скандалить, называя программу «пропагандистской». Остановили словоизвержение распоясавшейся либеральной фурии жительницы Донецка, рассказавшие, как «поляки, американцы и фашисты уничтожают мирное население города». Собчак написала в «Твиттере»: «Я в аду», «Меня просто трясёт» и заявила (на фоне своих жалоб на игнорирование федеральными каналами), что больше не будет ходить на них.

Получив приглашение от радио «Комсомольской правды» на дискуссию с военными корреспондентами, перед эфиром Собчак договорилась об отказе переходить на личности — похоже, чтобы нарушить договорённость и обвинить ведущего в жизни его родственницы в Монако. Но её вопли «Монако! Монако!» породили лишь интернет-мем «Собчак, сделай мне Монако!»

Перейдя от навязывания аморальности к демонстрации интеллектуальности, Собчак всё больше вызывает равнодушные — как, впрочем, и проституция, и либералы в целом.

Мутное зеркало эпохи

Данная когда-то «Российской газетой» оценка Собчак как «ухоженной, принаряженной, покрашенной пустоты, ставшей по стечению обстоятельств брендом», — ошибка.

За накачанными губками, наивными глазками и демонстрацией пошлости как универсального заменителя морали стоит железный ум, постоянно готовый к борьбе без правил, нацеленный сильной волей на достижение ясных целей.

Считающим Собчак недоразумением стоит обратить внимание на её публичные скандалы и оценить, как жёстко, эффективно и окончательно (хотя в основном и отвратительно) расправлялась «ксюшадь» со своими соперницами по гламурному цеху.

Подобно Екатерине Великой не соответствующая критериям красоты Собчак неослабными усилиями смогла убедить многих в своей внешней привлекательности.

За полтора года она превратила мужа, склонного к полноте, почти в атлета.

Раздражённые резкой сменой образа с публичной «гламурки» на не менее публичную интеллектуалку забывают или не знают, как страшно принимать подобные решения. Большинство, даже осознав выработанность привычной модели деятельности, боится сменить её, обрекая себя на прозябание. Собчак, исчерпав возможности «порочной девы гламура», сумела сменить имидж так, чтобы он был органичен ей и довольно долго интересен обществу.

У неё, похоже, нет внутренней культуры (откуда той взяться в её семье?) — Светоний вместо сказок не помог. Но она превратила моральную пустоту в источник силы и идеал, эффективно и безжалостно навязываемый растерянным поколением.

Детям 90-х, жертвам краха основ жизни, а затем и ЕГЭ нужно разъяснять азбучные истины, которых они не знают, — и на доступном им языке. Собчак делает это, калеча души аморальностью и эгоизмом не по злому умыслу, а из-за равнодушия и органичности: она сама такая же и не подозревает, что нормально — это по-другому.

Предельно искренне звучит её попавшее в Интернет (хоть и с пометкой «подлинность записи не подтверждена») в марте 2013 года высказывание (в её доме ремонтникам ради тихого часа запретили шуметь днём, и они начинали работать в 10.00, когда Собчак возвращалась домой со светских тусовок): «...Мы не в детском саду. Сегодня в час дня я вам продемонстрирую, что такое, б***ь, вечеринки. У вас не будет тихого часа в любом случае. Вы должны уяснить и смириться с этой мыслью. С сегодняшнего дня из-за этих мелких пида**ов, б***ь, и гадёнышей, которые тут живут, если вы будете устраивать здесь детские часы, я буду устраивать вам дискотеки ровно в это время... пусть живут со своими детьми в детских домах... И подстраиваться под каких-то гадёнышей я не буду. Почему у меня прав меньше, чем у мелких пид***ов? Я детей не люблю. Мне наплевать на то, во сколько они спят, пусть спят в другом месте. Почему вам маленькие дети важнее, чем я?.. Мне насрать на этого маленького ребёнка, пусть он хоть сдохнет... У меня детей не будет, не надо мне этого счастья».

Остаётся лишь надеяться, что Собчак лгала, обещая своим поклонникам после свадьбы завести детей в 40 лет.

Да, она «в телеэкран... просунулась благодаря... знатному происхождению и по большей части потому, что примелькалась на виповских мероприятиях». Но ослеплённые её хамством и своим естественным омерзением критики не видят остроты конкуренции (даже с учетом её, похоже, абсолютно

го административного ресурса). Совершенства аморальности и отсутствия нормальных человеческих чувств было мало: нужны были ум, сила воли и чутьё.

Когда в нулевые... глянецовые журналы и развлекательное телевидение стали единственными социальными лифтами, а деньги оказались национальной идеей, устраивающей всех, — Собчак сумела стать символом этого.

Когда же люди потянулись к знаниям — она стала интеллектуалкой. Навальный, если верить СМИ, отметил: «...золотой лобок России и матёрая интеллектуалка сначала показывала за деньги трусы и что под ними, а теперь надела очки».

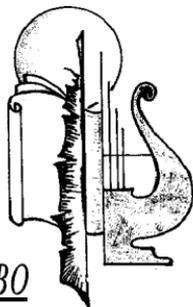
Отрицание морали, стремление вслед за собой освободить и всех от «химеры, именуемой совестью», делает её эффективным оружием разрушения России. Прививка эгоизма и самоубийственной вседозволенности, сделанная либеральной принцессой целому поколению молодёжи, может показаться на фоне её предстоящих успехов «невинной детской игрой в крысу».

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

ОРЕСТ АДАМОВИЧ КИПРЕНСКИЙ
(1782 — 1836)

Петербургская Академия художеств была первым русским учебным заведением, призванным готовить отечественных «изящных дел мастеров». Планы создания Академии — по образцу и подобию французской — лелеял ещё Пётр I, но осуществились они только при его дочери Елизавете. Занятия начались в 1758 году. На первых порах учителями были исключительно иностранцы; лишь постепенно наряду с ними к преподаванию стали привлекаться русские мастера из числа питомцев самой Академии.

Были трудности при наборе учеников, и в связи с этим возникла идея создать при Академии Воспитательное училище, где одаренным детям наряду с общеобразовательной подготовкой будут даваться начальные художественные навыки. Дальнейшее развитие навыков должно было проходить уже в самой Академии. Чтобы «новая порода людей» не набиралась худых примеров, постановили «никогда им не давать ничего дурного».

ИСКУССТВО

В это Воспитательное училище и привёз в 1788 году помещик Дьяконов своего шестилетнего незаконнорожденного сына Ореста. Имение Дьяконова находилось вблизи Копорья Ораниенбаумского уезда, Ореста крестили в Копорской церкви и при крещении мальчик получил вымышленную фамилию Копорский. При подаче документов в Воспитательное училище Дьяконов написал, что мальчик не является крепостным, что у него есть отец и мать, и что фамилия мальчика Кипрейский. Фамилию Дьяконов сочинил тут же, поскольку Кипрейский звучало куда интереснее, чем Копорский, — Кипридой прозывалась богиня любви Афродита. (Впоследствии Орест стал именоваться Кипренским). Назвать сына звучным именем Орест — тоже была идея Дьяконова.

Воспитательное училище и Академия на долгие годы стали для Ореста родным домом. Кроме живописи, здесь обучали музыке, иностранным языкам, игре на клавинофордах и скрипке. Учеников регулярно водили на концерты; они имели возможность заниматься танцами и пением. Телесные наказания были запрещены.

То, что Кипренский всю жизнь был завзятым театралом и любил музыку, это заслуга Академии. Директор её считал, что устройство увеселений необходимо, поскольку без этого «вселяется уныние, производящее дух рабства, источник всех пороков».

Перейдя в старшие классы, Орест избрал для себя историческую живопись. Она почиталась как высший жанр, учеников набирали самых одаренных. Преподавателем исторической живописи был француз Дуайен. Но не он оказал главное влияние на творчество Ореста, а русские преподаватели — те, кто недавно еще были учениками Академии и которые стремились теперь связывать обязательные сюжеты древнегреческой мифологии с духом национальной русской жизни. В 1799 году, выполняя работу на мифологический сюжет, Орест смело разрушил устоявшиеся традиции, однако порицания за это не получил, наоборот, был удостоен Малой золотой медали.

И все-таки ярче всего талант Кипренского проявлялся в портретной живописи! В 1804 году на академической выставке он представил портрет своего отчима Адама Швальбе. Орест хоть и не часто, но посещал родной дом, и между юношей и его отчимом установились сердечные отношения. Только теперь Кипренский узнал всю трагедию этого человека: немец по происхождению и отнюдь не крестьянского звания, Адам Карлович роковым образом оказался крепостным русского барина. Дьяконов, после рождения сына, дал его

матери, дворовой девушке Анне Гавриловой, вольную, выдал замуж за Адама Швальбе, объявив, что все дети супругов получат вольную сразу же при рождении, но Адам — только по смерти Дьяконова! Малейшее непослушание, нечаянно брошенное слово или смелый взгляд на барина грозили разрушить и семейную жизнь Адама, и мечту о свободе.

Дьяконов умер, Адам по завещанию получил вольную, был даже назначен приказчиком, но это уже ничего не решало — жизнь прошла мимо.

Орест Кипренский создал не просто портрет своего отца, он создал самую настоящую картину, в которой передал внешний облик Адама Швальбе, его характер и его сложное душевное состояние. Умный, добрый человек с прекрасным лицом, но — сколько боли в этом лице! Рука судорожно сжимает трость, и на глазах Адама Карловича слёзы.

Это был огромный прорыв в портретной живописи! Кипренский встал в первый ряд мировых мастеров этого жанра. Недаром, спустя четверть века, неаполитанские знатоки отказались поверить, что автор портрета русский живописец. Они приняли работу Ореста Кипренского за произведение старых фламандских мастеров, и художнику с трудом удалось доказать свое авторство. Но почему Кипренский изобразил русского крепостного в облике голландского бургомистра семнадцатого столетия, он так и не открыл никому.

В 1809 г. Академия художеств направила Ореста в Москву — быть при скульпторе И.П. Мартосе во время его работы над монументом Минину и Пожарскому. Москва меценатов, патриотов, радетелей отечественной культуры приняла талантливого художника с распростертыми объятьями. В первый же год Орест познакомился с Василием Давыдовым — отставным военным, чья служба была прервана Павлом I, как это случилось со многими дворянами, не угодными Павлу.

Орест еще в Петербурге был наслышан о старшем сыне Давыдова — Денисе, который служил в кавалергардах и приобрел большую известность своей храбростью и стихотворным даром. Был славен и младший сын Давыдова — Евдоким. Во время сражения при Аустерлице Евдоким получил семь ран: пять саблей, одну пулевую и одну штыковую. Его подобрали французы, отправили в город Брюн, где находилась главная квартира Наполеона, и поместили в госпиталь. Когда лазарет посетил Наполеон, то, увидев забинтованного с ног до головы русского офицера, спросил:

— Сколько ран, мосьё?

— Семь, ваше величество, — ответил Евдоким

— Столько же знаков чести! — бросил Наполеон эффектную фразу, о которой газетчики раструбили по всей Европе.

Долечивался Евдоким во Франции, на берегах Роны. Едва встав на ноги, вернулся в Россию.

Денис и Евдоким были гордостью русской армии. Не отставал от них и двоюродный брат Евграф, тоже гусар, тоже вдосталь вкусивший порохового дыма. Все они были храбрецы, люди доблести, чести — цвет русского офицерства, удивительным образом соединившего в себе бесшабашную удаль, молодечество и непоколебимую верность долгу. Познакомившись с Евграфом Давыдовым, Кипренский сразу решил создать программную картину. Именно картину, как он потом и называл свое детище, а не просто портрет молодого гусарского полковника. Накопленный к тому времени опыт в портретной живописи позволял надеяться на успех.

Художник вложил в картину всю свою душу! Писал свежо, широко, законченно. Фигура Евграфа была взята в полный рост. Стоит, подбоченясь, опираясь на саблю, сияет золотое шитье на парадном мундире, кивер небрежно брошен на каменный выступ... А обстановка проста, как в стихах Дениса Давыдова:

*Он — гусар, и не пускает
Мишурую пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса.*

Кипренский давно уже понял, что чувства, внушаемые человеком, с которого пишешь портрет, должны составлять главное достоинство изображения. Но не всегда рисковал признаваться в этом на полотне. И лишь когда ничто не мешало ему это сделать, выходили подлинные шедевры, которым суждено было стать основополагающими вехами в отечественном портретном искусстве. Так случилось с портретом Евграфа Давыдова.

Этот образ стал символом русского офицерства тех лет.

*Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.*

*Вам все вершины были малы
И мягок — самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!*

*Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли. —*

написала спустя век Марина Цветаева.

Этой блистательной молодежи в скором времени надлежало отстоять честь и независимость России, переломить хребет Наполеону, покорившему уже всю Европу.

Но Кипренский не указал, что портрет написан с Евграфа Давыдова (это было и так всем известно), поэтому спустя годы, когда уже Кипренского и Евграфа не было в живых, стали считать, что на портрете легендарный Денис Давыдов. Только в сороковых годах двадцатого века историк-искусствовед Э.Н. Ацаркина обнаружила в архиве документ, по которому удалось установить настоящую личность портретируемого.

В Москве Кипренский работал так много, что граф Ростопчин писал в Петербург: «Он почти помешался от работы». Задуманное и решённое для себя Орест отстаивал до последнего истощения сил. На его полотнах была без утайки вся жизнь позировавших ему людей. «Кто сказал, что чутьё нас обманывает?» — спрашивал он в своем «философском альбоме». Угадать глубинную сущность человека, с которого пишешь портрет, было еще одной гранью его таланта.

И всё же Кипренский редко бывал доволен собой. Его творчество требовало простора, хотелось в Италию, в Рим — вторую родину живописцев, где в галереях картины самых великих художников мира. Шесть лет назад Орест получил за конкурсную картину Большую золотую медаль и право на заграничную поездку для продолжения художественного образования, однако границы были закрыты: по Европе шла армия Наполеона.

В марте 1812 года Орест вернулся в Петербург. Вернулся признанным мастером, слух о котором проник даже в Западную Европу. Вся столица заговорила о «волшебном карандаше» Кипренского! Легкость, с которой он создавал свои карандашные портреты, казалась чудом. Орест получил звание академика, и самые именитые люди Петербурга почитали за честь позировать ему. Он стал повсюду желанным гостем: обаятельный, веселый, крайне добродушный человек, блестящий художник, и к тому же почти профессионально занимавшийся математикой, естественными науками и литературой.

В июне 1812 года в Россию вторглась многотысячная вражеская армия. Из Петербурга пошли навстречу ей гвардейские полки и отряды ополченцев. Весь русский народ напряженно следил за событиями на фронте, глубоко переживая отступление русских войск. Только 31 августа газеты оповестили о сражении при Бородине и о донесении Кутузова императору: «Войска сражались с неимоверною храбростью: батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами». Это ещё не была победа, но русская армия показала, на что способна!

В октябре «непобедимое воинство» Наполеона потащилось назад, бросая оружие, мародерствуя по пути, замерзая, проклиная Россию и русских!

Летом 1813 г. Кипренский приехал в Царское Село. В Императорском Лицее, в честь победы над врагом, устраивались спектакли, балы, на которые приглашались родственники и знакомые лицеистов. Кипренский тоже бывал. Был поражён, как резко повзрослел Саша Пушкин! Орест его знал по Москве, поскольку был дружен с его отцом и бывал у них дома. Прежний неповоротливый Сашка превратился в крайне непоседливого подростка; но вдруг начинал о чём-то задумываться и очень сердился, если его отвлекали. Товарищи по Лицею знали, что Пушкин пишет стихи.

В Лицее Кипренский сделал несколько карандашных портретов, среди которых портрет Наташи Кочубей, дочери Виктора Кочубея, министра внутренних дел России. Именно она, а не Бакунина, стала «первым предметом любви Пушкина». В Катеньку Бакунину он влюбился позже. Влюбленность четырнадцатилетнего Александра Пушкина в Наташу Кочубей оставила очень светлый след в его жизни. Наташа станет многолетней музой поэта, вдохновит его на создание поэмы «Бахчисарайский фонтан», её он изобразит в 8-й главе «Евгения Онегина»:

*Но вот толта заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней...*

Но в 1813 году, когда Кипренский писал портрет Наташи Кочубей, она была еще полуребенком. Карандаш художника и лёгкая подцветка пастелью показали с удивительной душевной деликатностью её трогательно-наивное, комически-серьезное личико, повернутое в сторону собеседника.

Через пять лет Наталья Кочубей выйдет замуж за барона Строганова, станет блистательной светской дамой, но будет питать к Пушкину самые нежные чувства. Она видела его незадолго до дуэли с Дантесом. После смерти Александра Сергеевича с большим жаром говорила в защиту поэта.

В мае 1816 года Кипренский наконец отправился в Европу.

Начиналась совершенно новая страница его жизни. Он побывал в Германии, останавливался в Швейцарии, и осенью прибыл в Милан, где целыми днями готов был стоять в монастыре Санта-Мария делле Грацие, вглядываясь в «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи. Писал в Петербург друзьям: «При виде творений гения, рождается смелость, которая в одно мгновение заменяет несколько лет опытности».

После Милана художник поехал в Рим. Здесь в первое время он только и делал, что ходил в Ватикан, где полы, потолки, стены, да всё, всё — было произведениями искусства! Порою ему не верилось, что он, человек крестьянского сословия, так оглушительно щедро обласкан судьбой!

В Риме жили питерские вельможи, имя Кипренского им было известно, стали поступать заказы на портреты. Для Ореста это был заработок и одновременно усовершенствование мастерства. Он чувствовал натуру глубоко и сильно, и создал особый характер портретной живописи. Однако считал, что настоящее его призвание — историческая живопись. Задумал большую картину. Подыскивая для нее нужный тип, встретил на улице шестилетнюю девочку и уговорил её мать разрешить ребёнку позировать.

Слабое здоровье и крайняя бедность девочки пробудили в художнике особое к ней участие. Оно еще усилилось, когда Кипренский собрал о девочке сведения. Оказалось, что мать Мариуччи (так ласково звал художник малышку) гулящая женщина. Стараясь спасти ребёнка, Орест взял Мариуччу к себе на квартиру. Он окружил её вниманием и заботой, а девочка очень ответственно и серьезно позировала ему. За каждый сеанс Кипренский платил её матери деньги.

Однако же мать стала требовать денег всё больше; художник ей уступал, и наконец терпение его лопнуло, он дал отпор зарвавшейся женщине. В ответ мамаша пришла к нему на квартиру с ватагой бродяг и утащила ребенка с собой. Орест

отыскал Мариуччу. Она оказалась в солдатской казарме. Увидев его, малышка заплакала, кинулась целовать ему руки и умоляла забрать от нетрезвых и буйных людей. Он тоже заплакал...

С мамашей была улажена сделка при участии адвоката: мать отказывалась от притязаний на дочь, а Орест давал обязательство воспитать Мариуччу достойно. Для её обучения он пригласил аббата, следил за успехами девочки. Сам лишенный родительской ласки, он баловал Мариуччу, и она всей душой привязалась к нему.

Через три года Кипренский принял участие в выставке. Среди представленных им полотен был портрет Мариуччи. В каких-то особых пространствах витало его художественное воображение, когда он писал Мариуччу — «Девочку в маковом венке».

Успех был огромный! Кипренский стал первым русским художником, получившим признание в Италии. Был избран членом Флорентийской академии художеств, а галерея Уффици — выдающийся музей мира — заказала ему автопортрет.

Такие взлёты без завистников не обходятся. Была убита натурщица Кипренского, и завистники обвинили в этом Ореста, хотя его невиновность доказывало уже то, что в папском Риме с его жесточайшими порядками никто даже не думал привлекать художника к уголовной ответственности. Наконец полиция отыскала убийцу (им оказался любовник натурщицы); и все равно слухи и пересуды преследовали Ореста, делая его жизнь невыносимой. Кипренский решил покинуть Италию.

Но как ему быть с Мариуччей? Взять в Россию не разрешат; оставлять на руках преступной матери — значит обречь ребенка на то, что со временем она встанет на тот же порочный путь. Киприенский решил обо всем написать кардиналу Консальви. Проникшись сочувствием к девочке, Консальви поместил Мариуччу (Марию Фалькуччи) в монастырский приют для бедных людей, а чтобы мать не нашла свою дочь, это было сделано тайно. Настолько тайно, что даже Кипренский не знал, где находится девочка.

Из Рима Орест поехал в Париж, где пробыл целый год. Его поражало уважительное отношение французов к своим художникам! Писал друзьям в Петербург: «Нельзя себе представить, сколько живописцев в Париже, и все почти заняты. Работы заказывают им не иностранцы, а свои». Горько было Кипренскому, потому что в России были в почете в основном чужие умы и таланты.

Летом 1823 года Орест ступил на родную землю.

Неласково встретил его Петербург. Худая молва, пущенная о Кипренском в Италии, сделала свое дело. Президент Академии художеств А.Н. Оленин, когда-то радушно пригласивший Кипренского в своем доме, теперь во всеуслышание заявил, что пагубно принимать в академию людей, «принадлежащих к холопскому званию, столь уничижительному не только у нас, но и во всех землях света».

Такие вельможные выпады разрывали сердце Кипренского, унижали его человеческое достоинство — было желание вновь уехать в Италию, и теперь уже навсегда! Вспоминал «девочку в маковом венке», которая была так же одинока, как и он. В письме к скульптору С.И. Гальбергу, оставшемуся в Италии, просил разыскать Мариуччу, выяснить, как ей живется: «У меня никого ближе ее нет на земле, нет ни родных и никого».

Но возвращаться в Италию было не на что. Кипренский делал надежду на крупный заказ императора для галереи в Зимнем дворце: написать портреты героев 1812 года. Однако Николай I заказал портреты русских героев английскому художнику Доу и повелел именовать его «первым портретным живописцем его императорского величества».

Друзья Кипренского, и в том числе Пушкин, негодовали: «Доу прекрасный живописец, спору нет, но русских героев не должен писать иностранец!»

В 1827 году Кипренский начал работу над портретом А.С. Пушкина. Передав с поразительной силой одиночество высокой души поэта, Кипренский высказался и о себе. (Николаевской России ни Пушкин, ни Кипренский не были нужны, а ведь когда-то Кипренский гордо заявлял: «Я радуюсь, что родился русским!»)

Через год художник вернулся в Италию. Снова Рим. Поиски Мариуччи, которую он наконец отыскал в монастыре близко от центра города (кардинал Консальви сделал это специально: мать девочки будет искать её в дальних монастырях). Встреча была сердечной и трогательной. Мариучча стала красавицей, Кипренский был ещё молод и обаятелен, к тому же они любили друг друга. Состоялась помолвка.

Но художник хотел обеспечить будущее Мариуччи. Шесть лет провёл он в поездках по Италии, пытаясь заработать необходимую сумму. Много писал, участвовал в выставках, и был удостоен членства Неаполитанской Академии художеств. За блистательный талант портретиста его стали величать «русским Ван Дейком». В июне 1836 года Мария Фалькуччи стала женой Ореста Кипренского.

Жизнь в это время поманила художника светлыми надеждами: отправленные им в Петербургскую Академию художеств картины имели успех. Более того, на них обратил заинтересованное внимание сам Николай Первый и приобрел картину «Вид Везувия». Академия заочно утвердила Кипренского в звании профессора. Окрыленный, стосковавшийся по родине, Кипренский сразу же стал собираться в Россию! Он спешил закончить дела в Италии, попрощался со знакомыми, уверенный, что теперь уезжает навсегда. Часть имущества уже была упакована в ящики и отправлена на корабле, носившем название «Анна Мария» (по странному совпадению это было полное имя Мариуччи).

В сутолоке сборов художник не придал значения полученной простуде. Друзья готовили для Кипренского прощальный обед, спорили о подарке, сочиняли памятную надпись... и не подозревали, что вскоре им придется провожать художника в иной путь.

Простуда оказалась коварной. Орест Кипренский умер 12 октября 1836 года. Похоронили его по католическому обычаю, в церкви Сант Андреа. (Женившись на римлянке, Орест был обязан принять католичество). На памятник сделали складчину русские художники, жившие в Риме, отдав последнюю дань величайшему портретисту России.

Убитая горем Мариучча положила нежные цветы на могилу мужа. Судьба отпустила им семейного счастья совсем немного. Дочь родилась уже после смерти Кипренского.